
И
61
279

Шишков, А.С., Собрание детских повестей.

Шишков, Александр Семенович.
Собрание детских повестей.
[Спб., 1809].

Шишков, А.С.

Собрание детских повестей.

Спб, 1809

КНИГА ИМЕЕТ:

листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый
1						5	20/48

1952 г.

Зак. 828

ДВѢ СОБАКИ.

Змѣйка завистливая и Соколка добросердечная.

У одного господина были двѣ собаки разныхъ нравовъ.

Соколка, вѣрная и доброхотная собака, стерегла дворъ; а Змѣйка злая и завистливая, любима будучи имъ, находилась всегда при немъ въ горницѣ.

Соколка сердечно радовалась, когда господинъ ея ласкалъ Змѣйку; а Змѣйка всегда начинала ворчать, когда бѣдной ея товарищъ осмѣливался приползать къ ногамъ господина своего, чтобъ также получить отъ него маленькую ласку.

Когда бывало Змѣйкѣ дадутъ кусокъ мяса, то Соколка помахиваетъ хвостомъ, и такъ радуется, какъ бы она сама его получила.

Естьли же напротивъ того Соколкѣ бросятъ кость, то Змѣйка подниметъ такой лай, какъ будто бы домъ горѣлъ: тогда добросердечная Соколка, чтобъ избѣжать ссоры, обыкновенно уступитъ ей недоглоданную кость и побредетъ въ свою канурку.

Господинъ, примѣтя это, сталъ не любить Змѣйку.

Въ одинъ день сидя за столомъ кинулъ онъ имъ обѣимъ вдругъ, Змѣйкѣ кусокъ мяса, а Соколкѣ кость.

Лишь только увидѣла завистливая Змѣйка, что товарищь ея также нѣчто получилъ, кинула съ сердцовъ свое мясо и бросилась на Соколку, чтобъ отнять у нее кость.

Та, по доброму сердцу своему, уступила ей и хотѣла итти опять въ свою канурку.

Однако господинъ кликнулъ ее назадъ, и давъ ей кусокъ мяса, которой Змѣйка бросила, сказалъ:

„Ѣшь, добрая собака! справедливость требуетъ, чтобъ ты етотъ кусокъ имѣла, потому что у тебя отняли твою кость.„

Змѣйка вытаращила глаза.

„И какъ ты, продолжалъ господинъ, добросердечна и уступчива, а та завистлива и нахальна; то будь напредки у меня всегда въ горницѣ, а она вмѣсто тебя пускай стережетъ дворъ.

„Возмите, привяжите ее на цѣпь.„

Сказано, сдѣлано. Змѣйку привязали на цѣпь, а Соколка осталась въ домѣ.

Тогда-то можно было прямо видѣть какое великое различіе между добрымъ сердцемъ и злымъ.

Какъ скоро доброхотная Соколка получала себѣ лакомой кусочикъ, то никогда одна не съѣдала его, а относила всегда часть въ кануру къ Змѣйкѣ, и махая хвостомъ давала ей знать чтобъ она ѣла.

Также часто ночью добровольно приходила она къ ней въ канурку, чтобъ сдѣлать ей товарищество, и нѣсколько ее на морозѣ посогрѣть.

Но злая и завистливая Змѣйка, вмѣсто, благодарности за такія дружескія услуги, всегда на нее ворчала и огрызалась.

Чтожъ напослѣдокъ сдѣлалось?—Зависть и досада на Соколкино щастіе такъ ее измучили, что она скоро издохла.

ПѢСЕНКА КЪ ДОЖДИКУ.

Вася.

Капь на землю, дождикъ, капь!
Хлѣбъ на нивахъ пропадаетъ,
Вянутъ, вянутъ всѣ цвѣты.

Мишюта.

Капь на землю, дождикъ, капь!
Древеса стоятъ уныло,
Сохнетъ, сохнетъ зелень вся.

Вася.

Въ полѣ скотъ ослабѣвая
Томно на небо глядитъ.

Мишюша.

Червь на травкѣ истлѣвая
Безъ движенія лежитъ.

Оба.

Ахъ! не дай цвѣткамъ увянуть,
Червячку въ травѣ истлѣть,
И деревьямъ всѣмъ засохнуть,
Капь на землю дождикъ, капь!

Продолженіе:

Вася.

Вотъ и дождикъ, вотъ и онъ!
Пьютъ цвѣточки увядавши,
Пьютъ сухія сѣмена!

Митюша.

Дождикъ льется, посмотри!
Пыль съ листочковъ омываетъ,
Оживляются древа.

Вася.

Скотъ отъ зноя утомленный
Къ небу радостно рычитъ.

Митюша.

Червь на травкѣ изнемогшій
Насыщается и пьетъ!

Оба.

Ты сего создавшій червя,
Всяку травку, весь сей скотъ,
Всѣ древа и всѣ цвѣточки,
Будь благословенъ Творецъ!

Три златоперыя рыбки.

Нѣкто доброй человѣкъ имѣлъ у себя три маленькія рыбки, пригожія собою, и чешуйка на нихъ была будто золотая.

Онъ пустилъ ихъ въ чистой прудокъ, и будучи до нихъ добръ, любовался смотря на ихъ свободу.

Часто садился онъ на берегу сего прудка, и бросалъ имъ хлѣбной мякишь въ воду: тогда сіи прекрасныя рыбки приплывали и ѣли етотъ мякишъ.

Въ ето время онъ имъ всегда говаривалъ: „Рыбки, рыбки! берегитесь двухъ вещей, естьли хотите жить всегда такъ щастливо, какъ вы теперь живете.

„Не ходите сквозь рѣшетку изъ етова маленькаго въ большой смежной съ нимъ прудъ, и не плавайте поверхъ воды, когда меня здѣсь нѣтъ.„

Но рыбки словъ его не разумѣли. Тогда етотъ доброй человѣкъ самъ въ себѣ подумалъ: ужъ я имъ ето какъ нибудь растолкую, и сталъ подлѣ рѣшетки.

Какъ скоро которая нибудь изъ нихъ приходила туда и хотѣла проплыть сквозь рѣшетку, то онъ хлопалъ по водѣ палочкою, чтобъ она испугалась и ушла назадъ.

Тоже самое дѣлалъ онъ, когда которая нибудь изъ нихъ всплывала поверхъ воды, чтобъ она опять ушла на дно.

Теперь чаю онѣ меня поняли, думалъ онъ, и пошелъ домой.

Тогда сіи три пригоженькія рыбки сплылися вмѣстѣ и качаютъ головками, и не могутъ понять, для чего етотъ доброй человѣкъ не хочетъ, чтобъ онѣ сквозь рѣшетку въ большой прудъ и поверхъ воды плавали.

„Самъ онъ ходитъ по верху, сказала изъ нихъ одна, для чегожъ намъ не всплывать иногда къ верху?

„И для чего быть здѣсь въ заперти? сказала другая; что намъ сдѣлается, естьли мы на часокъ въ большой прудъ погулять выдемъ?

„Конечно ето злой человѣкъ, повторила первая; онъ насъ не любитъ, и не хочетъ, чтобъ мы жили весело.

„Я на него не посмотрю, примолвила втораяя, и пойду себѣ погуляю въ большомъ пруду.

„А я, сказала опять первая, всплыву между тѣмъ на верхъ и тамъ на солнышкѣ поиграю.„

Но третья злашоперая рыбка была благоразумнѣе ихъ и такъ размышляла.

,,Доброй етотъ человѣкъ конечно имѣетъ какія нибудь причины намъ то запрещать.

,,По всему видно, что онъ насъ любитъ.

,,За чемъ бы ему приносить къ намъ такъ часто хлѣбной мякишъ, и утѣшаться смотря какъ мы его ѣдимъ?

,,Нѣтъ, онъ конечно не злой человѣкъ, и я все то буду дѣлать, что ему угодно, не взирая на мое незнаніе, для чего онъ етова хочетъ.,,

Такимъ образомъ добринькая ета рыбка осталась на днѣ пруда, а другія пошли и исполнили что сказали.

Одна переплыла сквозь рѣшетку въ большой прудъ, а другая всплывъ поверхъ воды играла на солнышкѣ, и обѣ онѣ смѣялись надъ третьею сестрою своей, что она къ нимъ пристать не хотѣла.

Но что сдѣлалось?

Лишь только первая рыбка вышла въ большой прудъ, то бросилась на нее щука и ее проглотила.

А другую увидѣла чайка, пустилась внизъ, схватила ее въ кохти, и понесла клевать.

Осталась только третья благоразумная рыбка.

Добродушной хозяинъ радовался нашедъ ее такъ послушною, и приносилъ ей каждое утро самой лучшей кормъ.

Такимъ образомъ жила она всегда въ удовольствіи и достигла до глубокой старости.

ПРЕКРАСНЫЯ ПЛАТЬЯ.

Маленькая Аннушка доселѣ носила полотняное платьице и кожаныя башмачки, а волосы у нее сами собою были кудрявы.

Однажды была она вмѣстѣ съ другими дѣтьми, которыя какъ большія госпожи наряжены были, и это ей очень понравилось,

Батюшка сударь, сказала она возвратясь домой, подарите мнѣ шолковое платьице и шитыя башмачки, такъ какъ я у другихъ дѣтей видѣла, и прикажите мнѣ такъ же причесать волосы.

Пожалуй изволь, сказалъ ей отецъ, ежели это тебѣ нравится, только, я думаю, ты этимъ скоро наскучишь.

„Для чего, батюшка сударь? спросила Аннушка.

Для того, сказалъ отецъ, что ты всегда должна будешь опасаться, чтобъ не изодрать и не замарать твоего прекраснаго платья.

А оно вѣть много денегъ будетъ стоить, и не льзя его вымыть, ежели однажды замарается.

„ О я уже буду беречься!

Очень хорошо, инъ пускай такъ, сказалъ отецъ: и велѣлъ ей все сдѣлать, что принадлежитъ къ наряду.

Какъ малютка отъ радости прыгала, когда всѣ сіи разноцвѣтныя вещи на нее надѣли!

Послѣ обѣда назначено было итти гулять и Аннушка въ томъ числѣ:

Пришли на одинъ лугъ, гдѣ было премножество цвѣтовъ, вкругъ которыхъ пестрыя бабочки летали.

Мальчики и дѣвочки побѣжали всѣ туда рвать цвѣтки и ловить бабочекъ.

Аннушкѣ хотѣлось также съ ними побѣгать, однакожъ ей показали, что трава была нѣсколько мокра, и что она свое платье замочитъ, ежели туда побѣжитъ.

И такъ должно ей было оставаться одной и дожидаться, покуда другіе нарвавъ довольное число цвѣтковъ возвратились назадъ.

Потомъ надобно имъ было итти черезъ маленькіе кустики.

Аннушка, идучи всегда осторожно, чтобъ не зацѣпиться за терновникъ и не изодрать своего прекраснаго платья, принуждена была оставаться нѣсколько позади, между тѣмъ какъ прочіе дѣти бѣгали и прыгали по кустамъ.

Вдругъ услышали превеликой крикъ.

Прибѣжали назадъ и нашли, что Аннушка высокимъ своимъ головнымъ уборомъ зацѣпилась за низинькой сучокъ и не могла никакъ освободиться.

Помогли ей въ томъ; но какъ она волосами очень запуталась; то въ распутываніи не прошло безъ боли, и уборъ ея весь былъ смятъ.

Недалеко отошли еще, какъ стала она жаловаться, что шнуровка ее весьма жметъ.

Она бы желала возвратиться домой, чтобъ разшнуроваться; но не справедливо было хотѣть, чтобъ всѣ дѣти оставили для нее свои забавы.

И такъ не могши далѣе итти, она принуждена была остаться на одномъ мѣстѣ и дожидаться, покуда всѣ дѣти возвратятся назадъ.

Тутъ-то ей было скучно! и она часто думала: ахъ! батюшка мой говорилъ мнѣ правду.

Спустя нѣсколько времени прибѣжали всѣ назадъ и кричали ей: поскорѣй, поскорѣй, Аннушка! дождь будетъ, большая туча поднимается.

Такимъ образомъ бѣдняжка, не смотря на то, что шнуровка и узкіе башмаки великую боль ей дѣлали, принуждена была бѣжать изъ всей мочи.

Но при всемъ ея стараніи не могла поспѣть за другими, которыя легко были одѣты.

Всякую минуту зацѣплялась она то платьемъ, то рукавами, то растрепаннымъ своимъ головнымъ уборомъ.

Между тѣмъ нашла туча и полился сильный дождь въ самое то время, какъ другія дѣти прибѣжали уже домой.

Аннушку замочило всю; она потеряла одинъ башмакъ въ грязи, и насилу могла дотащиться до дому.

Надобно ей было переодѣться, и она увидѣла, что наряды ея никуды болѣе не годятся.

Сдѣлать ли тебѣ завтра другое шолковое платьице? спросилъ у нее отецъ, видя, что она неутѣшно плакала.

Нѣтъ, нѣтъ, батюшка сударь! отвѣчала она.

Я вижу теперь, что дѣти худо дѣлаютъ, когда думаютъ быть умнѣе отца и матери: позвольте мнѣ носить мое прежнее платьице и простите мнѣ мою глупость.

ПѢСЕНКА НА КУПАНЬЕ.

Ребята, намъ въ полѣ
Отъ солнца сгорѣть,
Дня жарка мнѣ болѣ
Нѣтъ мочи терпѣть.
Мы можемъ собраться
Въ другой разъ сюда.
Купаться, купаться,
Теперь череда.

Вонъ мягкой травою
Покрытъ бережокъ,
И тамъ надъ водою
Я вижу кустокъ;
Туда раздѣваться
Скоряе пойдемъ,
Плескаться, плескаться
Водою начнемъ.

Кто далѣ не смѣетъ,
У краишка стой;
А кто не робѣетъ,
Ступай тотъ за мной.
Небойтесь, идите,
Здѣсь омутовъ нѣтъ;
Смотрите, смотрите,
Какъ Миша плыветъ.

По самые груди
Иду въ глубину,
Эй! добрые люди
Прощайте: нырну!
Какое приволье
Купаться въ рѣкѣ!
Раздолье, раздолье,
Въ такомъ холодкѣ!

Смотрите, Петруша
Плыветъ на спинѣ;
А тамъ вонъ Андрюша
Верхомъ на бревнѣ.
Эй братъ! не свалися
Съ коня своего;
Держися, держися,
Прилягъ на него.

Взгляните, кружками
Здѣсь въ кучкѣ стоятъ,
И воду руками
Полощутъ, мутятъ:
Какіе же визги
У нихъ и содомъ!
А брызги, а брызги
Летаютъ кругомъ!

Ахъ! вонъ тамъ двѣ утки
Близъ кустика ждутъ,
За ними малютки
Ихъ дѣти плывутъ:
Равняется съ крошкой,
А быстро глядитъ;
За мошкой, за мошкой,
Смотри какъ бѣжитъ.

А тамъ, гдѣ песочикъ,
Овечки лежатъ,
Составя вѣночикъ
Вкругъ малыхъ ягнятъ.
И звѣрю и птицѣ,
По жаркимъ толь днямъ,
Въ водицѣ, въ водицѣ,
Пріятно какъ намъ.

Ну полно купаться,
Я бѣлъ и легокъ,
Пора одѣваться,
Пора на лужокъ.
На милой муравкѣ
Хочу полежать;
По травкѣ, по травкѣ
Хочу пробѣжать.

КЪ МАШѢ НА ЕЯ ГОЛУБКУ.

Видишь, Маша, какъ голубка
Любитъ дѣтушекъ своихъ:
Для спасенія ихъ жизни
Не щадитъ себя самой;
Пищей ихъ своей питаетъ,
Отдаетъ изъ зоба имъ . . . .
Мать горящая любовью
Не сходна ли на нее,
Какъ младенца умиленно
Держитъ на своихъ рукахъ,
И при малой самой боли
Сострадаетъ купно съ нимъ?
День и вечеръ весь въ заботѣ,
Часто по ночамъ не спитъ,
И лишается покою,
Чтобъ дитятѣ дать покой.
Такъ то за тобою, Маша,
Ходитъ матушка твоя:
Ты любя ее сердечно
Богу благодарна будь.

БОЖІЯ ЛЮБОВЬ.

Дитя.

Отъ чего это, батюшка, что вы меня такъ любите?

Отецъ.

Богъ въ сердцѣ мое вложилъ къ тебѣ любовь.

Дитя.

По етому Богъ такъ милосердъ, что онъ меня столько же какъ вы, или еще и больше любитъ.

Злодѣйствующій котъ и невинно страдающая Шавка.

Злой котъ, по имени *Урчало*, находилъ гнусное удовольствіе въ томъ, чтобъ досаждать всегда простосердечной Шавкѣ.

Какъ скоро принесутъ кушанье, то вспрыгнетъ онъ на столъ, утащитъ все, что ему попадется въ лапы, и уронивъ нарочно кусокъ подлѣ Шавки, выскочитъ въ окошко.

Служители вошедъ и увидя лежащей подлѣ Шавки кусокъ кушанья, считали ее всегда за вора и безъ всякой вины бѣдную сѣкли.

Иногда *Урчало*, бывши съ нею одинъ въ горницѣ, столкнетъ рюмку, или чашку, или другой какой ломкой сосудъ, и самъ убѣжитъ по обыкновенному.

Тогда Шавку снова сѣкутъ, считая ее въ томъ виновницею.

Она съ терпѣніемъ сносила побои, помышляя сама въ себѣ: когда нибудь невинность моя откроется.

Однажды лежала она въ сараѣ близъ курятника.

Не подалеку оттуда поставлена былъ пасть на лисицу, задушившую двухъ курица на канунѣ того дня.

Къ пасти привязана была мертвая курица для примaну лисицы.

Ургало, помышляя всегда о новыхъ плутовствахъ, увидѣлъ ету курицу и вздумалъ подвести Шавку опять подъ побои.

„Я унесу ету курицу, думалъ онъ, и подброшу ее къ глупой Шавкѣ, чтобъ ей за ето вздули спину.„

Такимъ образомъ крался онъ тихо для исполненія своего намѣренія.

Но лишь дотронулся воровскими своими лапами до курицы, какъ крышка упавъ переломила ему крестецъ.

На крикъ прибѣжали къ нему люди; но уже нашли его мертвымъ.

Изъ сего всякъ легко догадаться могъ, что и прежнія всѣ шалости отъ етова кота происходили, и что бѣдная Шавка невинно за него терпѣла.

И какъ послѣ въ самомъ дѣлѣ нашлось, что по смерти его ничего уже подобнаго не случалось, то и наградили шавку за всѣ претерпѣнныя ею неправедно муки.

ДОБРОСЕРДЕЧНАЯ НАТАША.

Наташа смирная не хочетъ
Съ Петрушей начинать игру,
И какъ о томъ онъ ни хлопочетъ,
Не можетъ преклонить сестру:
Въ великую его досаду
Приводитъ таковой отказъ,
И хочется ему хоть разъ
Съ ней вмѣстѣ пробѣжать по саду;
Но зря ее упорну въ томъ,
Угрозы къ прозьбамъ пріобщаетъ,
Дубинку толстую хватаетъ,
На коей ѣздилъ онъ верьхомъ;
И къ большему Наташѣ страху
Ударить бѣдную съ размаху
Грозитъ по головѣ------И ахъ!
Что только въ шутку затѣваетъ,
То, будучи въ такихъ сердцахъ,
На самомъ дѣлѣ исполняетъ!
Свершился жалостный ударъ:
Наташинъ крикъ въ саду раздался:
Петруша смертно испугался,
Простылъ тотчасъ въ немъ прежній жаръ,
И вмѣсто гнѣвнаго движенья,
Явились слезы сожалѣнья.
Упалъ онъ къ сестринымъ ногамъ,

Словами нѣжными ласкаетъ,
Цалуетъ ту, и плача самъ,
Ее онъ плакать унимаетъ:
„Сестрица, душинька, прости!
„Виновенъ я передъ тобою;
„Возьми дубинку и отмсти,
„Ударь меня два раза тою.„
Вь слезахъ Наташа вопіетъ:
„Ахъ нѣтъ, голубчикъ братецъ, нѣтъ!
„Раскаянья твово довольно.
„Тому не льзя ужъ пособить,
„А вѣдая какъ ето больно
„Я не могу тебя такъ бить.

Великодушие осмилѣтняго отрока.

Бѣдной работникъ Данила имѣлъ у себя шестерыхъ дѣтей, и трудно было ему доставать для нихъ пищу.

Къ нещастію время настало худое и хлѣбъ сдѣлался вдвое дороже прежняго.

Данила день и ночь препровождалъ въ трудахъ, однако не могъ столько получать денегъ, сколько потребно ему было для прокормленія сухимъ хлѣбомъ голодныхъ дѣтей.

Онъ созвалъ малютокъ своихъ и со слезами говорилъ имъ:

„Дѣтушки, хлѣбъ такъ вздорожалъ, что со всею моею прилѣжностью не могу я вырабатывать столько, сколько вамъ надобно для насыщенія вашего.

„Посмотрите, вотъ за какой хлѣбецъ долженъ я отдавать всѣ деньги, которыя въ цѣлой день выработаю.

„Не подасадуйте, естьли я впередъ по немногу вамъ удѣлять стану.

„Етова конечно будетъ мало, и вы не можете быть сыты, но покрайней мѣрѣ никто изъ васъ не умретъ съ голоду.„

Бѣдной отецъ не могъ болѣе говорить, смотрѣлъ на небо и проливалъ горькія слезы.

Дѣти его вмѣстѣ съ нимъ плакали, и каждой изъ нихъ мыслилъ: о боже нашъ! помоги намъ бѣднымъ ребятишкамъ, помоги бѣдному нашему отцу и не дай намъ умереть съ голоду.

Потомъ отецъ, раздѣля малый хлѣбецъ на шесть равныхъ частей, далъ каждому изъ дѣтей своихъ по частицѣ.

Одинъ изъ нихъ, по имени Митюша, не хотѣлъ своего кусочка взять, говоря:

„Я не могу ѣсть, батюшка; я нездоровъ. Скушайте вы мою долю, или раздѣлите ее братцамъ.„

Бѣдное дитя! говорилъ отецъ, обнимая его, да что тебѣ сдѣлалось?

Не знаю, сказалъ Митюша, только я очень боленъ; я пойду лягу на свою солому.

Пошелъ и легъ.

Отецъ тужа о немъ побѣжалъ на другое утро къ лѣкарю и просилъ, чтобъ онъ сжаляся помогъ больному его сыну.

Лѣкарь етотъ былъ доброй человѣкъ, тотчасъ прозбу его исполнилъ, хотя и зналъ, что ничего за труды свои не получитъ.

Онъ пришелъ къ больному отроку, пощупалъ у него пульсъ; но не могъ ни мало дознаться о его болѣзни.

Однакожъ хотѣлъ ему нѣчто прописать:
„Не дѣлайте, сударь, етова, сказалъ Митюша; я ничего не приму.

Не примешъ? а для чего? спросилъ лѣкарь.

Митюша.

Не спрашивайте у меня, я вамъ не могу етова сказать.

Лѣкарь.

Не можешь сказать? А! Митюша, Митюша! мнѣ кажется ты не доброй малой.

Митюша.

Я право, сударь, не для худова чево ето дѣлаю.

Лѣкарь.

Хорошо, я не буду тебя принуждать; да только скажу ето твоему отцу.

Митюша.

Ахъ! ради бога, сударь, прошу васъ, не давайте знать объ етомъ батюшкѣ.

Лѣкарь.

Ты чудной малой! но мнѣ надобно непремѣнно увѣдомить твоего отца, ежели ты

самъ не скажешь мнѣ, для чего не хочешь принять лѣкарства.

Митюша.

Ахъ Боже мой! такъ нельзя мнѣ объ етомъ умолчать. Покрайней мѣрѣ прикажите братцамъ моимъ и сестрицамъ выдти отселѣ вонъ.

Лѣкарь велѣлъ дѣтямъ выдти, и тогда Митюша говорилъ ему:

,,Видите, сударь, въ ето сдорожалое время бѣдной мой отецъ не можетъ вырабатывать въ сутки болѣе одного хлѣбца.

,,Онъ всегда его раздѣляетъ намъ; мы получаемъ по маленькому кусочку, а самому себѣ онъ и со всемъ ничего не оставляетъ.

,,Мнѣ такъ было жаль видѣть бѣднаго батюшку, братцевъ и сестрицъ, претерпѣвающихъ голодъ, что я хотѣлъ лучше самъ ничего не ѣсть, дабы они могли кусочикъ мой раздѣлять между собою.

,,Вотъ для чего притворился я больнымъ и сказалъ, что ничего ѣсть не могу.

,,Но ради бога не сказывайте объ етомъ батюшкѣ.,,

Лѣкарь отерши слезы свои сказалъ:

,,Да развѣ тебѣ ѣсть не хочется, мой другъ?

Мишюша.

Ахъ, какъ не хочется; я очень голоденъ, да лучше я хочу быть самъ безъ пищи, нежели видѣть батюшку и братцевъ голодными.

Лѣкарь.

Но ты умрешь, ежели ничего кушать не станешь.

Мишюша.

Знаю, сударъ: да я и желаю умерешь: у батюшки однимъ сыномъ будетъ насъ меньше, такъ и заботы у него убавится, а я у Бога просить стану, чтобъ онъ ему и братцамъ моимъ ниспослалъ хлѣбъ насущный.

Добросердечной лѣкарь былъ внѣ себя отъ сожалѣнія и радости; слыша сего великодушнаго отрока.

Онъ обнялъ его и прижавъ крѣпко къ своей груди сказалъ:

„Нѣтъ мой другъ, тебѣ умереть не должно; всеобщій нашъ отецъ, всемогущій Богъ, „будетъ пещися о тебѣ и о твоихъ.

„Благодари его, пославшаго меня къ вамъ: „я скоро возвращусь.

Сказавъ сіе побѣжалъ домой, откуда велѣлъ человѣку нести за собою различной пищи, и поспѣшалъ итти обратно къ голодной сей семьѣ.

Посадилъ ихъ всѣхъ съ Митюшею за столъ и накормилъ до сыта.

Коль пріятно было благодѣтельному лѣкарю на сіе смотрѣть!

Отходя отъ нихъ сказалъ онъ Митюшѣ, чтобъ онъ не печалился; что онъ будетъ о нихъ имѣть попеченіе.

Въ самомъ дѣлѣ добродушной лѣкарьето сдѣлалъ: онъ присылалъ къ нимъ каждой день столько пищи, что всѣ они могли быть довольны.

Другіе добрые люди услышавъ о томъ тоже дѣлали.

Иной посылалъ къ нимъ пищу, другой деньги, третій платья, такъ что въ короткое время они больше имѣли, нежели имъ было надобно.

Напослѣдокъ самъ Государь провѣдалъ, какое великодушное намѣреніе Митюша имѣлъ противъ отца своего и братьевъ, и былъ тѣмъ весьма доволенъ.

Онъ велѣлъ старика Данилу къ себѣ позвать и сказалъ ему:

„Ты имѣешь у себя добраго сына.

„Потому думаю я, что ты и самъ доб-„рой отецъ.

„И для того велѣлъ я тебѣ ежегодно да-„вать по сту рублей.

„Дѣти твои, особливо Митюша, будутъ „во всѣхъ полезныхъ наукахъ и художе-„ствахъ наставлены; и когда они что либо „доброе выучатъ, то обѣщаюсь я имѣть о „нихъ попеченіе.„

Данила восхищенный радостію пошелъ домой, палъ на колѣни и благодарилъ Бога, давшаго ему толь добронравнаго сына.

СТРАХЪ ВЪ ПОТЕМКАХЪ.

Вонъ облаки идутъ!—Катюшинька! Катюша!
Куда ты дѣлася?—кричалъ бѣднякъ Павлуша,
И робко вкругъ себя, луною освѣщонъ,
Одинъ въ густомъ саду оглядывался онъ.
Малютка ихъ сестрица,
Пребойкая изъ всѣхъ ихъ птица,
Умѣла обольстить его:
„Не бойся, братецъ, ничего,
Пойдемъ въ садъ къ дядушкѣ. (Они такъ называли
Сосѣда своего, имъ дальнюю родню)
Мы тамъ бы по играли:
Смотри какая ночь! не уступаетъ дню:
На чистомъ небѣ нѣтъ ниже малѣйшихъ пятенъ;
Вода какъ зеркало, и воздухъ такъ пріятенъ!
Побѣгали бы мы, повеселились тамъ:
Что дома дѣлать намъ?
Гдѣ взять игрушекъ бѣднякамъ?
А дядюшка богатъ ужасно;
Въ саду его прекрасно;
Спасибо, что гулять не запрещаютъ въ немъ.
Пойдемъ, Павлушинька, пожалуйста пойдемъ!"
Такою лаской къ нему впилася въ душу,
Взманила робкаго Павлушу;
Пошелъ гулять онъ съ ней.

Катюша не пужлива,
Смѣла, рѣзва, смѣшлива;
Послѣдуя веселости своей,
Надъ братомъ пошутить вдругъ вздумалося ей:
Межъ тѣмъ, какъ онъ на свѣтъ луны позазѣвался,
Она тихонько скокъ,
Ушла и спряталась въ кустокъ.
Павлуша мой одинъ остался,
Кольнулъ его сердчишко страхъ:
Всѣ вещи у него въ глазахъ
Съ большими кажутся носами;
Къ томужъ луна покрылась облаками,
И у! какъ стало вдругъ темно!
Нельзя не испугаться:
Повсюду тишь, вездѣ черно,
Садъ густъ, листочки шевелятся.
Павлушу ужасъ взялъ, Павлуша мой,
Не знаетъ какъ уйти домой;
То ухо протянувъ онъ слушаетъ, робѣетъ,
То вдругъ сестрѣ кричитъ;
Но та въ кусту сидитъ, молчитъ;
То хочетъ побѣжать — но тамо кустъ чернѣетъ,
На самомъ томъ пути,
Куда ему итти.

Межъ тѣмъ изъ облаковъ луна проглянетъ
паки,
Проглянетъ и опять за нихъ уйдетъ:
Тутъ въ страхѣ новые являются призраки,
То флюгеръ на бесѣдкѣ тамъ скрыпнетъ,
То мышъ летучая въ глаза пырнетъ,
То вдругъ покажется чего и нѣтъ.
Павлуша мой трясется, воетъ,
Въ немъ сердце ноетъ.
Катюша сжалясь наконецъ,
Выходитъ изъ куста, хахочетъ изъ всей мочи,
И брату говоритъ! хорошъ ты молодецъ!
А тотъ отвѣтствуетъ: ты очень хороша!
Оставила меня средь етой темной ночи;
Тебѣ смѣшно, а у меня дрожитъ душа.
Ахъ, братецъ, ты какой! кто етакъ труситъ?
Сь дубинкой стоя ты
Пустой пугаешся мечты,
Неужьто тѣнь тебя укуситъ?
„Ахъ, Катинька, голубушка моя!
Вонъ тамъ— ну право я—
Я вижу—ахъ?—„что видишь ты такое?—
Не знаю что-то вонъ большое!
Сестрица, душинька, ей ей,
Тамъ что-то шевелится,
Вонъ и рога торчатъ, и съ зади хвостъ та-
щится!

Уйдемъ отсель скорей„ —
И! братецъ, ето кустъ малины,
И тѣнь качающихся липъ густыхъ;
Пойдемъ, я покажу тебѣ причины
Твоихъ боязней всѣхъ пустыхъ.
Туда, насильно взявъ его волочитъ,
Сама хахочитъ,
И говоритъ ему: ну видишь ли теперь,
Что твой съ рогами звѣрь,
Котораго ты такъ пугался и страшился,
Не звѣрь, не домовой, не лешаго лицо,
Одно простое деревцо?
Павлуша устыдился,
И долженъ былъ ей слово дать,
Въ потемкахъ не бояться,
Но бѣгать съ ней, смѣяться,
Рѣзвиться и играть.
Условились, уговорились,
И только лишь бѣжать пустились,
Какъ нѣчто тамъ въ прудѣ,
Вдругъ хряснуло, упало,
За охало, за бормотало,
И плещется въ водѣ:
Съ деревъ оттоль стадами
Вороны поднялись, летятъ, шумятъ крилами.
Прошелъ Павлушинъ смѣхъ;
Кто хочетъ, тотъ имѣй отвагу;

Ему не до утѣхъ,
А какъ бы дать скорѣе тягу.
Но Катя говоритъ ему: куда?
Чу! слышишь? нѣчто стонетъ,
Тамъ человѣкъ конечно тонетъ,
Пойдемъ, пойдемъ туда.
„Сестрица, душинька, нѣтъ право, я не смѣю:
Ну есть ли ето волкъ, или еще медвѣдь?
Отъ страха одного мы можемъ умереть.„—
Какой ты трусъ! дай палку мнѣ свою, я съ нею
Пойду одна.
Беретъ, и какъ стрѣла летитъ она,
Летитъ и робости не знаетъ:
Самъ Богъ ее сопровождаетъ
И свѣтитъ ей луна.
Не долго безъ нее Павлуша колебался,
Сжалъ сердце и домой, какъ заяцъ, убирался:
Она пришла къ пруду: глаза ея тамъ зрятъ,
Что чьи-то ноги лишь торчатъ,
А голова сокрыта подъ водою.
Какими средствами спасать?
У краишка пруда находитъ мѣсто стать,
Хватается за кустъ рукою,
Цѣпляетъ за сапогъ клюкою,
И надсѣдаяся влечетъ,
Ручьями потъ съ нее течетъ,

Трудится, силится, въ послѣдокъ успѣваетъ,
И на берегъ его щастливо извлекаетъ.
То былъ Николушка, единородный сынъ
Ихъ дяди богача, пригожій какъ павлинъ.
Катюша взявъ его качаетъ,
Цалуетъ, тормашитъ, зоветъ;
Онъ вскорѣ чувства получаетъ,
Глаза вскрываетъ, возстаетъ.
Веселой, радостной ногою,
Соединенно тутъ,
Рука съ рукою,
Къ отцу они идутъ.
Съ восторгомъ сей, обнявъ Катюшу,
Готовъ свою отдать ей душу:
Тобою, говоритъ, я вижу свѣтъ,
Смертельну безъ тебя я чувствовалъ бы муку:
Проси что хочешь ты, тебѣ отказу нѣтъ.
Катюша покраснѣвъ цалуетъ дядю въ руку.
Три раза онъ велитъ
Ей смѣло объявить, чего она желаетъ;
Три раза Катинька глазенки потупляетъ,
И наконецъ едва губами шевелитъ:
„Мой братецъ ужъ великъ день отъ дня ста-
новится,
Пора ему учиться.“— —
Изрядно, мы ему учителя наймемъ;
(А тотъ дрожа, какъ листъ отъ грома,

Сидѣлъ на печкѣ съ носомъ дома);
Но ты заботишся о братѣ лишь своемъ,
А дочери моей себѣ не прочишь мѣста.
Тебя, какъ дочь свою, велю я воспитать;
Когда же выростешь и будешь ты невѣста,
Тогда потщусь тебѣ приданое я дать.—
Нѣтъ, батюшка сударь! тутъ вскрикнулъ
Николаша,
Когда мы доживемъ до етихъ дней,
Катюша будетъ наша:
Я самъ женюсь на ней.

ЯГНЕНОКЪ.

Ягненокъ былъ рѣзовъ,
Ягненка мать журила
И говорила:
Не будь, мой сынъ, таковъ;
Когда ни есть во время грозно
Бѣды тебѣ не миновать;
Тогда ты вспомнишь мать,
Да вспомнишь поздно.
Ягненокъ былъ упрямъ,
Не вѣря симъ словамъ,
И тамъ и сямъ,
По камнямъ, по кустамъ,
Онъ прыгалъ и скакалъ дотолѣ,
Покуда съ горемъ и стыдомъ,
Бѣдняжка ставши хромъ
Усѣлся поневолѣ.

О дѣти! помните, что скорби и бѣды
Суть часто лишняго веселія плоды.

ВѢРНАЯ СОБАКА.

Послушайте дѣти, даже и звѣри благодарны бываютъ своимъ благодѣтелямъ: то кольми паче намъ таковыми быть надлежитъ.

Они любятъ своихъ господъ и бываютъ имъ преданы и вѣрны, токмо одинъ родъ болѣе другаго.

Изъ оныхъ собаки паче всѣхъ себя отмѣняютъ: сіе изъ слѣдующей печальной повѣсти увидите:

Нѣкоторому купцу надлежало съѣздить въ одно мѣстечко, для полученія тамъ немалаго числа денегъ, которыми долженъ ему былъ одинъ тамошней купецъ.

Онъ поѣхалъ верьхомъ и вѣрная собака (она прозывалась Стрѣлка) по обыкновенію за нимъ бѣжала.

Получа деньги возвращался онъ съ великимъ удовольствіемъ домой.

Въ пути отвязалась у него киса, въ которой былъ мѣшокъ съ деньгами, и упала на земь.

Купецъ будучи въ глубокихъ мысляхъ того не примѣтилъ, но увидѣла ето его собака.

Она попытала сперва, не подниметъ ли зубами кисы, чтобъ нести ее за своимъ господиномъ; однако нашла, что она для нее тяжела.

Для того погналась она опять за нимъ; и стала бросаться на лошадь, такъ громко и неотступно лая, что купецъ не зналъ чему то приписать.

Онъ закричалъ на нее, но безполезно; онъ ударилъ ее плѣтью, но и тѣмъ не унялъ.

Вѣрная Стрѣлка продолжала выть, лаять и бросаться, словно какъ бы насильно хотѣла господина своего стащить долой; и какъ сей отгонялъ ее плѣтью, то напала она на лощадь, и кусаньемъ и лаяньемъ хотѣла ее принудить возвратиться назадъ.

Купецъ испугался и подумалъ, что она взбѣсилась: онъ любилъ Стрѣлку, и жаль было дойти до необходимости ее застрѣлить.

Долго старался онъ подкликать ее къ себѣ и усмирить, но видя, что ни мало въ томъ не успѣваетъ, схватилъ напослѣдокъ пистолетъ и отворотясь отъ нее по ней выстрѣлилъ.

Бѣдная собака упала сперва, потомъ очнувшись съ великимъ страхомъ и визгомъ поползла къ нему.

Сей не могши отъ жалости на нее смотрѣть ударилъ по лошади и ускакалъ.

Отскакавъ нѣсколько не могъ онъ стерпѣть, чтобъ не оглянуться и не посмотрѣть на бѣдную собаку, жива ли она еще. И какъ обернулся назадъ, то и примѣтилъ тотчасъ, что недостаетъ у него его кисы.

Тутъ уже не трудно было ему догадаться для чего Стрѣлка лаяла на него такъ неотступно. Жестокосердой я! вскричалъ онъ, и оборотя лошадь свою поскакалъ назадъ, болѣе для бѣдной застрѣленной имъ собаки, нежели для потерянныхъ денегъ.

Онъ уже не нашелъ ее на томъ мѣстѣ, на которомъ застрѣлилъ; но по кровавому слѣду ея увидѣлъ, что она уползла далѣе: съ великимъ сожалѣніемъ ѣхалъ онъ по сему слѣду, и наконецъ къ неописанной печали своей нашелъ вѣрную Стрѣлку лежащую при той кисѣ, которую онъ потерялъ, и до которой она съ истощеніемъ послѣднихъ силъ своихъ едва доползти могла.

Онъ скочилъ тотчасъ съ лошади долой, съ тѣмъ намѣреніемъ, что не можетъ ли ей еще помочь.

Но ахъ! . . умирающая собака, въ знакъ любви своей къ нему, только смогла полизать у него руку . . . . и издохла.

БѢЛИНЬКОЙ ГОРНОСТАЙКО.

Изъ стада многихъ горностаевъ,
Одинъ былъ бѣлинькой такой,
Такой пригожей горностайко,
Что всѣхъ превосходилъ другихъ.
Собою очень онъ маленекъ,
Притомъ и нѣженъ былъ весьма;
А кожица на немъ такая,
Какъ мягкой бархатецъ была.
Однажды мать ему сказала:
Послушай дитятко мое,
Еще ты молодъ, не искусенъ,
Не знаешь въ свѣтѣ никово;
Въ немъ твари есть весьма лихія,
Тебѣ беречся должно ихъ.
Намъ кошка первая злодѣйка,
Злодѣйка также намъ Сова;
Онѣ всегда насъ надзираютъ;
Смотри, не попадися имъ!
Но етотъ бѣлой горностайко,
Щитая умнинькимъ себя,
Пожалуйте не опасайтесь,
Съ усмѣшкой матери сказалъ,
Я бѣгать право ужъ умѣю!
Изрядно, дорогой сынокъ.
Но что же вскорѣ съ нимъ случилось?

Пошелъ онъ какъ то вечеру
Безъ матушки своей покушать,
И прыгалъ и рѣзвился тамъ.
А какъ оттолѣ возвращался,
Откуда ни взялась Сова,
И горностайку цапъ когтями,
Схватила, сжала, понесла.
Какое сдѣлалъ я безумство,
Пищалъ бѣдняжичка въ когтяхъ,
Когда бы матушки послушалъ,
Не умиралъ бы я теперь!
Но сколько онъ ни плакалъ горько,
Не могъ слезами пособить;
Сова безъ жалости клевала,
И съѣла на конецъ ево.

НАБОЖНЫЯ ДѢТИ.

Аннушка и Андрюша любили горячо своихъ родителей, и отъ нихъ также горячо были любимы.

Съ нѣкотораго времени повадились оба они, какъ скоро позавтракаютъ, бѣгать въ садъ, и не прежде, какъ по пробытіи тамъ нѣсколькихъ минутъ, возвращались назадъ для начинанія своихъ упражненій.

Отецъ и мать ихъ не мало тому удивлялись.

Прежъ сего обое дѣти весьма были прилѣжны, и часто въ половинѣ завтрака уходили, чтобъ тѣмъ скоряе поспѣть къ трудамъ и ученію.

А теперь, кажется, будто не имѣютъ они большой охоты ни за дѣломъ сидѣть, ни учиться, потому что всегда на передъ въ садъ бѣгаютъ.

Сіе добрыхъ родителей ихъ весьма печалило: ибо, говорили они, ежели дѣти наши полюбятъ праздность, то изъ нихъ ничего добраго не выдетъ.

Отецъ иногда спрашивалъ ихъ: зачемъ вы; дѣти, такъ рано всегда уходите? это бы можно было и тогда сдѣлать, когда перестанете учиться.

Однакожъ дѣти молчали и ничего не сказывали, что они въ саду дѣлаютъ.

Напослѣдокъ мать вознамѣрилась итти за ними въ слѣдъ, чтобъ узнать, зачемъ они туда бѣгаютъ.

На другое утро увидѣла она, что Аннушка и Андрюша побѣжали въ густую бесѣдку, которая на концѣ сада стояла.

Она пошла за ними.

И какъ она подошедъ тихо къ бесѣдкѣ стала къ сторонѣ, откуда сквозь зеленую чащу могла нѣсколько видѣть во внутренность оной, Боже мой! что почувствовало тогда матернее сердце ея, когда она дѣтей своихъ съ воздѣтыми къ небу руками стоящихъ колѣнопреклонно на земли увидѣла!

Она отъ радости не могла опомнится, услыша, что Аннушка повторяла тихонько молитву, которую Андрюша такимъ образомъ говорилъ:

,,Господи, господи, дай нашимъ родителямъ долгую жизнь.

,,Мы ихъ очень любимъ, и хотимъ, чтобъ они глядя на насъ радовались, когда мы выростемъ велики.

,,Ахъ, господи! наставь насъ быть смирными и добропорядочными, чтобъ батюшка и матушка каждой день нами утѣшались.

„Услышь насъ, милостивой боже! а мы охотно станемъ исполнять, что въ твоихъ заповѣдяхъ написано.„

Послѣ сей молитвы оба они вскочили, поцаловались и побѣжали скоро и съ великимъ удовольствіемъ домой.

Мать ихъ радостными слезами облилася.

Она спѣшила придти къ своему супругу, и прижавъ его съ горячностію къ сердцу, расказала ему все, что видѣла и слышала; и тогда оба они такое чувствовали удовольствіе и блаженство, какъ будто бы они были въ раю.

РѢЗВАЯ КОЗА.

Охотница была коза
Великая рѣзвиться,
На мѣстѣ никогда
Козѣ не посидится.
Лишь выбѣжитъ на дворъ,
Скакать и прыгать рада;
Тынъ, яма, ровъ, заборъ,
Ничто ей не преграда.
Рѣзвушку ету мать
Частехонько журила,
Но не могла унять,
Чтобъ дочка не шалила.
Одиножды коза
Дорогу взявши пряму
И выпуча глаза
Прыгнула черезъ яму:
Нещастливой скачокъ!
Бѣдняжка получила
Такой себѣ толчокъ,
Что ногу изломила.
На крикъ ее къ ней мать
Немедля прибѣжала,
И такъ увѣщавать
Ее въ печали стала:
Когда бы мой совѣтъ

Не презрѣнъ былъ тобою,
Дочушечка мой свѣтъ,
Была бы ты съ ногою.
А дочка говоритъ:
Когда бы я то знала,
Какъ ножинька болитъ,
Во вѣкибъ не скакала.
Брегись доколь бѣда
Тебя не постигаетъ,
Раскаянье тогда
Уже не помогаетъ.
Коль разъ узнавъ напастъ
Кому случится снова
Идти въ такуюжъ пастъ,
Проступка онъ такова,
Вкусивъ того весь вредъ,
Не сдѣлаетъ впередъ.

КЪ МАЛЕНЬКОЙ ДѢВУШКѢ.

Скачи, Анютушка, играй,
Всегда въ забавахъ упражняйся,
Младыя лѣта провождай,
Рѣзвись, пляши и утѣшайся.
Пусть радости въ груди твоей
И всѣ веселья обитаютъ,
Тебѣ пусть свищетъ соловей,
Тебѣ цвѣтки благоухаютъ.
Гдѣ ступитъ ножка лишь твоя,
Вездѣ тамъ пусть растутъ цвѣточки;
Ты пѣсенки всегда поя
Плети изъ нихъ себѣ вѣночки.
Не вѣчно будешь ты играть;
Съ весною дней твоихъ простися . . . .
Доколѣ время есть скакать,
Скачи, малютка, веселися!

БЛАГОДѢТЕЛЬНОЙ МИТЮША.

Старикъ Благонравъ при захожденіи солнца сидѣлъ подлѣ своей хижины.

Маленькой его сынокъ Митюша выбѣжавъ изъ лѣску остановился вдали, и утирая себѣ глаза взглядывалъ часто на небо.

Отецъ етому удивился.

Кликнулъ его къ себѣ. Митюша услышавъ голосъ своего родителя тотчасъ послушался и прибѣжалъ къ нему, а Благонравъ съ ласкою посадилъ его къ себѣ на колѣни.

Что тебѣ сдѣлалось, моя душинька? спросилъ у него старикъ, глядя ему въ глаза, которые отъ слезъ покраснѣли. Не ушибся ли ты?

Мит: Нѣтъ.

Благ: Да о чемъ же ты плакалъ?

Мит: Такъ.

Благ: Нельзя такъ плакать; кто нибудь тебѣ досадилъ.

Мит: Не спрашивайте меня объ етомъ, батюшка.

Благ: Для чегожъ не спрашивать; развѣ у тебя есть что нибудь такое, чего ты отцу сказать не хочешь?

Мит: Нѣтъ, сударь . . . . да я не отъ досады плакалъ.

Благ: Такъ поетому отъ радости; чтожъ тебя такъ обрадовало?

Мит: Вотъ батюшка, вы меня теперь принуждаете вамъ сказать, а сами анагдась говорили, что естьли удастся сдѣлать какое нибудь добро, то не надобно тѣмъ хвастать.

Блог: Такъ, мой другъ; однакожъ отъ меня тебѣ таиться не хорошо, а должно мнѣ сказывать все, что съ тобою ни случится, дабы я могъ порадоваться, естьли ты впрямъ что нибудь доброе сдѣлалъ.

Мит: Коли вы тово хотите, батюшка, такъ я долженъ васъ послушаться:

Часъ тому назадъ, какъ пошелъ я къ братцу на пасство и понесъ ему ужинать. Идучи сквозь лѣсокъ услышалъ я, что въ кусту нѣкто ворошится: я подошелъ тихонько, чтобъ посмотрѣть, кто тутъ такой.

Анъ ето былъ бѣдниинькой старичокъ; онъ сидѣлъ на землѣ опершись рукою на беремя дровъ, которое подлѣ него лежало. Лице у него было сухощаво и блѣдно, а глаза отъ слезъ покраснѣли.

Стоя за кустомъ услышалъ я, что онъ печально самъ съ собою разговариваетъ.

„Боже мой! говорилъ онъ, умилосердись „надъ моею скудостію!—бѣдная жена! бѣдныя „ребятишки! — но я не могу больше, силъ „моихъ нѣтъ!„

Сказавъ сіе сунулся онъ головою на дрова.

Я постоялъ тутъ еще не много, и какъ увидѣлъ, что онъ заснулъ, то подкрался полегоньку и положилъ ему въ головы всю пищу, которую я несъ къ братцу.

Послѣ того побѣжалъ я къ матушкѣ, выпросилъ свою пищу и отнесъ ее къ братцу.

Проходя назадъ мимо тово куста, гдѣ лежалъ старикъ, разбудилъ я его своимъ шумомъ.

Что я вижу! вскричалъ онъ, увидя передъ собою хлѣбъ, яицы и молоко. Не ангелъ ли божій былъ здѣсь и захотѣлъ спасти меня и ребятишекъ моихъ отъ смерти!

Но кто бы ты таковъ ни былъ, добродѣтельная душа! которой оставилъ мнѣ сію пищу, Богъ благослови, Богъ награди тебя!— Слезы при сихъ словахъ катились у него по лицу.

Ахъ нещастный! продолжалъ онъ, какъ найду я теперь дорогу изъ лѣсу? Богъ пошлетъ ко мнѣ проводника, чтобъ я дѣтей своихъ насытилъ.—

Говоря сіе всталъ онъ, поднялъ ношу свою съ великимъ трудомъ, и побрелъ согнувшись и охая домой.

Я забѣжалъ нарочно впередъ и воротился къ нему на встрѣчу.

Здорово, дѣдушка! сказалъ я идучи мимо его; чаю тяжело тебѣ нести такое беремя? дай мнѣ свою корзиночку съ хлѣбомъ и съ яицами и положи на плечо ко мнѣ руку, я тебя поведу.

Старикъ съ радостнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и положа ко мнѣ на плечо руку сказалъ: Богъ послалъ тебя, дитя мое, вывесть меня изъ сего лѣсу, въ которомъ я заблудился.

Я спросилъ у него, куда идти ему надобно, и вывелъ его изъ лѣсу.

Идучи дорогою раскавывалъ онъ мнѣ со слезами, какъ, во время сна его, Богъ нечаянно показалъ надъ нимъ свое милосердіе, и какъ онъ сожалѣетъ, что не вѣдаетъ, кто таковъ былъ его благодѣтель.

Денно и нощно, говорилъ онъ, дѣти мои будутъ за него молить Бога; онъ ихъ отъ голодной смерти избавилъ.

Также и тебя, дитя мое, примолвилъ онъ, станутъ они воспоминать всегда съ

благодаренiемъ, что ты помогъ мнѣ выдти изъ лѣсу и придти къ нимъ прежде, нежели они померли съ голоду.

Я довелъ его почти до самой хижины.

А теперь представилъ я себѣ радость бѣдныхъ етихъ ребятишекъ; какъ чаю они прыгали, когда увидѣли, что отецъ ихъ возвратился домой и принесъ имъ нѣчто покушать! Размышленiе о семъ привело меня въ такую жалость, что я заплакалъ.—

Я изъ послушанiя къ вамъ расказалъ ето, батюшка; а то бы отъ меня ни одинъ человѣкъ о томъ не услышалъ.

Тутъ онъ умолкъ, а Благонравъ прижалъ его съ горячностiю къ своей груди.

Теперь умру я спокойно, сказалъ онъ, ибо знаю: что оставляю по себѣ сына, которой добродѣтеленъ будетъ и щасливъ.

ДИТЯ РАЗСУЖДАЮЩЕЕ ЗДРАВО.

Мы ребятишки
Любимъ играть;
Наши умишки
Мягки какъ воскъ:
Много надъ нами
Можетъ примѣръ:
Что ни увидимъ
Мы у большихъ,
Тоже за ними
Дѣлать хотимъ,
Лишь соразмѣрно
Силѣ своей.
Вмѣсто сердитыхъ,
Рѣзвыхъ коней,
Мы на дубинкахъ
Ѣздимъ верьхомъ;
Домы огромны
Строимъ изъ картъ;
Малой прудочикъ
Море для насъ;
Сложимъ бумашку,
Вотъ и корабль!
Весело правда
Такъ намъ играть,
Лучше однакожъ

Естьли бы насъ
То веселило
Польза въ чемъ есть;
Естьлибъ увидя
Книги въ рукахъ,
Мы ребятишки
Сами читать
Маленьки книжки
Стали всегда.
Вишь какъ велики
Выростимъ мы,
Наши дубинки
Въ печь полетятъ,
Домы огромны
Всѣ упадутъ,
Прудъ ужъ не моремъ
Будетъ прудомъ;
Вмѣсто тяжелыхъ,
Грозныхъ судовъ,
Будутъ бумажки
Плавать одни:
Такъ все исчезнетъ,
Все пропадетъ;
Лишъ не исчезнетъ,
Не пропадетъ,
Что мы читали
Въ книжкахъ своихъ.

НЕ СКОРО ДА ЗДОРОВО.

Два мальчика побѣжали къ яблоку, которое издалека увидѣли они на землѣ.

Мое оно будетъ, сказалъ Федюша, я прытче тебя бѣгаю; и говоря сіе уже дѣйствительно нѣсколькими шагами опередилъ своего товарища.

Но что сдѣлалось?

Какъ онъ отъ великаго спѣху не смотрѣлъ передъ собою, то споткнувшись на колошекъ, которой лежалъ на дорогѣ, упалъ и ушибся больно.

Ктожъ получилъ яблоко?

Не скорой, да осторожной.

ДИТЯ,

Добрымъ наказаніемъ исправленное.

Имѣя на спинѣ велику ношу дровъ,
Согбенъ подъ оною бѣдняга Добросердъ,
Дорогой идучи печально размышляетъ:
Севодни изъ лѣсу я поздо возвращаюсь,
Позднѣе нежели во всѣ другіе дни;
Жена моя теперь я думаю въ слезахъ,
И съ нею можетъ быть Петруша вмѣстѣ плачетъ,
Не зная моему медлѣнію причины.
Любезное дитя! онъ весь родился въ матъ,
И естьли милость Богъ надъ нимъ свою продлитъ,
Подобно будетъ ей онъ тихъ и добронравенъ;
Я всю мою лишъ въ немъ надежду полагаю.
Теперь они меня я чаю оба ждутъ.
Когда я съ ношею предъ ними появлюсь,
Съ какою радостью и чувствіемъ сердечнымъ
Ласкать они меня мнѣ бросятся на шею!
Такъ мыслилъ Добросердъ и въ свой шалашъ пришелъ.
Жена его тогда рукой облокотясь
Въ слезахъ и горести сидѣла на постѣлѣ,
Петруша передъ ней тутъ стоя на колѣняхъ,

Вздыхая у нее бралъ руку целоватъ,
Которую она стараяся отнять
Казалося ему на то не позволяла.
Не плачте, Добросердъ пришедши имъ вѣщаетъ,
Вотъ сколько я вамъ дровъ севодня нарубилъ.
Но вы не скажите мнѣ оба ничего?
Петруша, ты меня никакъ не обласкаешъ?
За трудъ не получу себѣ я поцалуя?
Не ужъ то наказать за поздной мой приходъ
Хотите вы меня? но я невиноватъ,
Изъ лѣсу выходя вотъ что со мной случилось:
Лишь только я дрова связавши поднимаю,
Пришелъ туда старикъ; бѣдняжка чуть добрелъ,
Изъ той деревни вонъ, что внизъ рѣки лежитъ.
Здорово, старичокъ, сказалъ я поклонившись,
Мнѣ кажется ужъ ты гораздо утомился.
Ахъ Боже мой! . . . онъ мнѣ симъ вздохомъ отвѣчалъ,
И больше говорить отъ слабости не могъ.
Безсильному помочь кто въ нуждѣ отречется,
Тотъ въ Богѣ своего помощника лишится.
Я сжаляся надъ нимъ свое беремя свергъ,
Схватилъ скорѣй топоръ и дровъ ему насѣкъ;
Межъ тѣмъ онъ отдохнувъ не много укрѣпился;

Тогда связавъ я ихъ взвалилъ къ нему на
плечи:
О какъ меня старикъ за то благодарилъ,
Въ душѣ своей мой домъ стократъ благословя!
Потомъ идти домой я съ ношей торопился,
Но снѣгъ мнѣ помѣшалъ . . . . о чемъ же ты
вздыхаешъ?
Не ужъ-то я еще передъ тобой неправъ,
Любезная жена?
„Нещастливой отецъ!
Какова родила тебѣ я злова сына!„
Петруша золъ? . . . . . Ахъ нѣтъ! онъ такъ
добросердеченъ!
Онъ нѣсколько рѣзовъ, то съ лѣтами прой-
детъ;
Какъ выраститъ великъ . . . . .
„Онъ будетъ лютъ какъ звѣрь!„
Не будетъ онъ таковъ, я за ето ручаюсь . . .
Но ты молчишь, сынокъ, не взглянешь и ро-
бѣешь?
Конечно сдѣлалъ ты худое что нибудь?
„Худое самое.„
Въ немъ есть однакожъ стыдъ,
Хоть ето хорошо при дѣлѣ не хорошемъ.
Чтожъ сдѣлалъ онъ?
Ябъ лучше умолчала:
Печальнымъ и тебя я сдѣлаю сказавъ.„

Я знать хочу, скажи.

„Смотря нейдешь ли ты
Я часто на верьху окошко открывала;
Въ него влетѣла вдругъ пригожинькая птичка,
Озябши бѣдная чуть чуть могла порхать;
Тихонько подошедъ поймала я ее
И въ пазуху къ себѣ согрѣться посадила.
Гляжу, бѣжитъ ко мнѣ Параша со слезами;
Она споткнулася и палецъ у себя
Упавши занозила. Я бросилася къ ней,
А птичку подержать Петрушѣ поручила.
Межъ тѣмь какъ я у ней занозу вынимаю
И плачущу ее стараюсь утѣшать,
Петруша съ птичкою укрылся въ уголокъ
И тамъ . . . . . „

Что сдѣлалъ онъ?

„У бѣдной етой птички
Всѣ перья ощипалъ.„

Всѣ перья ощипалъ?

„Да!
Оставилъ у нее лишь крылышки одни.
И выбросилъ ее на стужу изъ окна.
О естьлибъ видѣлъ ты какъ бѣдная порхала,
Какъ мучилась она и какъ она стонала!
Я вспомнить не могу безъ жалости о томъ.
Подумай ты себѣ, какъ выростетъ великъ,
Какую будетъ онъ имѣть злонравну душу!

Вотъ что меня крушитъ . . . . Какъ ты въ
его былъ лѣта,
Ты не былъ столько золъ; я часто говорила:
Петруша мой въ отца и жалостливъ и добръ,
Но вотъ онъ сталъ каковъ, о Боже, Боже мой!,,
Любезная жена, не плачъ и успокойся,
Господь на небесахъ молитвы добрыхъ внем-
летъ;
Когда нашъ сынъ злодѣй, Онъ будетъ мило-
сердъ;
Возьметъ его отъ насъ . . Поди сюда, мой сынъ,
Смотри, какъ ты отца и матъ свою печа-
лишь!
Ты плачешь? плачь со мной . . . Подай свою
мнѣ руку,
Приложъ къ груди моей: ты прежъ сего въ
ней жилъ,
Ты въ сердцѣ былъ моемъ и я тебя любилъ;
А нынѣ, нынѣ я . . . . о сынъ неблагодарный,
И отческой любви ни мало недостойный,
Еще тебя люблю, и въ горестной душѣ.
Котору ты крушишь, жалѣю о тебѣ!
Пойдемъ, жена, сберемъ ощипанныя перья,
И здѣсь передъ собой на стѣнкѣ ихъ повѣ-
симъ:
Когда мы горячо любить его начнемъ,
Наперья взглянемъ мы и скажемъ межъ собой:

Жестокія сердца любови недостойны.
Ты чаешь, сынъ! . . . . . Сиди, сиди въ моихъ колѣняхъ . . . .
Ты чаешь, что морозъ ту птичку къ намъ загналъ?
Нѣтъ, Богъ ее послалъ, чтобъ мы ее спасли,
Онъ тварей всѣхъ щадитъ равно какъ человѣковъ,
А ты былъ такъ жестокъ! . . . . ну естьли безъ одежды
На цѣлу ночь тебя поставлю я на снѣгъ?
Ты ето заслужилъ, но былъ бы я тогда
Жестокосердъ какъ ты . . . Поди ко мнѣ, поди,
Ты весь дрожишь; небось; не плачь и успокойся;
Еще любовь моя къ тебѣ не охладѣла,
Поступокъ только твой противенъ мнѣ весьма.
О сынъ, любезный сынъ! я съ матерью твоей
При старости тобой ласкался утѣшаться,
А ты . . . . . ты гонишь насъ во гробъ! . . . .
„Ахъ, ахъ, простите!
„Прости мнѣ, папинька! ахъ маминька, прости!
„Не буду ужъ таковъ, не буду я впередъ.
„Все дѣлать доброе, все доброе я стану,
„И право, право ужъ я васъ не опечалю!„

Легко смягчаются родительски сердца:
Петруша былъ прощенъ, Петруша сталъ хорошъ;
Не притворялся онъ родителямъ въ угодность,
Но въ самомъ дѣлѣ сталъ и тихъ и добронравенъ.
Однажды онъ смотрѣлъ, смотрѣлъ печально вверьхъ,
Гдѣ перышекъ пучокъ на ниточкѣ висѣлъ:
Мать видя то пошла и лѣсницу сыскала,
,,Взойди, Петрушинька, она ему сказала,
Взойди по лѣсницѣ и перышки сними,
Брось ихъ скоряй въ огонь, ты скученъ видя ихъ.
Отецъ твой на сіе конечно согласится:
Не правдаль, Добросердъ?,,
Съ охотой позволяю.
,,Брось, душинька, ихъ въ печь; пускай они горятъ
Проклятыя въ огнѣ!,,
,,Нѣтъ, матушка, нѣтъ, нѣтъ!
,,Пускай они мнѣ то всегда напоминаютъ,
,,И естьли Богъ велитъ мнѣ вырости велику,
,,И буду я когда своихъ имѣть дѣтей,
,,Тогда съ слезами я на перья показавъ,
,,Смотрите, имъ скажу, я нѣкогда былъ злобенъ,

„Имѣлъ жестокой нравъ, нежалостливу душу,
„А что исправился, за то благодарю
„Я Бога и честныхъ родителей совѣтъ.

ДЕРЗКАЯ МОЛОДАЯ МУХА.

Ета молодая муха съ машерью своей сидѣла не подалеку отъ горшка, въ которомъ была горячая похлебка.

Старой мухѣ надлежало отлучиться, и для того отлетая сказала она своей дочкѣ:

„Сиди на мѣстѣ, покуда я не возвращусь.

Для чего, матушка? спросила у нее остринкая дочка.

„Я опасаюсь, отвѣчала старушка, чтобъ ты не подлетѣла близко къ етому кипячему колодезю. (Она чрезъ сіе разумѣла горшокъ).

Молодая.

А для чего бы не могла я къ нему близко подлетать?

Старая.

Для того, что ты туда упасть и утонуть можешь.

Молодая.

Для чего упасть?

Старая.

Причины я тебѣ сказать не могу, но по-

вѣрь моему свѣденію: всякой разъ когда бывало случалось мухѣ лешѣть черезъ такой колодезь, изъ котораго паръ идетъ, видала я, что она туда упадетъ и никогда уже изъ него не выдетъ.

Старушка думала, что она довольно сказала въ предосторожность своей дочкѣ, и полетѣла.

Но дочка подергивая носикомъ сама съ собою разсуждала:

„Куда право старухи всѣ какія хлопотуньи!

„Не льзя будто мнѣ сей невинной имѣть „забавы, чтобъ перелетѣть черезъ етотъ „парной колодезь!

„Словно какъ бы я была безкрылая, или „бы не довольно имѣла у себя смысла, чтобъ „остерегаться!

„Словомъ, матушка сударыня, что бы „ты ни изволила мнѣ пропо́вѣдывать о твоемъ „свѣдении, однакожъ я для забавы вкругъ етова колодезя полетаю.

„Посмотримъ, кто меня туда втянетъ!

Сказавъ сіе вострушка моя была такова.

Но едва стала она пролетать поверхъ горшка, какъ изходящій изъ него паръ отнялъ у нея всѣ чувства.

Она упала въ кипятокъ и только лишь сіе сказать успѣла:

,,Нещасттливы тѣ дѣти, которыя почитаютъ себя разумнѣе старыхъ людей.

ЖЕЛАНІЕ ЧТОБЪ ПРИШЛА ВЕСНА.

Приди, любезный Май, приди,
Одѣнь листочками древа,
Вели на берегу рѣки
Фіялкамъ маленькимъ цвѣсти!

О какъ мнѣ хочется опять
Фіялочку въ поляхъ узрѣть!
О какъ мнѣ хочется теперь
На мягкой травкѣ погулять!

Хоть можно множество забавъ
И въ зимнемъ времени найти:
Снѣжки по вечерамъ катать,
Бросать комочками изъ рукъ,

Класть разны домики изъ картъ,
Кататься въ санкахъ, выѣзжать,
Въ гулючки, въ фанты иногда
И въ жмурки также поиграть;

Однако же когда весной
На вѣтвяхъ птички запоютъ
И станемъ въ полѣ прыгать мы;
Забавы ужъ не тѣ пойдутъ!

Анюшина печаль меня
Всего жесточѣе крушитъ;

Какъ хочется бѣдняшкѣ ей
Дождаться полевыхъ цвѣтковъ!

Игрушекъ сколько ни давай,
Не льзя ее развеселить;
Сидитъ на креслицахъ своихъ,
Какъ словно птичка на гнѣздѣ!

Ахъ, естьлибъ стало вдругъ тепло,
И вырасла въ лугахъ трава! —
Приди нашъ Маюшка драгой,
Приди, ребятокъ насъ утѣшь!

Приди и принеси съ собой
Фіялочекъ побольше къ намъ,
Побольше также соловьевъ
И рябинькихъ кукушечекъ!

———

МАЛЕНЬКОЙ САДОВНИКЪ.

Николаша часто слыхалъ отъ своего батюшки, что дѣти не могутъ знать, что для нихъ полезно или вредно, и что для того надлежитъ имъ всегда совѣтываться съ тѣми, которые ихъ старѣе.

Но онъ сего или не разумѣлъ хорошенько, или забывалъ.

Дали имъ съ братомъ его Андрюшею по грядочкѣ, чтобъ каждой изъ нихъ имѣя свой маленькой садикъ, сѣялъ въ немъ и садилъ что ему угодно.

Андрюша вспомнивъ тогда слова своего отца сказалъ садовнику: Яковушка! присовѣтуй мнѣ, что посадить въ мой садикъ.

Яковъ далъ ему кустики, которые никакой въ себѣ пріятности не имѣли и походили на худую траву и на хворостъ. Андрюша по его слову посадилъ ихъ на своей грядочкѣ.

А вамъ, Николай Петровичъ, сказалъ садовникъ, датьли также что нибудь въ вашъ садикъ?

Не надобно мнѣ такая дрянь, отвѣчалъ Николаша, и усадилъ весь свой садикъ нарванными цвѣтами.

Яковъ далъ ему волю дѣлать что хочетъ.

На другой день увидѣлъ Николаша, что всѣ его цвѣтки завяли, и посадилъ туда другіе, которые онъ снова нарвалъ.

Однакожъ и сіи скоро завяли. Напослѣдокъ наскучило ему сажать всегда свѣжіе цвѣты на мѣсто завялыхъ.

И такъ маленькой садикъ его заросъ весь травою.

Спустя нѣсколько времяни увидѣлъ онъ, что у брата его въ садикѣ на кустикахъ нѣчто краснѣется: братецъ, братецъ! закричалъ онъ, что такое это у тебя на кустикахъ?

Тутъ прибѣжали они оба и увидѣли, что это была самая вкусная земляница.

Ахъ! сказалъ Николаша, для чего я не велѣлъ этой травы посадить въ моемъ садикѣ!

Потомъ спустя еще нѣсколько времени увидѣлъ онъ у своего брата въ садикѣ на хворостахъ нѣчто подобное прежнему; а какъ они съ нимъ отвѣдали, то нашли, что это была самая сладкая малина.

Ахъ! сказалъ опять Николаша, для чего я также и хворостовъ этихъ не велѣлъ посадить у себя въ садикѣ!

Ѣшь! сказалъ ему братъ, какъ бы они твои были. Но—примолвилъ Яковъ—не призирайте сударь, впредь совѣтовъ людей старыхъ и знающихъ.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

ОСЕЛЪ И ВЕРБЛЮДЪ.

Оселъ.

Здорово братъ, верблюдъ!

Верблюдъ.

Я братъ тебѣ? прямой ты шутъ!

Оселъ.

А для чегожъ тебѣ я братомъ быть не смѣю:
Я спину какъ и ты навьюченну имѣю.

Верблюдъ.

Пусть такъ; но можетъ ли твоя спина
Быть равнымъ бременемъ съ моей отягчена?

Оселъ.

Я съ ношею твоей шутя пойду чрезъ гору!

Верблюдъ.

Безумецъ! но она и мнѣ лишь только въ пору.

Оселъ.

Пожалуй перестань пустое лепетать;
Подай ее сюда, я съ ней могу плясать.

Верблюдъ.

Изрядно, господинъ оселъ, возмите.
Вотъ вамъ она!

Оселъ.

Ой, ой! пропалъ я! помогите!

Верблюдъ.

Кто за достоинствомъ гоняется большихъ,
Тотъ чувствуй, какова при томъ и тягость
их.

~~~~~~~
~~~~~~~

КАРТОШНЫЕ ДОМИКИ.

Поди братецъ, сказалъ Петрушѣ бѣлокурой Ѳединька, поди помоги мнѣ мой домъ построить, а тамъ я тебѣ твой построить помогу.

Что мнѣ нужды до твоего дому, отвѣчалъ Петруша; я строю свой, а ты съ своимъ какъ хочешь дѣлайся.

Ѳединька строилъ. Но какъ они оба за однимъ столомъ сидѣли, и часто его толкали, то всегда домики ихъ рушались.

Не толкай столъ! говорилъ съ досадою Петруша.

Да какъ же мнѣ быть? отвѣчалъ Ѳединька: вить я тебѣ сказывалъ, складемъ сперва одинъ домикъ; вольно тебѣ было етова не хотѣть.

Въ спорѣ они нѣсколько разгорячилися; всякой желалъ свою работу скоряе окончить, и столъ шатался еще больше.

Вдругъ Петрушинъ почти уже готовой домикъ обрушился и упалъ.

Онъ хотѣлъ ево подхватить, и толкнулъ нечаянно столъ, отъ чего и Ѳединькинъ домикъ также повалился.

Сестрицы ихъ сидя въ углу хохотали.

Они всѣ четверо принялись за работу на похвалу, кто изъ нихъ по признанію матушкину поставитъ лучшей домикъ. Не простячки ли вы, кричали онѣ имъ; сами вы похвалу свою упустили.

Вонъ идетъ матушка: у насъ уже все сдѣлано, для того, что мы другъ другу помогали; а у васъ еще ничего нѣтъ, потому что вы между собою были несогласны.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА.

Въ восторгѣ радостномъ вскричала
Елена дочерямъ своимъ:
Подите, дѣти, посмотрите
Какое утро Богъ намъ далъ!
Какъ солнечны лучи прекрасны!
Помолимся творцу небесъ.
Тогда съ весельемъ прибѣжали
Четыре маленькія къ ней
Ея всѣ дочки сиротинки,
Которыя лишась отца,
Безъ помощи и безъ покрова,
Въ великой жили нищетѣ:
Такую участь добродѣтель
Имѣетъ часто на земли.
Сія любезная семейка
Кругомъ обстала мать свою:
Она молитву имъ читаетъ,
Онѣ безмолвіе храня
Словамъ благочестивымъ внемлютъ,
И купно съ нею изъ очей
Ліютъ богопріятны слезы.
Молитва кончилась. Ихъ мать
Объемлетъ кажду сердолюбно
И говоритъ: намъ Богъ отецъ,
Вы помня то смиренны будьте.—

Приближился полудня часъ,
Голодны дѣтки закричали:
Любезна маминька, пора,
Дай намъ чево нибудь покушать!
Печально возстаетъ она,
Идетъ задумчиво къ поставцу
И ищетъ пищи для дѣтей. . . .
О Боже! пусто все! ни хлѣба,
Ниже чорствой корки нѣтъ!
Смущенна, горестна, безмолвна,
Недвижимо стоитъ она
И взоры обратить не смѣетъ;
А сердце, сердце страждетъ въ ней
И томна грудь ея трепещетъ!
Приходитъ старшая тутъ дочь,
И слезы матерни ліются
На бѣдное сіе дитя!

„О чемъ, ахъ маминька, ты плачешь?
„Знать пищи нѣтъ у насъ. Не плачь!
„Сама читала ты не давно,
„Что Богъ спаситель нашъ сказалъ:
„Тебя въ бѣдахъ я не оставлю;
„Отецъ небесный нашъ сказалъ;
„Тебя я въ скорби не покину.

Съ горячностью объемлетъ мать
Сію любезную сиротку:
Такъ, жизнь моя, конечно такъ,

Господь терпѣнье испытуетъ,
Онъ сирыхъ не оставитъ насъ.
Сказала такъ, и такъ то было.
О естьлибъ не былъ въ мірѣ Богъ,
Коль страшно былобъ человѣку
На свѣтѣ человѣкомъ быть!

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ НАТАШИ, МАТЕРИ ЕЯ И СОПРОВОЖДАТЕЛЬНИЦЫ НАТАШИНОЙ.

МАТЬ.

Куда ты деньги свои дѣвала?

НАТАША.

Я ихъ отдала, матушка.

МАТЬ.

Кому?

НАТАША.

Одному мальчику.

МАТЬ.

Развѣ онъ тебѣ какую услугу показалъ, или ты сжалилась надъ бѣднымъ его состояніемъ?

НАТАША.

Нѣтъ, сударыня.

МАТЬ.

Такъ по этому наградила его за какое нибудь доброе дѣло?

НАТАША.

Напротивъ, матушка; я для того отдала ему ихъ, чтобъ онъ впредь худова не дѣлалъ. Вить всѣ птички принадлежатъ Богу?

МАТЬ.

Конечно, равно какъ и всѣ прочія твари имъ созданныя.

НАТАША.

Ну, такъ этотъ мальчикъ унесъ у Бога птичку и мнѣ ее продать хотѣлъ. Бѣдная эта птичка билась у него въ рукахъ и кричала, а онъ зажималъ ей носокъ, видно опасаясь, чтобъ Богъ не услышалъ и на него за то не разгнѣвался.

МАТЬ.

Что же ты сдѣлала?

НАТАША.

Я отдала этому мальчику всѣ свои деньги, а птичку пустила на волю. То-то чаю она теперь радуется! (*Прыгаетъ сама отъ радости*).

МАТЬ.

Такъ душа моя; и тебѣ одолжена она за свою свободу.

НАТАША.

Можетъ быть мальчикъ этотъ принужденъ былъ отъ недостатка это сдѣлать.

МАТЬ.

Можетъ быть.

НАТАША (*сопровождательницѣ своей*).

Такъ я и хорошо сдѣлала, что всѣ деньги ему отдала.

СОПРОВОЖДАТЕЛЬНИЦА (*матери*).

Мы между собою споримъ Наташа безъ счету всѣ свои деньги отдала мальчику, не спросивъ что онъ за птичку хочетъ, а я говорю, чтобъ ей сего дѣлать не надлежало.

НАТАША.

Кто изъ насъ правъ, матушка?

МАТЬ.

Ты не совсемъ права, душа моя; ну есть либъ послѣ того попался тебѣ другой мальчикъ съ такою же птичкою, а у тебя бы денегъ уже больше не было?

НАТАША.

Тогда бы я къ вамъ пришла, матушка.

МАТЬ.

А естьлибъ у меня не было?

НАТАША.

Ну—тогда—

МАТЬ.

Надобно и для того иногда беречь, чтобъ больше можно было сдѣлать добра. Впрочемъ вотъ тебѣ твои деньги назадъ.

НАТАША.

Благодарствую, матушка.

МАТЬ.

И вотъ тебѣ еще поцалуй за то, что ты такъ жалостлива.

АННУШКА И ПЕТРУША.

Петруша съ Аннушкой осталися одни:
Родители пошли къ обѣдни помолиться.
Межъ тѣмъ какъ дружески бѣсѣдуютъ они,
Вдругъ стало на дворѣ темненько станови́ться
И туча поднялась. Послушай какъ гремитъ!
Петруша Аннушкѣ со страхомъ говоритъ.
Чего боишся ты, Анюта отвѣчаетъ,
Витъ громъ по Божьему велѣнію бываетъ.
Межъ тѣмъ вдругъ молніи простерся быстрый блескъ,
За онымъ слѣдовалъ громовый страшный трескъ:
Петруша поблѣднѣлъ и говоритъ съ боязнью:
Конечно гнѣвенъ Богъ и угрожаетъ казнью! (*)

(*) Въ прежнихъ изданіяхъ сіи два стиха сказаны были слѣдующимъ образомъ:
Петруша поблѣднѣлъ и говоритъ *сквозь слезы:*
конечно гнѣвенъ богъ и *дѣлаетъ угрозы.*
Сочинитель написалъ ихъ въ молодости увлеченный худыми примѣрами. Чрезъ упражненіе и опыты почувствовалъ онъ потомъ, что таковыя рифмы (*слезы* и *угрозы*) не совмѣстны съ чистотою языка, въ которомъ есть слова: *слезы*, *слеза*, *слезливъ*, но не *сліозы*, *сліоза*, *сліозливъ*. Заражать симъ простонароднымъ выговоромъ книги весьма не хорошо. (См. разсужденіе о семъ въ *разговорахъ о словесности*). — Къ сему признанію сочинитель тѣмъ больше почитаетъ себя обязаннымъ, что книгу его читаютъ дѣти, которыя отъ худаго примѣра легко могутъ получить худой навыкъ.

„Богъ гнѣвенъ? Богъ? и неба и земли творецъ?
Какой ребенокъ ты! онъ нашъ прямой отецъ.
Мнѣ это сказывалъ сегодня мой родитель;
Неправды вить не скажетъ онъ, ты знаешь
самъ.
„Конечно такъ; но мнѣ мой сказывалъ учитель
Что естьли по его нейдемъ заповѣдямъ,
То онъ, хоть какъ ни милосердъ, но гнѣвъ
покажетъ,
И всякаго за преступленіе накажетъ.
‚Пусть такъ; не сдѣлавши худова ничего
Конечно ужъ не я прогнѣвала его.
Севодня матушка меня разцаловала,
За то что заповѣдь я эту твердо знала:
Чти матерь ты свою и своего отца,
Да будешь благодать имѣти отъ Творца.—
Лишь только Аннушка сіе проговорила,
Петруша плакать сталъ.—Что сдѣлалось съ
тобой?
Скажи мнѣ: съ ласкою Анютушка спросила.
Конечно я тебя прогнѣвалъ, Боже мой!
Сегодня по утру я бранными словами,
Ахъ! дядьку огорчилъ: сказалъ онъ со слезами.
Тогда и Аннушка ну вмѣстѣ съ нимъ рыдать.
А молнія межъ тѣмъ сверкнула вдругъ опять,
И громъ ударилъ такъ, что стѣны задрожали
Петруша съ Аннушкой на землю оба пали.

И Богу молятся. Анюта говоритъ:
Молись, Петрушинька, Богъ милостивъ, про-
стишъ.
Лишь только передъ нимъ ты искренно при-
знайся,
И дѣлать то впередъ уже остерегайся.
Усердная сія молитва обоихъ
Взошла на небеса и Богъ услышалъ ихъ.

РОЗОВОЙ КУСТЪ.

Кто подаритъ мнѣ деревцо въ мой садикъ? говорилъ Миша братцамъ своимъ и сестрицамъ.

Отецъ каждому изъ нихъ далъ по грядочкѣ, чтобъ они садили на ней что хотѣли.

Я не дамъ! я не дамъ! закричали изъ нихъ двое. Я, я тебѣ дамъ, сказала добросердечная Лизанька; какое тебѣ надобно?

Розовой кустъ, отвѣтствовалъ онъ; ты видишь, что мой уже совсѣмъ засохъ.

Хорошо, сказала Лизанька, и взявъ лопатку стала его выкапывать.

Какъ? вскричалъ Миша, у тебя ихъ только два и есть, да и то одинъ маленькой! по крайней мѣрѣ дай мнѣ вонъ этотъ, которой поменьше.

Нѣтъ, нѣтъ, сказала Лизанька; тотъ также завянетъ; а мнѣ все равно, я и у тебя въ садикѣ могу его видѣть, какъ онъ разцвѣтать станетъ.

Миша взялъ кустикъ и былъ очень радъ.

Тогда шелъ мимо ихъ садовникъ и несъ Гишпанскую сирену.

Посадить ли тебѣ ее на мѣсто твоего розоваго кустика? спросилъ онъ у Лизаньки.

„Естьли она вамъ не надобна.„

„Нѣтъ, сказалъ садовникъ, я хотѣлъ ее бросить, для того что садъ и такъ отъ множества деревьевъ загустѣлъ. Выговоривъ сіе посадилъ сирену.

Пришелъ Май: Мишинъ кусточикъ принесъ множество прекрасныхъ розъ.

Лиза получала отъ нихъ себѣ каждое утро по свѣжему цвѣтку на голову и на грудь.

А сирена распустясь такую отъ себя дала тѣнь, что Лизанька въ сильнѣйшей полуденной зной могла подъ нею укрываться— и даже самъ родитель ея приходилъ часто подъ сіе дерево и въ прохладной онаго тѣни расказывалъ имъ нравоучительныя повѣсти.

ДѢТСКІЯ ЗАБАВЫ.

У насъ всѣ утѣхи
У малыхъ дѣтей,
Игрушки и смѣхи,
И много затѣй;
Мы бродимъ и ходимъ
Въ лѣсу по кустамъ,
Шалимъ, колобродимъ,
И рѣзвимся тамъ.

Кто сидя кропочетъ
На мѣстѣ одномъ,
Тотъ развѣ быть хочетъ
Сѣдымъ старикомъ?
Какъ весело въ полѣ,
Гдѣ птички поютъ,
Летаютъ по волѣ,
Пшеничку клюютъ.

Теперь насъ ребятокъ,
Когда сощитать,
Здѣсь будетъ десятокъ,
Намъ любо играть.
Покуда маленьки
Поскачемъ дружки,
Какъ будемъ стареньки
Повѣсимъ носки.

Эй братцы смотрите,
Вотъ бабочка спитъ,
Тихонько ловите,
Она улетитъ;
Вонъ это вертится
Дружокъ ее знать
Онъ станетъ крушиться,
Пустите опять.

Какъ громко въ долинѣ
Поетъ соловей!
Ахъ вонъ на вершинѣ
Сидитъ онъ ей ей!
Тихонько бѣгите,
Чтобъ онъ не слетѣлъ,
И пѣсни хвалите,
Чтобъ долѣе пѣлъ.

Спустись къ намъ пониже,
Любезной дружокъ,
Дай видѣть поближе
Себя на часокъ.
О какъ ты любезенъ,
Сударчикъ ты мой!
Пожалуйста пѣсенъ
Побольше намъ спой!

Куда онъ дѣвался
Куда вдругъ пропалъ?

Знать онъ испугался:
Зачемъ ты свисталъ?
Ахъ вонъ онъ мелькаетъ,
Не хочетъ ужъ къ намъ . . . .
Пускай инъ летаетъ,
Не тронь ево тамъ.

Какіе цвѣточки
Здѣсь милиньки есть,
Мы станемъ вѣночки
Изъ нихъ себѣ плесть.
Кто сыщетъ Фіялку,
Тотъ будь Генералъ,
Дадимъ ему палку. . . .
Ахъ вотъ я сыскалъ!

Ужъ солнце садится,
Насъ гонитъ домой;
Ахъ дай порѣзвиться,
О солнце, постой!
Пришло раставаться,
Пора ужъ и спать;
Чуръ завтра сбираться
Опять здѣсь играть.

~~~~~~~
~~~~~~~

ПЛАЧЕВНАЯ СУДЬБА ДВУХЪ МАЛЬЧИКОВЪ.

Во Франціи въ Парижѣ живетъ купецъ, которой предъ недавнымъ временемъ имѣлъ у себя двухъ сыновей.

Оба они родителями своими чрезмѣрно были любимы.

Отцу ихъ по своимъ дѣламъ надобно было часто и далеко иногда ѣздить верхомъ.

Для того важивалъ онъ всегда съ собою пару заряженыхъ пистолетъ.

Возвращаясь домой обыкновенно выстрѣливалъ онъ ихъ, или дома разряживалъ, дабы оными не сдѣлалъ кто самому себѣ или кому другому вреда.

Сверьхъ сего дѣтямъ своимъ запретилъ онъ накрѣпко, чтобъ никто изъ нихъ ни пистолетъ, ни другова какова огнестрѣльнаго оружія отнюдь въ руки не бралъ, потому что дѣти не умѣютъ съ ними обходиться бережно, и легко могутъ самихъ себя или кого другаго застрѣлить.

А главное правило предписалъ онъ имъ, чтобъ они и велики выросши подобными оружіями никогда не шутили; ибо изъ того уже часто выходили нещастія.

Въ одно время купецъ сей возвратился

изъ своего путешествія домой, и какъ надобно ему было вскорѣ опять ѣхать, то онъ на этотъ разъ пистолетовъ своихъ не выстрѣлилъ и положилъ ихъ въ горницѣ.

Онъ ни малаго не имѣлъ подозрѣнія, чтобъ дѣти стали ихъ трогать, понеже онъ имъ то накрѣпко запретилъ.

Но что сдѣлалось? на другой день по утру, какъ отецъ ихъ вышелъ, Николаша съ Фединькой (такъ назывались оба сыновья) вошедъ въ эту горницу стали рѣзвиться.

Пистолеты лежали на столѣ.

„Станемъ салдатами играть, сказалъ Ни-„колаша меньшому своему брату, взявъ одинъ „пистолетъ себѣ, а другой подавая ему.

„Эй братецъ! отвѣчалъ Фединька, развѣ „ты забылъ, что намъ запрещено брать въ „руки пистолеты.

„Это правда, сказалъ Николаша, но вить „мы знаемъ, что они не заряжены; батюшка „недавно говорилъ, что онъ ихъ всегда вы-„стрѣливаетъ, когда возвращается домой.

„А испортить мы ихъ также не можемъ. „Посмотри какъ уже я хорошо умѣю взводить „курокъ.„--И взвелъ курки у обѣихъ пистолетъ.

„Батюшка чаю съ тѣмъ говорилъ, чтобъ „мы заряженыхъ пистолетъ не трогали.—

,,Ну! стань ты тамъ и слушай, какъ я ,,буду повелѣвать; когда я закричу: пали! то ,,ты за это желѣзцо потяни къ себѣ.,,

Такимъ образомъ стали они другъ противъ друга и Николаша повелѣвалъ:

,,Слушай!——къ заряду!——прикладывайся! ,,пали!,,

Съ симъ словомъ оба вдругъ спустили курки, и оба въ крови своей залившись упали.

На сей сугубой выстрѣлъ прибѣжала къ нимъ смущенная мать; и какое, о Боже, представилось ей зрѣлище!

Безчувственна упала она подлѣ своихъ дѣтей, которые въ то время уже послѣднее дыханіе испускали.

А когда отъ прибѣжавшихъ служителей она приведена была паки въ память, тогда дѣти ея были уже мертвы.

Послѣдовавшей за симъ ужасной вопль материнъ, и безмолвное оцѣпѣненіе прискорбнаго отца, познавшаго возвратясь домой всю повѣсть изъ единаго на окровавленныхъ сыновъ своихъ воззрѣнія, не можетъ описать никакое перо.

НАСТЮША И НИКОЛАША.

Ник: Скажи, Настинька, такъ ли тебѣ скучно какъ мнѣ . . . . . я чуть не плачу.

Нас: О чемъ?

Ник: Видишь ты сколько батюшка и матушка пожаловали намъ опять подарковъ, а мы такъ малы и слабы, что не можемъ имъ за то отплатить.

Нас: Ежели мы всегда будемъ вести себя порядочно, такъ они и довольны будутъ.

Ник: То то меня и печалитъ, что мы еще не такъ тихи и хороши, какъ бы они того хотѣли.

Нас: Богъ намъ поможетъ сдѣлаться лучшими.

Ник: Пойдемъ же помолимся ему и попросимъ, чтобъ онъ ниспослалъ намъ свою святую помощь-

(Становятся на колѣни)

Нас: Боже милостивой! мы бы весьма хотѣли добрымъ своимъ поведеніемъ утѣшать нашихъ родителей.

Ник: Господи! однакожъ мы иногда дѣлаемъ худо.

Нас: Мы объ этомъ тужимъ.

Ник: Весьма тужимъ.

Нас: Для того просимъ тебя, Бога нашего; ты все можешь, всѣмъ помогаешь, помоги намъ вести себя порядочно и не дѣлать худова.

Ник: Помоги намъ, Боже; ты всесиленъ!

Нас: Помоги Господи!

Ник: Помоги намъ. Аминь.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

БАБОЧКА.

Нѣгдѣ малая пичуга
Пестра бабочка жила
Середи зелена луга,
И прекрасная была.

У ней крылья голубыя
Въ красныхъ искрахъ всѣ блестятъ,
На нихъ краишки злашыя
Будто въ яхонтахъ горятъ.

Всякой часъ она летаетъ
Со цвѣточка на цвѣтокъ,
То гвоздику посѣщаетъ,
То ясминовой кустокъ.

Шепчетъ въ уши всѣмъ летая:
Какъ уборъ прелестенъ мой!
Естьли птичка здѣсь такая,
Чтобъ сравнилася со мной?

Хвастовства сего во время
Вдругъ на встрѣчу ей пчела,
Сладкое имѣя бремя
Въ улій медъ она несла.

Бабочка кричитъ гордяся:
Прочь замаранная дрянь!

Пчелка ей на то смѣяся
Въ домъ мой, говоритъ, заглянь,

Естьли знать меня желаешь,
И суди о мнѣ потомъ. . . .
Ты красою щеголяешь;
Я искуствомъ и трудомъ.

~~~~~
~~~~~

ОПАМЯТОВАНІЕ.

Я не хочу безъ тебя идти въ садъ, сказала Параша своему братцу, и для чего не хочешь ты мнѣ сдѣлать удовольствія, когда я тебя о томъ прошу?

Для того, что мнѣ не хочется, отвѣчалъ Николаша, и сѣлъ облокотясь въ кресла.

Параша пошла въ уголокъ и стала плакать.

О чемъ ты плачешь? спросила у нее вошедши мать. Не досадилаль ты чемъ нибудь брату, нѣчто онъ сидитъ не веселъ?

„Да какъ же, матушка сударыня, онъ не „хотѣлъ идти со мною въ садъ!„

Правда ли это, Николаша? спросила мать; да не сдѣлалаль она тебѣ чего?

Нѣтъ, сударыня, я передъ нею виноватъ, отвѣчалъ Николаша, и взявъ Парашу за руку, сказалъ: пойдемъ сестрица, я съ тобой пойду.

Параша отерла тотчасъ слезы и спросила у него съ ласкою: да хочетсяль тебѣ?

ПЕТРУША,

Которой спать не могъ.

Въ маленькой своей постелькѣ малютка Петруша лежа плакалъ, сперва тихонько, а потомъ громче, такъ что отецъ его и мать спавшие подлѣ него, то услышали.

„Что тебѣ сдѣлалось, Петрушинька, спросилъ отецъ, мнѣ кажется ты плачешь?

Петр: Ахъ батюшка!

От: Что такое душа моя, скажи намъ

Петр: Ахъ, я боюсь, чтобъ вы эту ночь не умерли!

От: Не дай Богъ—да что тебѣ это вздумалось?

Петр: Ахъ! развѣ вы не знаете—

От: Что такое?

Петр: Ахъ! что я севодня—

От: Ну!

Петр: Былъ не порядоченъ.

От Такъ чтожъ?

Петр: Вы мнѣ давичь сказали, что я васъ огорчилъ. Я теперь объ этомъ вспомнилъ, и мнѣ подумалось: ну ежели батюшка въ эту ночь умретъ, а я его такъ огорчилъ; и ежели ужъ не удастся мнѣ хорошимъ поведе-

ніемъ опять его утѣшить—Ахъ, батюшка сударь, не умрите!

От: Развѣ бы тебѣ жаль было, естьлибъ я теперь къ общему нашему отцу взять былъ на небо?

Вмѣсто отвѣта полились у дитяти горячія по лицу слезы.

Тогда, преисполненный жалостію отецъ, поднявъ его съ маленькой постельки и обласкавъ съ горячностію, положилъ подлѣ себя и его матери, а потомъ оба они поцалуями своими осушили лице его омоченное слезами.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

РАЗМЫШЛЕНІЕ

Во время зимней стужи.

Среди зимы жестокой сей,
Мнѣ любо, въ теплый мѣхъ одѣту,
Подъ кровлей въ горницѣ моей,
Быть сыту, веселу, согрѣту,
И день препроводя въ игрѣ
На мягкомъ сладко спать одрѣ.

Но Горе бѣдному, который,
Насущной пищи бывъ лишенъ,
Одинъ на голой лавкѣ хворый
Валяется отягощенъ,
На стужѣ, въ нуждѣ, безъ одежды,
Безъ помощи, и безъ надежды!

Духъ братолюбія! воспрянь,
Спѣши, возчувствуй чужду муку;
И щедрую отверзя длань,
Дай помощи ему ты руку:
Кто медлитъ брату пособить,
Тотъ не достоинъ щастливъ быть.

ЩАСТЛИВОЙ МУЖИКЪ.

Пожалуйте, бояре, вы не байте
Съ насмѣшкою о мужикахъ такой,
И что по больше васъ, выето знайте,
Живемъ довольны сами мы собой.

Въ трудахъ безъ всякихъ прихотей жизнь
наша,
Безъ зависти и безъ хлопотъ течетъ;
Ломть хлѣба чорнова, да щи, да каша,
Какъ есть у насъ, такъ намъ и горя нѣтъ.

Намъ ваши всяки лакомства не сладки,
Отъ жиру нашъ животъ не заболитъ;
До вашихъ слизкихъ устрицъ мы не падки,
Мужикъ безъ кислаго лимона сытъ.

Перинъ мы мягкихъ съ скукой и заботой
Слезами ночью, право, не кропимъ;
Но утомленные дневной работой
Въ избѣ своей раскинувшись храпимъ.

Хоть хлѣбъ свой въ потѣ мы лица снѣдаемъ,
Но по трудахъ пріятенъ намъ покой;
Забавны пѣсни громко воспѣваемъ,
Какъ съ поля веселясь идемъ домой.

УДАЛИСЯ ОТЪ ЗЛА И СОТВОРИ БЛАГО, ХОТЯ БЫ ТО БЫЛО ВЪ ТАЙНѢ.

Старикъ Честнодумъ съ младшимъ сыномъ своимъ Тимошею пошелъ далеко въ поле гулять. Тогда былъ прекрасный осеннiй день, но еще нѣсколько жарокъ.

Батюшка, сказалъ Тимоша, идучи мимо одного сада, которой стоялъ середи поля, мнѣ очень пить хочется!

И мнѣ также, душа моя, отвѣчалъ отецъ, да надобно потерпѣть покудова придемъ домой.

Тимоша.

Вонъ стоитъ груша и на ней висятъ множество грушъ.

Честнодумъ.

Вижу, да она въ саду.

Тимоша.

Тынъ не высокъ, можно перелѣзть.

Честнодумъ.

А что бы намъ сказалъ тотъ, чей это садъ, естьли бы онъ здѣсь былъ?

Тимоша.

О! его здѣсь нѣту; да и никово нѣтъ, кто бы ему пересказать могъ.

Честнодумъ.

Ты ошибаешься мой другъ; есть нѣкто, которой точно это увидитъ и долженъ будетъ наказать насъ за худыя наши дѣла.

Тимоша.

И! да кто это такой?

Честнодумъ.

Тотъ, которой вездѣ присутственъ, всегда насъ видитъ, всегда знаетъ, что мы дѣлаемъ—Богъ!

Тимоша.

Ахъ! да! я объ этомъ не подумалъ.

Въ самое сіе время всталъ человѣкъ, которой до того лежалъ за тыномъ въ травѣ. Это былъ самъ хозяинъ сада, и онъ сказалъ Тимошѣ:

„Благодари Бога, дитя, что благочестивой отецъ твой не допустилъ тебя идти въ чужой садъ за овощами.

Знай, что у меня подъ этою грушею поставленъ для воровъ клепецъ, въ которой бы ты конечно попался и цѣлой вѣкъ свой былъ безъ ноги.

Но что напоминаніе отца твоего о невидимомъ Богѣ тебя устращило, и что от-

сталъ ты отъ несправедливаго своего желанія, за то пойду и принесу я тебѣ лучшихъ плодовъ съ дерева.„

Сказавъ сіе пошелъ онъ, потрясъ дерево, и принесъ Тимошѣ цѣлую шляпу хорошихъ грушъ.

Честнодумъ хотѣлъ ему заплатить за нихъ деньги, но онъ не бралъ.

Для чего? спросилъ Честнодумъ.

Для того, отвѣчалъ хозяинъ сада, что томужъ самому Богу, которому не угодно, чтобъ мы дѣлали злое, благоугодно, чтобъ мы дѣлали доброе и помогали ближнему своему всемъ, чемъ только можемъ.

Честнодумъ пожалъ у него дружески руку, поблагодарилъ его, и пошелъ съ Тимошею далѣе.

Тимоша.

Какой это доброй человѣкъ!

Честнодумъ.

Доброй конечно; да и всѣ тѣ таковы, которые съ примѣчаніемъ смотря на вседневныя свои приключенія изъ оныхъ научаются знать, что правосудный Богъ не оставляетъ ничего добраго безъ награжденія и ничего худаго безъ наказанія.

Тимоша.

Не ужъ што бы Богъ наказалъ насъ, естьли бы мы стали рвать груши?

Честнодумъ.

Развѣ ты не слыхалъ, чтобы съ нами случилось.

Тимоша.

Да вить не Богъ поставилъ туда клепецъ.

Честнодумъ.

Не онъ самъ, да безъ его воли и вѣденія ничто не можетъ сдѣлаться.

Господь управляетъ всѣми дѣлами на свѣтѣ, и онъ такъ устроиетъ ихъ, чтобъ они доброму человѣку служили къ награжденію, а худому къ наказанію. Послушай, я раскажу тебѣ одну быль, которая случилась на моей памяти.

Я былъ такъ малъ еще, какъ ты, и жилъ въ домѣ у своего отца, а твоего дѣдушки. Подлѣ насъ жили два сосѣда, одинъ по правую, а другой по лѣвую сторону; одинъ прозывался Кузнецовъ, а другой Мѣльниковъ.

У Кузнецова былъ сынъ по имени Трофимъ, а у Мѣльникова также сынъ по имени Сидоръ.

Позади нашего дому и домовъ нашихъ сосѣдей находились небольшія садики, которые одинъ отъ другаго отдѣлены были изгородою.

Кузнецова сынъ Трофимъ имѣлъ весьма дурную повадку бросать всегда каменьями, не остерегаясь, чтобъ не ушибить кого нибудь.

Часто дѣлывалъ онъ это бывъ у отца своего въ саду, и бросалъ каменьями то къ намъ въ садъ, то къ сосѣду нашему, такъ что отъ его бросанья не было намъ почти проходу.

Отецъ его примѣтилъ это однажды и запретилъ ему то дѣлать накрѣпко.

Но по нещастію этотъ робенокъ или не вслушивался или забывалъ, что худова дѣлать не надобно, хотя бы никого при томъ свидѣтелемъ не было; ему или не сказывали, или онъ не хотѣлъ того помнить, что Богъ вездѣ присутствуетъ и видитъ все, что мы ни дѣлаемъ.

Однажды былъ онъ въ саду одинъ, и захотѣлось ему опять пошвырять каменьями: и какъ онъ зналъ, что отца его нѣтъ дома, то и думалъ, что ему это дѣлать можно.

Въ самое то время другой сосѣдъ нашъ Мѣльниковъ былъ съ сыномъ своимъ Сидоромъ у себя въ саду.

Этотъ Сидоръ имѣлъ за собою тотъ порокъ, что онъ думалъ: довольно коли при людяхъ не дѣлаешь худова, а коли никово нѣтъ, такъ все можно дѣлать, что ни захочешь.

Отецъ его принесъ съ собою заряженное ружье, чтобъ стрѣлять воробьевъ, которые у него всѣ вишни поклевали. Они стояли въ бесѣдкѣ и дожидались, какъ воробьи налетятъ; но вдругъ пришли къ Сидорову отцу сказать, что къ нему гость пришолъ.

Онъ оставилъ ружье въ бесѣдкѣ и сказалъ отходя Сидору: смотри ты не тронь ружья!

Сидоръ остался одинъ. Что мнѣ сдѣлается, думалъ онъ, хотя бы я и поигралъ немного ружьемъ? вить я никово не застрѣлю, да и батюшка же теперь ушелъ домой.

Подумавъ сіе схватилъ онъ ружье и сталъ имъ дѣлать на караулъ. Потомъ захотѣлось ему попробовать, можетъ ли онъ взвести курокъ.

Онъ положилъ на изгороду ружье, дуломъ прямо въ садъ къ Кузнецову, взялъ за курокъ и началъ взводить.

Въ это время Трофимъ на бѣду изъ своего сада бросилъ черезъ изгороду острой камень, и попалъ Сидору въ глазъ. Сидоръ отъ

великаго страха и боли выронилъ ружье изъ рукъ, курокъ спустился, дробь полетѣла, и закричали въ обѣихъ садахъ: ай, ай, ай!

Сидору вышибли глазъ, а Трофиму вся дробь попала въ ногу; тотъ сталъ кривъ, а этотъ хромъ, и такими остались во весь свой вѣкъ.

Тимоша.

Ахъ бѣдненькіе!

Честнодумъ.

Они конечно оба жалки, особливо по тому, что каждый изъ нихъ не только самаго себя, да и другаго вмѣстѣ съ собою сдѣлалъ нещастнымъ. — Однакожъ входя обстоятельно въ дѣло, можно сказать, что это случилось къ общему ихъ благополучію.

Тимоша.

Какъ это, батюшка!

Честнодумъ.

Я тебѣ это растолкую, душинька. Когда бы Богъ не наказалъ сихъ дѣтей, такъ бы они оставаясь на единѣ всегда продолжали дѣлать худое.

Но тутъ они сами собою испытали, что всякое худое дѣло, котораго люди не видятъ,

отъ Бога не можетъ быть закрыто, и безъ наказанія упущено не будетъ.

Отъ того оба они поправились, стали смирны и хороши, и удалялись отъ всякаго зла хотя бы то случилось въ самомъ тайномъ мѣстѣ.

И сего-то самаго Богъ, наказуя ихъ, отъ нихъ желалъ; ибо сей небесный отецъ не для чего инаго наказуетъ насъ, какъ для нашего чрезъ то исправленія.

Тимоша.

Не стану же я дѣлать худова, хотя бы подлинно зналъ, что ни одинъ человѣкъ о томъ не свѣдаетъ.

Честнодумъ.

Богъ утверди тебя въ сихъ мысляхъ, дитя мое!

Тутъ они возвратились домой.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА.

Ахъ, ежели бы все зима была! сказалъ Петруша, послѣ того какъ онъ игралъ въ снѣжки и катался на горѣ въ санкахъ.

Отецъ его приказалъ ему сіе желаніе записать въ записную книжку, и онъ то исполнилъ.

Зима прошла, наступила весна.

Петруша стоялъ съ отцомъ своимъ подлѣ одного цвѣтника, въ которомъ розы, лилеи, гіяцинты и нарциссы разцвѣтали; и былъ внѣ себя отъ радости.

Весна цвѣты сіи съ собой приноситъ, сказалъ отецъ, съ ней они и пройдутъ.

Ахъ, ежели бы все весна была! отвѣчалъ Петруша.

Отецъ велѣлъ ему и сіе желаніе записать въ книжку, и онъ записалъ.

Миновала весна, лѣто настало.

Въ одинъ прекрасной день Петруша съ своими родителями и нѣсколько другихъ робятишекъ пошли въ ближнюю деревню и цѣлой день тамъ пробыли.

Вокругъ ихъ видна была зеленая пажить и долины, множествомъ цвѣтовъ испещренныя, и луга, на которыхъ индѣ играли ягнята, индѣ бодрые жеребятки прыгали.

Тутъ они ѣли вишни и другія лѣтомъ растущія ягоды и проводили время очень весело.

Не правда ли, сказалъ отецъ возвращаяся домой, что и лѣтомъ можно имѣть множество забавъ?

Ахъ! отвѣчалъ Петруша, я бы желалъ, чтобъ всегда было лѣто!

И сіе желаніе записано было въ записную книжку.

Напослѣдокъ пришла осень.

Вся семья отправилась на нѣсколько дней въ виноградные сады.

Не было уже такихъ жаровъ какъ лѣтомъ; но воздухъ былъ благорастворенной и небо свѣтлое.

На лозахъ виноградныхъ висѣли зрѣлые грозды, на грядахъ лежали благоуханныя дыни, а вѣтви деревъ отъ спѣлыхъ плодовъ къ землѣ приклонялись.

Тутъ-то любо было Петрушѣ, которой до всякихъ овощей великой былъ охотникъ!

Сіе прекрасное время скоро минетъ, сказалъ отецъ; зима уже на дворѣ и осень проходитъ.

Ахъ! сказалъ Петруша, я бы желалъ чтобъ зима никогда не приходила, и чтобъ все стояла осень!

Право бы ты того желалъ? спросилъ отецъ?

Право, отвѣчалъ онъ.

Но посмотри, продолжалъ отецъ вынимая записную книжку изъ кармана, посмотри, что здѣсь написано; на, читай!

„Я желаю, чтобъ всегда зима была.„ А вотъ на этой страницѣ прочитай что написано?

„Я желаю, чтобъ всегда весна была.„ А вотъ на этой?

„Я желаю; чтобъ всегда лѣто было.„ Знаешь ли ты, примолвилъ отецъ, чья рука это писала?

Моя, отвѣчалъ Петруша.

А чего же ты теперь желаешь?

„Я желаю, чтобъ всегда была осенъ.„ Но это очень чудно, сказалъ отецъ, зимою ты желаешь всегдашней зимы, весною всегдашней весны, лѣтомъ всегдашняго лѣта, а осенью всегдашней осени!

Подумай, чему изъ сего слѣдовать должно.

„Что всѣ времена года хороши.„

Конечно такъ; что всѣ они преисполнены радостію, преисполнены разными для насъ дарами, и что Богъ лучше умѣетъ управлять свѣтомъ, нежели мы слабые человѣки!

Естьли бы прошлая зима въ твоей волѣ состояла, то бы у насъ ни весны, ни лѣта, ни осени не было.

Ты бы землю покрылъ вѣчнымъ снѣгомъ, для того только, чтобъ играть въ снѣжки и кататься съ горы въ санкахъ; и сколькихъ же безчисленныхъ другихъ удовольствій ты бы насъ лишилъ!

Щастливы мы, что не въ нашей волѣ состоитъ управлять свѣтомъ, мы бы съ полученіемъ власти сей тотчасъ его разрушили.

ПЕТРУШИНЪ ОТВѢТЪ.

Доро́гой школьникъ шелъ
И финикъ онъ нашелъ:
Къ сластямъ ребята падки,
А финики вить сладки,
Такъ школьникъ финикъ съѣлъ,
И финикъ школьнику гораздо полюбился,
А въ немъ нашелъ онъ кость.
Мой школьникъ въ мысли углубился:
Знать эти ягоды, онъ мыслитъ, могутъ
рость;
Конечно это сѣмя,
Чѣмъ размножается ихъ племя;
Такъ эту косточку я въ землю посажу,
И погляжу,
Что изъ того родится;
Авосьлибъ ихъ у насъ и много расплодится.
Пришелъ домой и прямо въ садъ
Бѣжитъ мой школьникъ безъ огляду,
Потѣетъ и копаетъ гряду,
Какъ будто ищетъ кладь.
Отецъ его на эту пору
Зашелъ, и сына зритъ въ трудахъ,
Какъ кротъ копаетъ нору,
И держитъ косточку въ зубахъ.
Узналъ отецъ трудовъ причину

И говоритъ онъ сыну:
Мой другъ! напрасно трудъ твой пропадетъ;
Ты финики сажаешь;
Долгонько ихъ прождешь! знать ты еще не знаешь,
Что это дерево едва чрезъ дватцать лѣтъ
Съ плодами поспѣваетъ.
Узнавъ по голосу отца,
Привсталъ, и стерши потъ съ лица,
Петруша отвѣчаетъ:
Коль время наградитъ мои труды,
Чего я ожидаю,
Такъ я съ того, что нынѣ насаждаю,
При старости вкушу плоды.

РАСКАЯНІЕ.

Мать.

О чемъ ты плачешь, Машинька?

Машинька.

Ахъ, матушка, посмотрите, что я нашла въ Библіи!

Мать.

Такъ ты объ этомъ плачешь? да чтожъ такое, раскажи мнѣ, душинька.

Машинька.

Ахъ, подумайте! они распяли Христа— какіе злые люди!—а Онъ—какое милосердіе!— Онъ и на крестѣ-то за нихъ молился! Они наругались надъ Нимъ, а Онъ и умираючи говорилъ: Отче! помилуй ихъ, они не вѣдаютъ что творятъ.

Мать.

Нравится тебѣ это, что Христосъ и за враговъ своихъ молился?

Машинька.

Конечно, сударыня. Какъ чаю молитва Его была пріятна Богу!—и я думаю Онъ воподлинну этихъ людей простилъ.

Мать.

А ты вчера разсердилась на Ивана за то, что онъ изломалъ у тебя игрушку, такъ что и простить ему не хочешь; разсуди же, душа моя, хорошо ли это?

Тутъ Машинька отъ стыда закрыла личце свое ручонками и прижавшись къ матери горько заплакала.

ПОДАРОКЪ ТЕТКѢ ВЪ ДЕНЬ ЕЯ ИМЕНИНЪ.

Севодня множество мнѣ къ радостямъ причинъ:
Севодня, тетушка, день вашихъ именинъ,
Изъ всѣхъ моихъ вещей желалъ бы я конечно,
Вамъ лучшую отдать, любя васъ такъ сердечно.

Ни чѣмъ я не могу такъ много дорожить,
Чего бъ вамъ не хотѣлъ отъ сердца подарить.
Но какъ ни хочется, однако это чудно,
Есть вещи у меня, а выбрать очень трудно.

Вѣнокъ ли изъ цвѣтовъ мнѣ пестринькихъ сотлесть,
И тетушкѣ моей любезнѣйшей поднесть:
Изъ розъ и васильковъ, которы разцвѣтаютъ?—
Но Ахъ! цвѣты, цвѣты такъ скоро увядаютъ!

Съ ясминами ль кустокъ мнѣ дать въ подарокъ ей,
И выбрать лучшинькой?—Но нѣтъ! любви моей,
Любви толь искренней, любви чистосердечной,
Кустокъ есть слабой знакъ, весьма не долговѣчной.

Ахъ, вотъ что! парочку прекрасныхъ птичекъ вамъ,
Чтобъ пѣли здѣсь онѣ, я, тетушка, отдамъ;
Вчера на гнѣздышкѣ поймалъ я ихъ легонько,—
Но ахъ! онѣ лишь чиркаютъ, и то тихонько!
Такъ чтожъ мнѣ подарить? одно еще, одно:
Вотъ сердце вамъ мое! хоть молодо оно,
Однако же цвѣтку подобно не увянетъ,
Покуда будетъ жить, всегда любить васъ станетъ.

ФІЯЛКА И ТЕРНОВОЙ КУСТЪ.

Ни мало не гордяся
Своею красотой,
Растя и веселяся,
Довольная собой,
Фіялочка въ лѣсочкѣ
Не въ пышности была,
При терновомъ кусточкѣ
Смирнехонько цвѣла.

Одиножды терновникъ
Сказалъ цвѣтку сему:
Я знаю кто виновникъ
Веселью твоему;

Конечно ты щитаешь,
Здѣсь краше нѣтъ тебя,
О какъ ты мало знаешь
Бѣдняжечка себя!

Взгляни какъ роза рдѣетъ
Красиво средь луговъ,
Царицы видъ имѣетъ
Она между цвѣтовъ!
Тебя здѣсь и не видно,
Не слышенъ запахъ твой;
Какъ можешь такъ безстыдно
Ты хвастаться собой?

Фіялочка смиренно
На рѣчь сказала ту:
Я здѣсь уединенно
Въ спокойствіи цвѣту;
За многимъ не гоняюсь,
Завидовать порокъ;
Довольно коль щитаюсь
Я добринькой цвѣтокъ.

Хотя не проливаю
Я запахъ въ цѣлый лугъ,
Однако наполняю
Имъ малый свой округъ;

Не рѣдко оставляетъ
Румяный розовъ цвѣтъ
Пчела и прилетаетъ
Съ меня брать сладкій медъ.

Отъ солнечнаго зноя
Пастушка утомясь,
Для хлада и покоя
Въ мѣста сіи склонясь,
Не рѣдко воздыхая
Творца благодаритъ,
Что сладко отдыхая
Фіялочку въ нихъ зритъ—

Сосѣдушка, пріятель,
Не должно намъ роптать;
Вселенныя Создатель
Умѣлъ кому что дать,
Безумно наше чванство
Противу Божьихъ дѣлъ:
Онъ розѣ далъ убранство,
Мнѣ малой быть велѣлъ.

~~~~~~~
~~~~~~~

РѢЗВЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

Зрѣлище для дѣтей.

Дѣйствующія лица:

Господинъ Златогоровъ.
Николаша, Златогорова десятилѣтній сынъ.
Фединька, племянникъ Златогоровъ, сирота, воспитываемый имъ, однихъ лѣтъ съ Николашею.
Маша, дочь Златогорова, девяти лѣтъ.
Лизанька } двѣ маленькія барышни, пріѣхав-
Анюта } шія въ гости къ Машѣ.
Федотка, осмилѣтній мальчикъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ,

Николаша и Фединька.

Фединька. (*сидя за столомъ и пишучи.*)

Братецъ! не ужъ-то ты цѣлой часъ все играть будешь?

Николаша. (*рѣзвясь и прыгая кругомъ по горницѣ.*)

Еще не множко!

Фединька.

Но ты забылъ, что въ четыре часа надобно намъ отдать переводъ свой любезному нашему Ивану Карповичу?

Николаша.

Еще крошечку!

Єединька.

Предоброй учитель! какъ онъ всегда радуется, когда видитъ насъ прилѣжными!

Николаша.

Ну еще не множко, крошечку!

Єединька.

Вотъ ужъ три четверти бьетъ; мнѣ осталось дописать только два слова, такъ я и готовъ. Вотъ и конецъ!

Николаша. *(бѣжитъ къ столу.)*

Какъ? ужъ три четверти било? ахъ какая бѣда! какъ мнѣ успѣть!

Єединька.

Вить я тебѣ говорилъ.

Николаша.

Теперь я стану какъ можно спѣшить; авосьлибо еще успѣю. — Смотри! ужъ три строки написалъ! — вотъ какъ у насъ машутъ! то то любо! *(при сихъ словахъ вскакиваетъ отъ радости, опрокидываетъ чернильницу и заливаетъ свою бумагу)*. О какая бѣда! что я сдѣлалъ!

Єединька.

Какой ты шалунъ, Николаша!

Николаша.

Право это не нарочно.

Фединька.

Не нарочно? объ этомъ ни кто и не думаетъ; кто станетъ нарочно это дѣлать?— однакожъ отъ шалости, братецъ, отъ великой рѣзвости. Этотъ порокъ сильно въ тебѣ укореняется.

Николаша.

Я поскорѣе снова начну; можно еще успѣть. (*пишетъ опять нѣсколько строкъ; качается на стулѣ, размышляя о словахъ, и опрокидывается на взничъ*) ай!

Фединька.

Опять новая шалость! Николаша, Николаша, вишь ты этакъ голову себѣ проломить можешь!

Николаша.

Проклятой стулъ!

Фединька.

Скажи лучше: проклятая рѣзвость и бѣдной стулъ! посмотри, ты его изломалъ: матушка за это спасибо не скажетъ.

Николаша.

Пропалъ я! какъ мнѣ быть со своимъ переводомъ? — братецъ голубчикъ! не оставь меня, дай мнѣ списать съ твоего перевода.

Фединька.

Списать? да какая тебѣ отъ этова польза!

Николаша.

Ну чтобъ учитель на меня не осердился.

Фединька.

Не ужъ ли ты думаешь, что онъ этова не примѣтитъ? да хотя бы и не примѣтилъ, какъ смѣть отъ него это утаить? стыдно! вить то хотѣть его обманывать.

Николаша (заплакавъ.)

Да какъ же быть? — что мнѣ скажетъ Иванъ Карповичь, когда ты ему свой переводъ покажешь, а я нѣтъ?

Фединька.

Послушай, братецъ! все что я для тебя сдѣлать могу, состоитъ въ томъ, что я не хочу въ глазахъ любезнаго нашего учителя быть лучше тебя: вотъ смотри! (издираетъ свой переводъ). Пойдемъ теперь на верхъ и скажемъ откровенно Ивану Карповичу, что мы седодня лѣнивы были, и что завтра постараемся быть прилѣжнѣе.

Николаша.

Ну спасибо тебѣ, братецъ! (*цалуетъ его въ плѣчо*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Прежніе и Маша.

Маша.

Фединька! Иванъ Карповичь позволилъ тебѣ остатся здѣсь въ низу. Лизанька съ Анютою будутъ ко-мнѣ въ гости, и мы хотимъ, чтобъ и ты былъ съ нами.

Николаша.

А обо мнѣ ты не просила?

Маша.

Нѣтъ братецъ!

Николаша.

Для чегожъ нѣтъ? онъ тебѣ только двоюродной братъ, а я родной.

Маша.

То то и худо, что ты родной братецъ, а поступаешь такъ, что любить тебя не льзя столько, какъ двоюроднаго.

Николаша.

Да что я тебѣ сдѣлалъ?

Маша.

Со мною можешь ты обходиться какъ хочешь, я не о себѣ говорю; но мнѣ жаль, что ты самъ себѣ вредишь, дѣлая то, что ни одинъ человѣкъ не хочетъ быть съ тобою вмѣстѣ.

Николаша.

Чтожъ такое я дѣлаю?

Маша.

Что ты дѣлаешь? все безъ разсудку: безъ ума шалишь, безъ пути рѣзвишся. Когда ты войдешь въ горницу, то можно объ закладъ удариться, что какая нибудь непріятность случится: либо ты что нибудь изломаешь, либо раздерешь, либо замараешь, либо такой шумъ поднимешь, что уши прокричишь, либо помѣшаешь намъ играть, либо начнешь браниться. Всѣ посторонніе дѣти за тѣмъ не ѣздятъ къ намъ въ домъ, и это чудо, что Лизанька съ Анютою севодня сюда пріѣхать обѣщали. Скажи правду, Фединька, хорошъ ли онъ и каково поведеніе его?

Фединька.

Я надѣюсь, что онъ исправится. Такъли Николаша?

Николаша.

Вѣрно такъ: во всю мою жизнь впередъ таковь уже не буду.

Techинька.

Прости ему и позабудь, сестрица, его проступки! я пойду съ нимъ къ Ивану Карповичу и попрошу, чтобъ онъ позволилъ ему остаться съ нами въ низу, я ручаюсь за него, что онъ будетъ себя вести порядочно. (*уходитъ съ Николашею*).

Маша.

Я желаю, чтобъ это такъ было.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Маша. (*одна*)

Братецъ Рединька очень хорошъ!—кали бы братецъ Николаша таковъ же былъ! (*она ставитъ стулья по мѣстамъ, вытираетъ столъ, и читаетъ лоскутки бумаги, лежащіе на полу*). Теперь кажется все порядочно?—мнѣ думается—(*стучатся въ двери, и она бѣжитъ туда*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Маша, Лизанька и Анюта.

Маша.

А! здравствуй, милая Лизанька! здравствуй милая Анютушка! (*обнимаются и цалуются*).

Лизанька.

Мнѣ кажется, я ужъ цѣлой годъ съ тобою не видалась!

Анюта.

Въ самомъ дѣлѣ давно ужъ: почти три недѣли.

Маша.

Безъ малова: въ прошедшее воскресеніе было ровно двѣ недѣли, какъ я у васъ была.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Прежнія, Фединька и Николаша.

(*Фединька учтиво кланяется гостямъ; Николаша прыгая и распѣвая вбѣгаетъ въ горницу, и не смотря на пріѣзжихъ барышенъ вскакиваетъ на стулъ, стоящій подлѣ его сестры*).

Николаша. (*поетъ.*)

Лай, лай, лай, веселись Николай!
Башъ, башъ, башъ, севодни шабашъ!

(онъ хочетъ вскочить на плечи къ сестрѣ своей, которая не могши его удержать присѣдаетъ, отъ чего онъ упадаетъ со стула и сбиваетъ ее съ ногъ долой).

Фединька.

Николаша, Николаша! что ты опять напроказилъ? *(всѣ они прибѣгаютъ поднимать Машу).*

Николаша.

Ничего, бездѣлица! *(повертывается на одной ногѣ и начинаетъ опять прыгать).*

Лизанька.

Ахъ, моя душа! не ушиблась ли ты?

Маша.

Кажется нѣтъ. Не осердитесь, мои милыя, что это случилось: вы видите, что не я этому причиною.

Анюша. *(цалуя ее.)*

Нѣтъ ничего, коли только ты не ушиблась.

Маша.

Нѣтъ, ужъ прошло. Сядемте, мои милыя. *(Фединька для каждой изъ нихъ ставитъ стулъ).*

Лизанька.

Не трудитесь!

Фединька.

Ни какова труда нѣтъ!

Маша.

Фединька охотно это дѣлаетъ. (*подаетъ ему руку въ знакъ ласки*). Я бы желала, чтобъ братецъ Николаша такъ услужливъ былъ, какъ онъ.

Николаша.

О! я буду севодня очень услужливъ: ты увидишь это. (*дѣвка приноситъ чайной приборъ*). Напримѣръ я стану разливать.

Маша.

Чтобъ опять что нибудь изломать! пожалуй оставь это мнѣ. (*наливаетъ и подаетъ сахарницу кругомъ*). Кому угодно сахару?

Лизанька.

Благодарствую, моя душа! мы привыкли пить безъ сахару.

Николаша.

Такъ инъ я за всѣхъ возьму. (*хватаетъ кусокъ за кускомъ, такъ что сестра напослѣдокъ принуждена отдернуть отъ него сахарницу прочь*).

Маша.

Какъ тебѣ не стыдно, Николаша! —

Николаша.

Я пошутить хотѣлъ. Ты увидишь, что мнѣ столько не надобно—(*хочетъ сахаръ положить назадъ въ сахарницу, но поступаетъ притомъ такъ не осторожно, что до половины выпитую чашку свою проливаетъ Анютѣ на платье*).

Анюта.

Ахъ, боже мой! — какъ я пришедъ домой покажусь матушкѣ? что мнѣ дѣлать?

Маша.

О какой бѣшеной! (*къ Николашѣ*) да ужъ покрайней мѣрѣ не стой какъ столбъ: принеси поскорѣе стаканъ воды. (*прежде нежели Николаша съ мѣста тронулся, Фединька уже побѣжалъ за водою*).

Лизанька.

Говорятъ лучше всего бѣлымъ платкомъ вытереть. Вотъ у меня чистой платокъ—(*онѣ подходятъ къ Анютѣ; Лизанька держитъ, а Маша вытираетъ. Между тѣмъ Николаша, словно какъ бы ему до случившагося ни какой нужды не было, продолжаетъ пить чай и выливаетъ всѣ сливки изъ молошника къ себѣ въ чашку. Фединька приноситъ стаканъ воды*).

Лизанька.

Теперь ужъ не надобно воды; благодаримъ тебя, милой Фединька. Мы ужъ вытерли, послѣ можно замыть.

Маша.

Кажется теперь хорошо: посмотри, Лизанька, почти ничего не льзя примѣтить. — (*показываетъ ей залитое мѣсто у платья*).

Лизанька.

Чуть видно, а когда высохнетъ, такъ и со всемъ будетъ не примѣтно.

Анюта.

Ну слава Богу! а я было испугалась: новое платье, и матушка за него дорого заплатила.

Маша.

Сядемъ опять, мои милыя; (*къ Николашѣ*) а ты пожалуй будь отъ насъ подалѣе. (*хочетъ наливать, но находитъ молошникъ пустымъ, и смотритъ на Николашу*). Это право такъ невѣжливо, какъ не льзя больше! (*къ Фединькѣ*) Подумай, между тѣмъ какъ мы тамъ хлопотали, онъ всѣ сливки изъ молошника выпилъ! (*Фединька взглядываетъ на него съ неудовольствіемъ*). Ахъ! я было и забыла. Северодни одна

изъ дѣвушекъ нашихъ именинница, она давичь принесла ко мнѣ прекрасной крендель—(*Фединькѣ, которой всталъ со стула и хочетъ идти*) прикажи ево къ намъ подать, да также и сливокъ еще принести.

Лизанька.

Для меня не надобно: я ужъ столько напилась чаю, что не хочу больше.

Анюша.

А я такъ напугалась, что не могу пить.

Маша.

Чтожъ намъ дѣлать? не поиграть ли немножко?

Лизанька.

По мнѣ пожалуй. Да во чтожъ мы станемъ играть?

Николаша.

О! я много знаю игоръ! въ жмурки — въ гулючки—въ короли —

Лизанька.

Съ вами играть мы не хотимъ.

Николаша.

Для чего?

Лизанька.

Для того, что мы любимъ глаза свои, носъ, руки и ноги.

М а ш а.

Вонъ Фединька идетъ — у него спросимъ во что играть.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Прежніе и Фединька.

Л и з а н ь к а.

Мы васъ дожидались, чтобъ вы сказали, какую намъ игру начать.

Ф е д и н ь к а.

Я оставилъ на дворѣ маленькаго музыканта; ежели вы хотите, такъ онъ намъ что нибудь съиграетъ или споетъ.

М а ш а.

Маленькаго музыканта? маленькаго музыканта? да кто онъ такой? откуда ты ево взялъ?

Л и з а н ь к а.

Это очень, очень хорошо! съ Фединькой право весело быть вмѣстѣ: онъ умѣетъ какъ угождать.

А н ю т а.

А я какъ люблю, когда поютъ или танцуютъ!

Ф е д и н ь к а.

Да мы же еще и добро сдѣлаемъ: это бѣдной деревенской мальчикъ, которой ходитъ съ гуд-

комъ и сбираетъ милостыню. Я посулилъ ему пять копѣекъ, и онъ обѣщалъ мнѣ за это цѣлой часъ играть.

Лизанька.

Нѣтъ! нѣтъ! пусть всякая изъ насъ дастъ ему особливо что нибудь.

Анюта.

Всякая, всякая особливо.

Фединька.

Такъ позвать его сюда?

Маша.

Позови, позови, да гдѣ онъ?

Фединька.

Тамъ у воротъ стоитъ. *(уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДМОЕ.

Прежніе.

(Дѣвка приноситъ крендель. Николаша хочетъ ухватить его съ тарелки, однако Маша ему въ томъ препятствуетъ).

Николаша.

Ну что? я хотѣлъ только его раздѣлить!

Маша.

Оставь это на мое попеченіе; ты бы также хорошо раздѣлилъ какъ сливки. *(разламываетъ крендель на четыре куска, подно-*

ситъ двумъ гостьямъ, беретъ сама, и тарелку съ остальнымъ кускомъ ставитъ на столъ).

Николаша.

Это мнѣ? (*хочетъ взять съ тарелки*).

Маша. (*отнимая прочь оную*).

Погоди, еще Фединька не кушалъ. На вотъ тебѣ по поламъ со мною! (*отламываетъ отъ своего кренделя и даетъ ему*).

Анюта.

Прекрасной крендель! оставте пожалуйста Фединькѣ, а не то, я ему свой кусокъ отдамъ.

Лизанька.

И я свой.

ЯВЛЕНІЕ ОСМОЕ.

Прежніе, Фединька, и Федотка съ гудкомъ.

Фединька.

Вотъ я привелъ къ вамъ своего музыканта.

Маша.

Откудова ты, мальчикъ?

Федотка.

Изъ деревни Скудихи.

Лизанька.

Есть ли у тебя отец и мать?

Федотка.

Мачка померла, а бачка жив еще.

Анюта.

За чем же ты сюда пришел?

Федотка.

Виш ты, бачка хвор; работать никому; исть ницаго; так я брожу с гудком, да хлиб добываю.

Маша.

Ну ка с играй нам что нибудь.

Федотка.

Пожалуй изволь, боярышня; только я не горазно в ихтом смышлён; маракую да не много.

Фединька.

Играй, как умеешь! для нас ты довольно хорошо будешь играть. (*Федотка налаживает свой гудок, Анюта между тем подает Фединьке тарелку с остальным куском кренделя, которую он приняв держит в руках. Федотка пробует смычком, начинает играть и припевает*).

Парнишко я бидной,
Гудить не горазд;

Грошишко кто мидной
Мнѣ смилуясь дастъ,
Тому, мой гудоцыкъ,
Спасибо ты спой,
Што хлибца кусоцыкъ
Ӏонъ далъ намъ съ тобой.
Своимъ прибобудкомъ
Михей говоритъ:
Съ пустымъ де жолудкомъ
Струна не брянцитъ.

Фединька.

Ага бѣдняжка! видно ты голоденъ: на вотъ тебѣ кусокъ кренделя.

Федошка.

Нитъ, боярцынокъ: это самъ итъ. Мнѣка дай ломтикъ цорнова хлиба съ солью.

Фединька.

Возми, когда тебѣ даютъ. Чорной хлѣбъ я и самъ какъ и ты ѣсть умѣю.

Федошка.

Ну инъ спасибо! только я итова не стану топерь исть: отнесу бидному бачкѣ свому: ӏонъ обрадуется.

Маша.

Бѣдному отцу? жаль мнѣ, что я уже свой кусокъ съѣла!

Лизанька.

Для чего ты не пришелъ сюда не множко по ранѣе?

Анюта.

У меня еще половинка осталась. На! отдай и это отцу своему.

Федотка.

Ой нитъ, прикрасная боярышня! ишъ сама. Полно ему и одново итова полизать— веть ито не цорной хлибъ.

Анюта.

Съѣшъ самъ этотъ кусокъ.

Федотка.

Нитъ, нитъ; уже кали милость твоя такая, такъ я лущце возму оба съ собою; заверну въ платъ. (*ищетъ*). Ека парень! плащчишко свой забылъ въ жупанѣ. Кабы клоцокъ бумашки.—

Маша.

Постой, я тебѣ дамъ чистой платокъ. Между тѣмъ пусть крендель твой по лежитъ покамѣстъ на окнѣ.

Федотка.

Дильно, преузорочная, дильно; спасетъ тебя Богъ! ну топерь я гудить стану?

Фединька.

Съиграй-ко, съиграй намъ еще что нибудь.

Федотка.

Исть у меня заздравная писенка; яна не наша крестьянска, не такъ што бы оцень толковита; однако я всю знаю набумъ. Бачкѣ моему написалъ ее какой-то грамотей. *(играетъ на гудкѣ и припѣваетъ):*

Не въ нѣгѣ я родился,
Не въ роскоши я жилъ,
Работалъ и трудился,
И хладъ и зной сносилъ.
Терпя различны муки
Боролся я съ судьбой,
Мои суровы руки
Не знали что покой.

Я солнечнаго всходу
Ни разу не проспалъ,
Въ жестокую погоду
Укрыться не искалъ;
Но плугомъ раздирая
Утробу я землю,
То дрогнулъ промокая,
То весь горѣлъ въ пыли.

За разными трудами
Меня зрѣлъ солнца бѣгъ,
Здѣсь твердыми стѣнами
Одѣлъ я дикій брегъ;
Тамъ каменные домы
Воздвигнулъ для другихъ,
Чуть крышку изъ соломы
Имѣя для своихъ.

Земную жилу роя,
Въ пещерахъ погребенъ,
Я солнечнаго зноя
И свѣта былъ лишенъ;
Въ количествѣ премногомъ
Я злато находилъ,
Но въ рубищѣ убогомъ
Весь вѣкъ мой проводилъ.

Однакожъ въ это время,
Бывъ молодъ и здоровъ,
Не чувствовалъ я бремя
Сихъ тягостныхъ трудовъ;
Безъ всякаго излишку
Довольно собиралъ,
Кормилъ свою семьишку,
Пилъ, ѣлъ, и сладко спалъ.

Но младость промелькнула,

Ее ужъ больше нѣтъ;
Скорбь лютая согнула
Упругій мой хребетъ.
Мой одръ, гдѣ я стоная,
Убогъ, лежу и сиръ,
Злой смерти ожидая;
Сталъ нынѣ весь мой міръ!

(Дѣти слушаютъ со вниманіемъ, приходятъ постепенно въ жалость, подступаютъ къ нему ближе и утираютъ глаза свои наполненные слезами. Между тѣмъ Николаша прыгаетъ кругомъ, подбѣгаетъ къ тарелкѣ и съѣдаетъ на ней два куска кренделя).

Фединька. *(взявъ Федотку за руку.)*

Бѣдной малой! по этому ты весьма нещастливъ!

Маша.

Отецъ въ нищетѣ, при смерти, а сынъ еще такъ малъ: какое жалостное состояніе!

Федотка.

Нитъ, боярышня; я ужъ таки слава Богу великонекъ: смогу бродить. А какъ исть кусокъ хлиба, такъ мнѣ и полно, и бачку накормлю. Вотъ бида какъ хворость нападетъ: ну тогда Богъ подастъ. А витъ коли господь по душу пошлетъ, такъ и ницаго ненадыть, кромѣ ямы, а ямъ-то вездѣ много.

Маша.

Доброй малой! шакъ шы доволенъ своимъ состояніемъ?

Федошка.

Я не знаю, боярышня, што ты баешъ.

Маша.

Ты не шужишь о шомъ, чшо шы бѣденъ?

Федошка.

О цомъ шужишь? лишь бы бачкѣ Богъ далъ здоровья, а шо я и гадки не маю.—Што ищо што ли мнѣ погудишь?

Фединька.

Какъ вы думаеше? мнѣ кажешся довольно. Надобно ему дашь чшо нибудь. (*ищетъ у себя въ карманѣ денегъ*).

Лизанька.

Посшой, мы всѣ сложимся. Вошъ мои пяшь копѣекъ.

Анюша.

Вошъ и мои.

Маша.

Вошъ, Фединька, два пяшикопѣишника. Ты своего не давай.

Фединька.

Нѣшъ, эшова удовольсшвія я не хочу у

себя отнять. (*беретъ у всѣхъ деньги и отдаетъ ихъ Федоткѣ*).

Федошка.

Нитъ, штова много! куда мнѣ столько! ты, бояринъ, посулилъ мнѣ пять копѣекъ: съ меня и будитъ.

Фединька.

Возми, возми! мы тебѣ это охотно и съ радостію даемъ. Возми, не отговаривайся.

Федошка.

Ну коли такъ, заплати вамъ господи! (*къ Машѣ*) ты, боярышня, хотѣла мнѣ клоцокъ бумашки пожаловать.

Маша.

Ахъ! чуть было я не забыла.—(*вынимаетъ изъ комода бѣлый платокъ*) Вотъ тебѣ! онъ не множко тонокъ, однако можно въ него завернуть.

Федошка.

Нитъ, нитъ! куды мнѣ такой дорогой платъ? я ни смѣю взять.

Маша.

Возми небось, возми! матушка позволила мнѣ отдать ево кому хочу.

Федошка.

Ну инъ помилуетъ тебя Богъ, боярышня,

помилуетъ Богъ! (*идетъ къ окошку, взять крендель, и между тѣмъ кладетъ гудокъ свой на полъ*).

Маша.

Постой, я пособлю тебѣ завернуть.

Федотка. (*печально.*)

Да шутотка ницаго нить!

Маша.

Какъ? что это? Николаша, Николаша, вѣрно ты. —

Николаша. (*смутясь.*)

Да, я задумавшись съѣлъ — я забылъ, что это ему отдано было.

Маша.

О какой несносной баловень! фуй, братецъ, какъ это можно. —

Федотка.

Не бранись, прикрасная боярышня; ну какъ жо быть; мало ли цаго бываетъ; бида не велика—Нить ли у васъ свижаго яицка, я бы бидному бачкѣ своему отнесъ.

Фединька. (*съ великою досадою.*)

А я дуракъ еще за него просилъ!—сестрица голубушка—дай мнѣ въ займы. —

Маша. *(вынимает изъ кармана кошелекъ, что дѣлаютъ также Лизанька и Анюта)*

Я тожь самое думала. На тебѣ!

Лизанька.

На и мои. —

Анюта.

На еще и мои—*(каждая по грошу кладетъ Фединькѣ въ руку, которой все отдаетъ Федоткѣ)*.

Федотка.

Царь небесной! Царь небесной! О! што ужъ съ лихвой много!

Фединька. *(съ жалостнымъ сердцемъ протягивая ему руку.)*

Какъ бы я желалъ дать тебѣ нѣчто болѣе! но—я такой же сирота, и живу чужими благодѣяніями? — пятикопѣишникъ свой я тебѣ отдалъ.

Федотка.

И! творецъ мой милосердой!—и! бояринъ, доброй бояринъ! да на штожъ ты себя обижаешь? возми пятакъ свой назадъ.

Фединька.

Не печаль меня и—поди.

Федошка.

Господь пошли тобѣ! богъ надѣли тобя и здоровьемъ и живошомъ!

Николаша. *подумавъ нѣсколько.*

Постой, постой немножко! я пойду и принесу также ему что нибудь. (*сказавъ сіе бѣжитъ къ дверямъ, наступаетъ отъ не осторожности на гудокъ лежащій на полу, и его раздавливаетъ*). О какая бѣда! (*уходитъ испугавшись*).

Федошка. (*оглянувшись на гудокъ свой.*)

Охши мнѣ, пропалъ я бидный! гудокъ мой! гудокъ мой! охъ шшо со мною поприщцылось! (*дѣти изъявляютъ страхъ свой и печаль*) безшаланный я! все мое житье бытье! — цымъ топерь стану я кормить бачку? вись изломался! вись въ кусоцки! шшо мнѣ дилашь? ой! шшо мнѣ горюхи дилашь? (*плачетъ и рыдаетъ неутѣшно*).

Маша.

О какой безпутной шалунъ!—право—я незнаю—у меня ужъ ничего нѣтъ больше—развѣ—Фединька, брашецъ! —

Лизанька.

У меня есть еще два грошевика: на тебѣ!

Федошка. (*продолжая плакать.*)

Спасетъ Богъ, моя милосливая боярышня, хоша на шшо гудка и не купишь. — О бидной бачка мой! — ёнъ пятнапцать литъ на нёмъ гудилъ. —

Анюта.

На — все что у меня есть! (*высыпаетъ изъ кошелька, но въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ денежекъ и полушекъ*).

Маша. (*отошедъ къ мешечку, въ которомъ работа ея лежала.*)

Вотъ мой серебряной наперстокъ. Поди, бѣдной малой, продай его; я могу и мѣдной употреблять.

Techникa.

Постой, бѣдняжка! я хочу также тебѣ помочь. (*наклоняется, выстегиваетъ у себя серебрянныя пряжки и даетъ ему.*) У меня останутся еще томпаковыя. — За это дадутъ тебѣ рубли два или три. Покойница матушка мнѣ ихъ пожаловала. (*Маша подаетъ ему наперстокъ, а Фединька пряжки, но онъ не принимаетъ*):

Федошка.

Ника, ника, куды мнѣ съ этимъ! я ни смѣю:

ища бачка подумаетъ, што я утащилъ гдѣ нибудь, отъ цаво меня боже упаси!

Маша.

На, я тебѣ говорю, на, возми мой наперстокъ!

Growth.

На, возми мои пряжки—или я разсержусь—на, возми!

Маша.

Ежели ты не возмешь, то.—

Федошка.

Ну што мни правошко дилать?—о владыко царь мой!—да вить ишо, бояре, вамъ самимъ надыть, а вы мника отдаете?

Фединька.

Пожалуй не заботься: Богъ насъ за эту малость щедро наградитъ. Тебѣ и отцу твоему ѣсть нечево; я благодаря Бога сытъ, и у меня нѣтъ отца, котораго бы кормить надлежало.

Маша.

Поди, поди скоряе къ отцу своему.

Федошка.

Да возми хошь ты, боярышня, напирстокъ свой назадъ.

Маша.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Лизанька.

Приходи когда нибудь къ намъ, мы тебѣ также что нибудь подаримъ.

Анюта.

Да, да, приходи; а мы живемъ подлѣ самаго мосту.

Федотка.

Заплати вамъ господи, милосливые мои доброхоты! — Охъ! — только я низнаю какъ быть — кабы гудишко мой цѣлъ былъ — не взялъ бы я, нитъ, не взялъ бы ни зашто. —

Фединька.

Перестань хлопотать! поди, бѣдняжка, поди, покуда батюшка не пришелъ.

Федотка.

Вашъ бачка? — іонъ топерь сюда буде?

Маша.

Да, поди, поди!

Федотка. (*сквозь слезы*)

Охъ! — охъ! што дилать, надыть взять! — ну да какъ іонъ васъ за што бранить станетъ? — ау право, то-то добрые, то-то милосливые бояре! — (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Маша, Лизанька, Анюта, Фединька.

Лизанька.

Какъ мнѣ жаль вашихъ пряжекъ!

Анюта.

Мы у васъ перенимать станемъ. —

Фединька.

О нѣтъ! не у меня: я самъ это перенялъ у сестрицы.

Маша.

Ежелибъ я тебя не любила, братецъ, такъ бы я недостойна была имѣть у себя такова родственника. Ты своимъ примѣромъ сдѣлалъ меня гораздо лучшею, нежели я была до тѣхъ поръ, покудова ты не жилъ у насъ въ домѣ.

Фединька. (*зажимая ей рукою, ротъ.*)

Эй, Машинька! какъ тебѣ хочется меня стыдить?—однакожъ какъ намъ быть, сказать ли батюшкѣ о севоднишнихъ Николашиныхъ поступкахъ? онъ себя очень дурно велъ.

Маша.

Я право не знаю—мы ево опечалимъ—а! да вотъ и самъ онъ.—

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Прежніе, Златогоровъ, Федотка.

(дѣти нѣсколько смущенно сбираются всѣ въ кучку; Маша и Фединька смотрятъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ на маленькаго Федотку.)

Златогоровъ. *(къ двумъ гостьямъ.)*

Здравствуйте, мои дорогія! насилу вы къ моимъ дѣтямъ пріѣхали. Здоровъ ли вашъ батюшка и матушка?

Лизанька.

Слава Богу, сударь.

Анюта.

Они приказали вамъ кланяться.

Златогоровъ.

Этотъ мальчикъ на дорогѣ увязался за мною и нейдетъ отъ меня прочь. Я не знаю чево ему хочется. *(къ Федоткѣ)* Ну говори, малютка, что ты мнѣ такое лепеталъ?

Федотка. *(къ Машѣ и Фединькѣ.)*

Не погнѣвись на меня, мой милосливой боярцинокъ, и ты, моя милосливая боярышня, ради Христа не погнѣвитесь! не могу я итова гриха на душу принять, штобъ тайкомъ отъ вашева бачки што нибудь у васъ взять: я видаю, што дитя безъ спросу отца своего ницаво давать не можитъ.

Златогоровъ.

Что такое вы съ нимъ дѣлали?

Федотка.

Ницаво, цесной бояринъ, ницаво худова! все доброе! — итотъ боярцинокъ кликнулъ меня съ улицы, штобъ я на гудишкѣ своемъ посмыцалъ. Тутъ былъ другой боярцинокъ, не такой доброй какъ итотъ.—

Златогоровъ.

Онъ это про Николашу говоритъ?

Федотка.

Непогнѣвись, што я такъ баю: штожъ дилать, коли надыть сказать? я здика стою и гужу знатъ ты какъ смышлю: милосливыя дитки твои, вотъ итотъ боярцинокъ и боярышня, пожаловали мни колацика и платъ вотъто завернуть, да надавали мни такую куцу денегъ, што я и сметы не дамъ.

Златогоровъ.

Ну?

Федотка.

Ну тутъ пришолъ другой боярцинокъ не такои доброй какъ итотъ, и съилъ у меня калацъ, которой хотилъ было я снесть къ моему хворому бачкѣ: и то бы нитъ ницаво, да вишъ ты на биду гудишко мой лежалъ на

полу, а іонъ разбижался, да наступилъ на ево и раздавилъ въ кусоцки.

Злашогоровъ. *(къ Машѣ и Фединькѣ.)*

Правда ли это, дѣти? *(оба они потупляютъ глаза).*

Федошка.

Іонъ не нарокомъ ито сдилалъ: не сердись на ево. —

Злашогоровъ.

Тебѣ за гудокъ твой заплатятъ, мой другъ, не тужи! все ли ты сказалъ?

Федошка.

Нитъ ища, бояринъ, выслухай меня—я стою знать ты и горько плацу, какъ вотъ ити дѣтки твои—господь богъ помилуетъ ихъ—съ лихвой хотили вывесть меня изъ изъяна.—Прикрасная ита боярышня отдала мника свой сиребряной напирстокъ, а доброй итотъ боярцинокъ свои сиребряныя пряжки. Только я не хоцу взять ихъ, нитъ!—бачка мой подумаетъ ища, што я ихъ укралъ! я вслухался, што ты сюда идешъ, то и хотилъ тобѣ объ итомъ сказать: я видаю, што у робятъ своему быть нецаму, и безъ отца брать у нихъ не пригожо. Нитъ, владыко меня отъ итова сохрани! хотя бы гудишко мой и пропалъ—охъ! мой гудокъ! охъ! бидной бачка!

Златогоровъ.

Боже мой! — я не знаю — тебя ли мнѣ, или васъ, любезныя мои дѣти, обнять прежде? — но нѣтъ! тебя, безпорочная душа, тебя прежде! — подойди ближе, дай мнѣ прижать тебя къ моему сердцу! — въ совершенной бѣдности — въ крайней нищетѣ — и такъ честенъ! *(обнимаетъ его).*

Федошка.

Цаму дивитца, бояринъ? бачка мой цасто мнѣ баитъ „живи правдою, не завидуй цужому, и помни всегда эту прибабудку: тотъ не богатъ, у ково много палатъ; а тотъ не убогъ, ково любитъ Богъ.“ Вотъ кабы ты кормилецъ мой смиловался, да купилъ мнѣ другой гудишко, такъ бы и вся бида прошла. — На, возми назадъ напирстокъ свой и пряжки!

Златогоровъ.

Знаешь ли что мальчикъ? останься съ нами: ты вотъ этому боярчинку *(указывая на790 Фединьку)* служить будешь, а тамъ посмотримъ.

Федошка.

Итому кормильцу? — ты въ забылъ баешъ? — о! я радъ умереть съ нимъ! *(бѣжитъ съ великою радостію поцаловать руку у Фединьки, но*

вдругъ останавливается и говоритъ печально) а штожъ биднова бачку моего кормить станетъ? я буду здѣсь набивать брюхо, а iонъ одинъ голодной сидѣть будетъ? — нитъ ишо не дило!

Златогоровъ.

Предоброй малой! кто твой отецъ?

Федотка.

Хворинькой старицокъ; iонъ цуть живъ и ужъ не сможетъ бродить: я своимъ гудишкомъ хлибъ ему добываю, не въ доволь правда, ну да цаво иногда недобуду, такъ Богъ терпѣнье дастъ.

Златогоровъ.

Хорошо! я и отца твоего также пристрою; у меня не подалеку отсель въ деревнѣ выстроена для престарѣлыхъ и увѣчныхъ крестьянъ моихъ больница, гдѣ за ними смотрятъ и всякое попеченiе имѣютъ; я тамъ ему дамъ мѣстечко.

Федотка. *(съ радостнымъ крикомъ бѣгая въ чрезвычайномъ восторгѣ по горницѣ.)*

О царь мой небесный!—мать пресвятая Богородица!—бачка! бачка! я тобѣ радость принесу! —нитъ не смогу больше! серцо у меня

въ пазухѣ такъ и прыгаетъ!—пустите! побѣгу, побѣгу къ нему!—о сердешной мой бачка!—о—хъ! о!—*(уходитъ)*.

Златогоровъ. *(утираетъ себѣ глаза и у дѣтей текутъ слезы по лицу.)*

О любезныя дѣти мои! какой для насъ щасливой день! вамъ благодаренъ я за эту радость. *(садится)*. Подите ко мнѣ, дайте мнѣ себя обнять! *(всѣ бросаются къ нему и нѣсколько минутъ продолжается душеумилительное молчаніе)*. Ты, Фединька, *(положа на щеку къ нему свою руку, которую сей съ великимъ жаромъ цалуетъ)*. Ты отнынѣ будь сынъ мой, истинный мой сынъ! ты достоинъ въ сердцѣ моемъ имѣть одинакое мѣсто съ другимъ моимъ сыномъ: попеченія мои о тебѣ не будутъ ни въ чемъ различны отъ попеченій моихъ о немъ. *(обнимаетъ Фединьку, которой охвативъ его руками безмолвенъ виситъ у него на шеи)*.—О ежели бы Николаша мой таковъ былъ какъ ты!—да гдѣ этотъ шалунъ?

Маша.

Когда онъ по неосторожности наступилъ на гудокъ, то испугался и ушолъ отселѣ.

Лизанька.

Вотъ онъ!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Прежніе, Николаша.

(Николаша входитъ съ потупленными глазами, держа въ рукахъ кусокъ золотаго позументу; взглядываетъ изъ подлобья и видя другихъ дѣтей въ объятіяхъ отца своего, со стыдомъ останавливается).

Златогоровъ.

Что ты нейдешь ко мнѣ, Николаша?

Николаша.

Не могу—батюшка!

Златогоровъ.

Для чего?

Николаша.

Я недостоинъ такой любви отъ васъ, какую вы имѣете къ другимъ вашимъ дѣтямъ.

Златогоровъ.

Сердце твое тебя въ томъ уличаетъ? *(Николаша плачетъ)* поди ко мнѣ! я знаю все, что ты сдѣлалъ.

Николаша.

Нѣтъ—ежели бы все знали—вы бы не стали говорить со мною такъ милостиво. Накажите меня, батюшка! я заслуживаю быть наказанъ.

Златоговов.

За что?

Николаша. (*сначала не может от слез промолвить.*)

Я — во всем вам признаюсь. — Сперва вместо того, чтоб сидеть за переводом, я скакал все по горнице, и затем урока своего не мог докончить. — Фединька был так добр, что не желая отличить себя передо мною, изодрал для меня свой перевод. —

Златогоров. (*ласкает Фединьку.*)

Предоброе дитя!

Николаша.

Потом выпросил он мне у Ивана Карповича позволение остаться внизу, и отвечал за меня, что я конечно ничего худаго не сделаю. — Но лишь только сошли мы вниз, как я вспрыгнул на стул, упал с него и уронил сестрицу на пол.

Златогоров.

Этова я не слыхал!

Николаша.

Ах! это еще не все! после того пролил я чашку чаю на Анютино платье, и между тем как другие старались его вытирать, я

о томъ ни мало не заботился, и выпилъ всѣ сливки изъ молошника.

Златогоровъ.

Вѣтреность и скорость твоя не допустили тебя разсудить, что это не пристойно и дурно?

Николаша.

Да, батюшка сударь! — потомъ съѣлъ я крендель у бѣднова мальчика, и когда побѣжалъ отселѣ съ тѣмъ, чтобъ принесть ему также что нибудь, то наступилъ на ево гудокъ и раздавилъ.

Златогоровъ.

Что же ты въ сердцѣ своемъ чувствуешь обо всемъ этомъ здраво разсудя?

Николаша. (*всхлипывая.*)

А—ахъ!

Златогоровъ.

Я увѣренъ, что ты все это сдѣлалъ не нарочно и безъ умыслу; однакожъ отъ вѣтрености, отъ опрометчивости, отъ того, что ты никогда о дѣлахъ своихъ не размышляешь. Разсуди сколько ты досадилъ другимъ! и какая бы могла произойти изъ того бѣда, ежели бы твое щастіе, или паче милость божеская

тебя отъ оной не избавили? себя самого и сестру свою могъ ты убить; бѣдной мальчикъ и отецъ его хворый старикъ отъ тебя лишились бы своего пропитанія: отъ тебя!—подумай это, ты бы причиною былъ ихъ голода, можетъ быть ихъ смерти—ты, мой сынъ!— Дѣтская рѣзвость и не обузданность хотя не есть настоящій порокъ, однакожъ дурная, очень дурная привычка, отъ которой часто такоеже зло приключается, какъ и отъ самого порока. Ежели ты все таковъ будешь—

Николаша.

Нѣтъ, батюшка сударь, нѣтъ, я никогда таковъ не буду!

Златогоровъ.

Дай Богъ, чтобъ ты слово свое сдержалъ.— Да что это у тебя за позументъ въ рукахъ?

Николаша.

Я споролъ ево съ моей старой шляпы, и хотѣлъ отдать этому мальчику. Я по всему дому искалъ васъ батюшка, чтобъ вамъ объ этомъ сказать, но не могъ найти; а другова у меня ничего не было.

Златогоровъ.

Ну это не вина.—Пойдемте, любезныя

дѣти, къ матери вашей, и скажемъ ей какой севодни у насъ былъ праздникъ. Какъ я сожалѣю о тебѣ, Николаша, что сердце твое въ нашей радости не приметъ никакого участія!

———

ДѢВУШКА, ЛЮБИВШАЯ ТЮЛЬПАНЫ.

Одной осмилѣтней дѣвушкѣ нравилась чрезмѣрно въ саду отца ея гряда, усаженная тюльпанами.

Подобно пригожей бабочкѣ перелетывала она отъ одного цвѣтка къ другому и не могла довольно ими налюбоваться.

Между тѣмъ никогда не пеклась она о кореньяхъ сихъ цвѣтовъ.

Однажды пришла осенью въ садъ къ своему отцу въ то самое время, когда онъ всѣ тюльпаны велѣлъ поломать и осушенныя луковицы снова посадить въ землю.

Съ великимъ смущеніемъ и удивленіемъ смотрѣла она на работу отца своего.

Напослѣдокъ жалкимъ голосомъ сказала ему:

Ахъ, батюшка! что вы это такое сдѣлали?

За чемъ вы.... (*тутъ она прослезилась*), за чемъ вы всѣ прекрасныя тюльпаны поломали, и вмѣсто ихъ насадили такихъ негодныхъ луковицъ?

Отецъ отвѣчалъ ей, что она не знаетъ для чего это дѣлается, и хотѣлъ ей разтолковать, что сіи луковицы суть коренья, изъ

которыхъ въ будущую весну новыя тюльпаны выростутъ; однакожъ Аннушка (такъ называлось сіе дитя) повтореніями жалобъ своихъ не дала ему ни слова выговоритъ.

Отецъ видя, что она въ сіе время не въ состояніи была его выслушать, велѣлъ ей замолчать и идти домой.

Послѣ того, когда бывало зимою станутъ говорить о цвѣтахъ, то Аннушка всякой разъ вздохнетъ и сама про себя тихонько скажетъ: куда жаль что батюшка приказалъ испортить такую прекрасную гряду съ тюльпанами!

Пришла весна, выросли тюльпаны.

Аннушка не была еще въ саду; совѣтуютъ ей туда идти.

Долго не соглашалась она и говорила, что она съ тѣхъ поръ, какъ поломали тюльпаны, не находитъ въ саду никакова удовольствія.

Напослѣдокъ однакожъ пошла.

Какъ велико было ея удивленіе и радость, когда глазамъ ея вдругъ столько пушистыхъ тюльпановъ представилось!

Сперва въ радостномъ смущеніи стояла она неподвижно, потомъ бросилась въ объятія къ своему отцу и благодарила его,

что онъ велѣлъ вырыть луковицы и насадить опять тюльпановъ.

Отецъ увѣрялъ ее, что этова не было, но что тюльпаны выросли изъ тѣхъ самыхъ луковицъ, которыя она въ прошлую осень видѣла какъ ихъ садили.

Этова она не могла понять, покуда отецъ не показалъ ей того выдернувъ изъ земли одинъ тюльпанъ и съ луковицею.

Тогда Аннушка устыдясь стала у него просить прощенія въ томъ, что прошлую осень такъ безразсудно жаловалась на его поступки.

„Я тебѣ это охотно прощаю, душа моя, „сказалъ отецъ, видя, что ты теперь узнала, „какъ легко могутъ ошибаться дѣти, когда „они пересуждаютъ поступки возмужалыхъ „людей.

„Я надѣюсь, что сіе приключеніе сдѣ„лаетъ тебя такъ осторожною, что ты „впредь скорѣе въ собственномъ мнѣніи своемъ „усумнишься, нежели станешь хулишь дѣла „такихъ людей, которые и старѣе тебя и „искуснѣе.

Такъ, батюшка сударь, отвѣчала Аннушка, я впредь конечно такъ поступать буду, и ежели когда покушусь счесть себя разумнѣе

другихъ, то тотчасъ вспомню о тюльпанахъ.

Отецъ по прозьбѣ ея принужденъ былъ сдѣлать ей вѣеръ, на которомъ съ одной стороны нарисованы были разбросанныя тюльпанныя луковицы, а съ другой прекрасной пукетъ изъ тюльпановъ.

Даже предостерегаетъ она разговоры маленькой своей подружки, (съ симъ добрымъ намѣреніемъ, чтобъ то ей также къ исправленію служило), и когда та начнетъ о чемъ нибудь разсуждать скоро и не подумавши, то она тотчасъ покажетъ вѣеръ и пошепчетъ ей дружески на ушко: сестрица голубушка, а тюльпаны!

~~~~~~~
~~~~~~~

НИКОЛАШИНА ПОХВАЛА ЗИМНИМЪ УТѢХАМЪ.

Хотъ весною
И тепленько,
А зимою
Холодненько,
Но и въ стужѣ
Мнѣ не хуже:
Въ зимней холодъ
Всякой молодъ,
Всѣ игривы,
Всѣ шутливы:
Въ долгу ночку
Къ огонiочку
Всѣ сберутся,
Стары, малы,
Точатъ балы
И смѣются.
А какъ матки
Придутъ святки,
Тутъ-то грохотъ,
Игры, хохотъ;
О какiе
Тутъ дурные
На игрищи
Естъ личищи!

А плутишкамъ
Ребятишкамъ
Тамъ и нравно
Гдѣ забавно,
Гдѣ пирушки,
Гдѣ игрушки,
И гдѣ смѣхи,
Скачки, пляски,
Пѣсни, сказки,
Всѣ утѣхи.
А снѣжки-то?
Комъ свернися!
А коньки-то?
Стань, катися!
А салазки?—
Эй ребята!
По подвязки
Нада съ брата:
Привяжите:
Ну! везите:
Ѣдемъ въ Питеръ.
Я пусть кучеръ,
Вы лошадки
Рѣзвоноги —
Прочь съ дороги!
Держи право!
Ай ребятки!

Ну ужъ браво!
Накатались,
Наигрались,
Вплоть до ночки;
Не видали
Какъ часочки
Пролетали.
Тольколь дѣла
Что катайся?
Чѣмъ изволишь
Забавляйся:
Отъ ученья
За веселье,
Отъ веселья
За ученье.
Всяко время,
Мнѣ не бремя,
И зимою
Какъ весною,
Слава Богу,
Не скучаю,
Но вкушаю
Радость многу.

СОФЬЮШКА И МАТЬ ЕЯ.

Мать.

Для чего Аннушка пошла отъ тебя съ слезами прочь, а ты сидишь одна и такъ пасмурна?—что ты мнѣ не отвѣчаешь?

Софьюшка.

Ахъ! матушка, сударыня—

Мать.

Что такое? ты запинаешься? это не доброй знакъ.

Софьюшка.

Ей хотѣлось моей куклы—

Мать.

Ну!

Софьюшка.

А я не дала ей.

Мать.

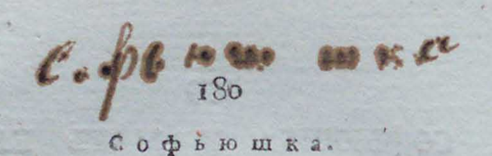
Не дала? да развѣ куклы съ тобою здѣсь не было?

Софьюшка.

Была.

Мать.

Или тебѣ самой играть хотѣлось?

Софьюшка.

Нѣтъ.

Машь.

Такъ развѣ Аннушка неосторожно поступаетъ съ куклами и ломаетъ ихъ?

Софьюшка.

Нѣтъ, я у нее недавно изломала куклу.

Машь.

Какаяжъ была причина, что ты не дала ей своей куклы?

Софьюшка.

Такъ—мнѣ не хотѣлось.

Машь.

Тебѣ не хотѣлось сдѣлать сестрѣ своей удовольствія? этова я отъ тебя никогда не ожидала.

(Софьюшка плачетъ.)

Машь.

Не плачь; слезами не поможешь. Скажи мнѣ лучше, какъ это было. Сперва прозьба ея тебѣ не понравилась, и ты хотѣла, чтобъ кукла твоя была при тебѣ; такъ ли?

Софьюшка.

Такъ, матушка.

Мать.

Ты не разсудила, что ты отказомъ своимъ сдѣлаешь сестрѣ неудовольствіе, такъ ли?

(Софьюшка плача.)

Такъ сударыня.

Мать.

Но ты видишь, что случается съ тѣми, которые не хотятъ другимъ дѣлать удовольствія. Она пошла отъ тебя и заплакала—ты осталась одна—веселоль тебѣ было?

(Софьюшка плача.)

Нѣтъ, матушка.

Мать.

Отъ чевожъ невесело? отъ тово ли, что ты сдѣлала хорошо; или отъ тово, что худо?

(Софьюшка плача.)

Отъ тово, что худо.

Мать.

Конечно такъ: хорошо сдѣлавши не льзя быть печальну, а худо сдѣлавши не льзя быть веселу. Давъ ей свою куклу ты бы сдѣлала ей удовольствіе; такъ ли по твоему?

Софьюшка.

Такъ сударыня.

Мать.

Помнишь какъ она радовалась вчера, когда ты уступила ей свои карты?

Софьюшка.

Помню, сударыня.

Мать.

Вить и тебѣ самой весело тогда было на нее смотрѣть?

Софьюшка.

Весело.

Мать.

А теперь весело ли тебѣ сидѣть здѣсь одной?

Софьюшка.

Ахъ, нѣтъ! сударыня.

Мать.

Ну такъ ты видишь, что всевозможнымъ образомъ должно стараться всякому дѣлать угожденіе. Помни впередъ, что когда тебя о чемъ просятъ, а ты могши то сдѣлать и не сдѣлаешь, такъ лишишься собственнаго своего удовольствія. Когда бы ты сестру свою утѣшила, то не сидѣла бы теперь потупя носъ одна въ углу.

УСЛУГИ СНИСКИВАЮТЪ ЛЮБОВЬ.

Услужливой Федюша пошелъ съ сосѣдомъ своимъ Васею искать цвѣтовъ. Оба они на дорогу съ собой взяли по пирожку.

Въ полѣ встрѣтилась съ ними бѣдная женщина, а за нею бѣжалъ мальчишко и плакалъ.

Ахъ, милое дитятко, сказала она Васѣ, пожалуй мальчишкѣ моему кусочикъ пирожка; онъ ужъ цѣлыя сутки ничего не ѣлъ.

Мнѣ самому ѣсть хочется, отвѣчалъ Вася, и отвернулся отъ нее.

Но что сдѣлалъ Федюша?.... Онъ хотя самъ былъ голоденъ, однакожъ видя мальчишку въ слезахъ отдалъ ему весь свой пирожокъ. Мальчишко самъ себя отъ радости не помнилъ, и мать стала за Федюшу Богу молить.

Потомъ мальчишко побѣжалъ и показалъ ему одно мѣсто, гдѣ много было цвѣтовъ. Федюша рвалъ, а мальчишко ему помогалъ.

И такъ Федюша возвратился домой съ большею вязью цвѣтовъ, а Вася съ маленькою.

На другое утро пошли они за тѣмъ же самымъ, и съ ними былъ еще третій мальчикъ, Митюша.

Какъ они отошли нѣсколько, то Митюша сказалъ: братцы! я потерялъ пряжку, пособите мнѣ ее сыскать.

Мнѣ недосугъ, отвѣчалъ Вася, и побѣжалъ далѣе. Федюша воротился назадъ и сталъ съ Митюшею искать пряжки.

Они скоро ее нашли, и потомъ также побѣжали за цвѣтками.

Митюша сколько ихъ ни нашелъ, подарилъ всѣ тому, кто пособилъ ему сыскать пряжку, а другому ничего не далъ.

Такимъ образомъ и въ этотъ день Федюшѣ больше досталось цвѣтовъ, нежели Васѣ; отъ того шелъ онъ весело домой, а тотъ пасмурно.

На третій день пошли они тудаже искать цвѣтковъ, но на дорогѣ встрѣтился съ ними тотъ мальчишко, которому Федюша отдалъ свой пирожокъ, и у него было много пригожинькихъ цвѣточковъ, которые всѣ подарилъ онъ Федюшѣ; ибо онъ нарочно для него ходилъ ихъ искать.

Вася хотѣлъ было также нарвать себѣ нѣсколько цвѣтковъ, но не нашелъ ни одного. потому что мальчишко уже всѣ ихъ сорвалъ,

И такъ у Васи въ этотъ день не было ни одного цвѣтка.

А какъ они возвращались домой, то встрѣтился съ ними маленькой Митюша.

„Любезный дружокъ! сказалъ онъ Фединь-

„кѣ, съ тѣхъ поръ, какъ ты помогъ мнѣ сыс-
„кать мою пряжку, я такъ тебя полюбилъ,
„что желалъ бы всегда съ тобою быть вмѣстѣ.

„Пойдемъ пожалуйста къ намъ, у насъ въ
„саду севодня будетъ много ребятишекъ и мы
„станемъ играть.

„И батюшка мой тебя очень полюбилъ;
„онъ велѣлъ мнѣ тебя позвать; онъ самъ хо-
„четъ севодня съ нами играть, и много новыхъ
„игоръ намъ покажетъ.

Фединька съ радостію побѣжалъ къ нему въ садъ; а Вася . . . . принужденъ былъ съ скукою остаться одинъ, потому что ево туда не звали.

Тутъ узналъ онъ, какъ хорошо быть ласковымъ и услужливымъ противъ каждаго! Онъ сталъ таковъ, и съ того времени также какъ и Фединька сдѣлался всѣми любимъ.

ШУТЪ И ИЗВОЩИКЪ.

Шутъ однажды шелъ черезъ поле.

На пути встрѣтился съ нимъ извощикъ, которой по весьма каменистой и негладкой дорогѣ лошадей своихъ такъ гналъ, что они принуждены были бѣжать во всю прыть.

Могу ли я, спросилъ онъ у шута проѣзжая мимо его, севодня къ вечеру поспѣть въ городъ?

Шутъ отвѣчалъ: ежели ты тише поѣдешь.

Этотъ человѣкъ конечно не въ своемъ умѣ, подумалъ извощикъ, и погналъ лошадей еще болѣе.

Къ вечеру шутъ возвращаяся по тойже дорогѣ назадъ, нашелъ этова извощика опять почти на томъже мѣстѣ и въ великихъ хлопотахъ.

Отъ того, что онъ по каменью гналъ, изломалось у него колесо.

И такъ онъ принужденъ былъ съ коляскою остаться на одномъ мѣстѣ и тутъ ночевать.

Не говорилъ ли я тебѣ, сказалъ шутъ, что надобно ѣхать тише, ежели хочешь поспѣть въ городъ? —

Этотъ же шутъ имѣлъ чудную привычку

смѣяться, когда идетъ на гору, и плакать, когда съ горы на другую сторону спускается.

Для чего бы онъ это дѣлалъ?

Когда я на гору всхожу, сказывалъ онъ, то помышляю о пріятной долинѣ, въ которую съ другой стороны горы спускаться буду, и заранѣе тѣмъ увеселяюсь.

А когда на низъ схожу, то думаю, что, скоро другая гора на пути мнѣ встрѣтится, и напередъ представляю себѣ трудъ, которой буду я имѣть всходя на оную. Не худо было бы, примолвливалъ онъ къ тому всегда, естьлибъ всѣ люди во время щастія и нещастія своей жизни тожъ дѣлали: меньше бы они въ щастіи были горды, а въ нещастіи малодушны.

ВЕСНА.

Полно, полно пряшать носъ:
Теплый дышетъ вѣтерокъ,
Минулъ холодъ и морозъ,
Распускаетси листокъ:

Таютъ снѣги на горахъ,
Рѣчки быстрыя текутъ,
Травки и цвѣтки въ лугахъ
Зеленѣяся растутъ.

Вьется ласточка кругомъ,
И, какъ въ морѣ корабли,
Долгимъ тянутся гужомъ
Длинноноги журавли.

Слышенъ птичекъ звонкій гласъ,
Веселится взоръ и грудь:
Всякой день и всякой часъ
Вновь увидишь что нибудь.

Тамъ раскинулся пучокъ,
Тамъ соловушка запѣлъ,
Тамъ явился червячокъ,
Тамъ листочикъ защумѣлъ.

Изъ простой травинки тамъ
Незабудка стала вдругъ,
Зелень зрится по кустамъ,
Испещренъ цвѣтами лугъ.

Затрубилъ пастухъ въ рожокъ,
Заблеялъ барашикъ мой,
Скачетъ прямо на лужокъ:
Ахъ какъ весело весной!

МОЛОДОЙ БЫКЪ ЛГУНЪ.

Одинъ молодой быкъ имѣлъ дурную привычку всегда лгать.

Когда онъ съ большими быками на паствѣ былъ, то находилъ глупое удовольствіе въ томъ, чтобъ ихъ пугать и надъ ними смѣяться.

Онъ прятался иногда за кусты и вылъ по волчьи.

Старые быки услышавъ вой прибѣгали тотчасъ туда, чтобъ не допустить волка поймать котораго нибудь изъ молодыхъ быковъ.

Однако на томъ мѣстѣ, гдѣ слышанъ былъ вой, ни ково они не находили, кромѣ этова молодова быка лгуна, которой всегда въ сіе время притворялся, будто онъ спитъ.

Они скоро примѣтили, что это онъ проказничаетъ, и не стали ему съ тѣхъ поръ ни въ чемъ вѣрить.

Въ одинъ вечеръ этотъ молодой быкъ лгунъ, поудалившись нѣсколько отъ нихъ, нечаянно увидѣлъ настоящаго волка, которой изъ закустовъ выскочилъ.

Онъ не могши отъ него ни уйти, ни обороняться, поднялъ ужасное рычанье.

Му! му! му! рычалъ онъ; то есть: помогите, помогите, волкъ!

Однакожъ изъ старыхъ быковъ ни одинъ не разсудилъ за благо къ нему бѣжать, думая, что онъ ихъ опять обманываетъ.

Тогда голодной волкъ напалъ на него, ухватилъ за горло и началъ его жрать.

Ахъ! умирая сказалъ онъ со вздохомъ, какъ худо бываетъ тѣмъ, которые обманываютъ другихъ!

ФЕДЮША,

Которой хочетъ быть Княземъ.

Федюша говорилъ всегда: я хочу быть Княземъ.

Для чего? спрашивалъ у него отецъ.

Тогда всѣ люди станутъ мнѣ давать деньги, отвѣтствовалъ онъ, и должны будутъ исполнять мою волю.

Въ одно время идучи по улицѣ случилось Федюшѣ увидѣть, что двухъ разбойниковъ вѣшаютъ. Сіи нещастные привели его въ жалость и онъ спросилъ у своего дядьки:

За что ихъ умерщвляютъ? гдѣ Князь? и для чего онъ сіе терпитъ?

Сказали ему, что доброй Князь не только сіе терпѣть, но и повелѣвать долженъ.

Для чего это? спросилъ Федюша.

Для того, отвѣчали ему, что подданные его не будутъ безопасны отъ разбойниковъ, ежели сихъ не станутъ наказывать.

Онъ это понялъ.

Послѣ сего не слышно было, чтобъ онъ когда нибудь пожелалъ быть Княземъ; а говорилъ всегда, что онъ купцомъ быть хочетъ.

Для чегожъ не Княземъ? спросилъ у него отецъ.

Нѣтъ, отвѣчалъ Федюша, неравно опять придутъ разбойники, и мнѣ надобно будетъ приказать ихъ повѣсить, этова я не могу!

Такъ, моя душинька! сказалъ отецъ, чѣмъ выше степень, тѣмъ труднѣе должности.

Кто благоразуменъ, тотъ дѣлаетъ какъ ты теперь; не тщится быть большимъ человѣкомъ, для того, что съ великими достоинствами сопряжены всегда великіе труды и попеченія.

Сему научиться можно изъ басенки: Оселъ и Верблюдъ. (см. выше, стран, 79).

ХУДЫЯ СЛѢДСТВІЯ НЕОПРЯТНОСТИ.

Тимоша былъ изрядной мальчикъ; учился прилѣжно и слушался своихъ родителей.

Да только имѣлъ тотъ одинъ за собою порокъ, что не бережливъ былъ на платье и ходилъ всегда неопрятно.

Иногда у него руки грязны, иногда ногти не острижены, иногда лице замарано, иногда рубашка чорная, иногда чулки опустились, иногда кафтанъ засусленъ либо изодранъ.

Самыя прекрасныя вещицы, которыми отецъ и мать его дарили, въ рукахъ его не долго были прекрасны: онъ ихъ либо запачкаетъ, либо изломаетъ, либо потеряетъ.

Хотя ему и очень чувствительно было слышать, когда бывало его за то осуждали, такъ что онъ нерѣдко отъ того плакалъ, однако такую уже сдѣлалъ къ сей лѣности и нераденію привычку, что всегда въ тотъ же порокъ опять впадалъ.

Въ одинъ день бѣгалъ онъ съ братцами и сестрицами своими по саду и потерялъ пряжку.

Лѣнь ему было подумать хорошенько, не вспомнитъ ли гдѣ это случилось, и пойти туда поискать; а между тѣмъ безъ пряжки бѣгать неловко, башмакъ сваливается.

И такъ сталъ онъ просить пряжекъ у братца своего Николаши, которой былъ въ сапогахъ.

Услужливой Николаша позволилъ ему взять свои пряжки, и сказалъ гдѣ онѣ лежатъ.

Тимоша побѣжалъ скорѣе домой, схватилъ Николашины пряжки, застегнулъ ихъ кое какъ на скорую руку, спѣша обратно въ садъ, и черезъ часъ мѣста и тѣ опять потерялъ.

Какъ быть? гдѣ взять пряжки? на другой день отецъ его узналъ объ этомъ и сказалъ ему: ну Тимоша! я тебѣ много разъ говорилъ, не будь такой рохля.

Вотъ ты не только свои, да и братнины пряжки потерялъ. Когда ты вещей своихъ беречь не хочешь, такъ будь безъ нихъ. Безъ пряжекъ выходить не льзя: и такъ сиди дома.

Тимоша заплакалъ.

Другъ мой, сказалъ отецъ, самъ ты слезъ своихъ причиною. Мнѣ очень жаль тебя, да нечего дѣлать: купить тебѣ пряжки, это бы было пріучать тебя къ тому пороку, за которой я давно уже тебя осуждаю, и отъ котораго, ежели бы тебя кто отъучить могъ, я бы тому тысячу пряжекъ дать не пожалѣлъ.

Батюшка сударь, сказалъ въ слезахъ Тимоша, я знаю, что я виноватъ, очень виноватъ, и буду конечно стараться исправить себя; но коли вы не простите меня, и не пожалуете мнѣ пряжекъ, такъ я цѣлое лѣто долженъ буду не выходить изъ горницы.

Я тебя охотно прощаю, сказалъ отецъ, да только не могу тебѣ помочь. Ты самъ на себя навлекъ эту великую бѣду, то и долженъ самъ себя отъ ней избавлять.

Ахъ, батюшка сударь! да какъ могу я это сдѣлать?

Я радъ вмѣстѣ съ тобою думать о способѣ, сказалъ отецъ. Мнѣ помнится — да! врядъ можно ли найти лучше этова способа, мнѣ помнится, мать твоя выучила тебя вязать снурки: ежели ты ихъ столько навяжешь, что продавъ можешь за эти деньги купишь себѣ пряжки, тогда надѣнешь ихъ и свободенъ будешь выходить изъ дому.

Какъ ни тяжко было для Тимоши сидѣть дома и вязать снурки въ то время, когда другія дѣти гуляютъ, и хотя этова не могъ онъ сдѣлать скоро, однакожъ радъ былъ, что покрайней мѣрѣ имѣетъ надежду когда нибудь побывать опять въ саду.

Онъ трудился весьма прилѣжно надъ снур-

ками, и не одинъ разъ далъ себѣ вѣрное слово впредь быть осторожнѣе и опрятнѣе.

И дѣйствительно нѣсколько времени послѣ того былъ таковъ; но пряжки были уже куплены, горе прошло, старая привычка беретъ всегда силу надъ тѣми людьми, которые ей хоть чуть уступаютъ, забывая сколько отъ ней пострадали; Тимоша рѣдко приводилъ себѣ это на память, и такъ опустился опять по прежнему.

Между тѣмъ батюшка его, матушка, братцы, сестрицы, и еще два сосѣда ихъ съ своими семьями, собирались ѣхать къ одному пріятелю своему, которой жилъ отъ нихъ верстахъ въ пятидесяти.

Давно уже сговаривались они ѣхать къ нему въ гости, но все какъ-то не удавалось.

Поѣздка эта обѣщевала много пріятности и веселія, а особливо для дѣтей.

Во первыхъ это было въ самую лучшую лѣтнюю пору, когда уже многія ягоды поспѣли; во вторыхъ для лучшаго удовольствія положено было ѣхать рѣкою на большемъ суднѣ; въ третьихъ дѣтей было такое множество вмѣстѣ и всѣ между собою дружны; наконецъ въ четвертыхъ господинъ этотъ, къ которому ѣхали, былъ человѣкъ также семьенистой, жилъ на прекрасномъ мѣстѣ

и имѣлъ у себя большой садъ, гдѣ было множество всякаго рода ягодъ, и сверхъ того еще пруды, качели, бесѣдки, рощицы и разныя увеселительныя мѣстечки.

И такъ для дѣтей это былъ большой праздникъ: онѣ очень обрадовались, какъ услышали, что день къ отъѣзду уже назначенъ.

А больше всѣхъ радовался Тимоша, которой друженъ былъ съ дѣтьми этова господина, и которому очень хотѣлось туда ѣхать.

День насталъ; всѣ собрались; пришли сказать, что судно у берегу стоитъ готово: послали за дѣтьми, онѣ всѣ прибѣжали прыгая отъ радости, въ томъ числѣ и Тимоша.

Но какое нещастіе! всѣ дѣти одѣты были порядочно, кромѣ Тимоши, у котораго камзолъ былъ залитъ чернилами, чулки съ дирами, шляпа вся въ салѣ, кафтанъ измаранъ, продранъ и пуговицы на немъ многія оторвались, а другія чуть висѣли.

Отецъ и мать увидя его покраснѣли отъ стыда. Отецъ взялъ его за руку, подвелъ къ большому зеркалу и сказалъ: посмотри на себя, Тимоша, похожъ ли ты на господскаго сына? не всякой ли взглянувъ на тебя поду-

маетъ, что ты поваровъ сынъ, и что должность твоя чистить на кухнѣ кострюли?

Надобно о тебѣ всякому сказывать, что ты сынъ мой: безъ того не повѣрятъ; да притомъ еще и то къ стыду моему долженъ я воображать, что всякой обо мнѣ подумаетъ: вотъ какой отецъ! какъ худо смотритъ онъ за своими дѣтьми!

Жаль мнѣ тебя; но съ собою взять не льзя: ты долженъ остаться дома.

Можно себѣ представить, каково было Тимошѣ услышать сіи слова: онъ весь поблѣднѣлъ, и минуту спустя залился горькими слезами.

Всѣ надъ нимъ сжалились; отецъ, сколь ни считалъ нужнымъ и полезнымъ для него такое наказаніе, однакожъ, видя жестокую печаль его и раскаяніе, хотѣлъ перемѣнить свое слово и взять его съ собою, дождавшись покуда онъ переодѣнется.

Но по нещастію хотя и можно было перемѣнить чулки, однако шляпа такъ была замарана, что трудно было ее вычистить; да притомъ хотя и было у него два кафтана, но другой отданъ былъ портному, которой не успѣлъ еще починить его, для того

что онъ также очень былъ засусленъ и изодранъ.

И такъ ни какимъ образомъ не льзя было Тимошу взять съ собою.

Всѣ поѣхали, а онъ одинъ остался дома.

Трудно изобразить скуку его и горесть, какую чувствовалъ онъ во все то время, покуда поѣздка эта продолжалась: какъ ни прекрасна была погода, онъ ни разу не вышелъ изъ горницы, и даже не подходилъ къ окошку.

Печаль его долго и тогда не прошла, когда уже всѣ возвратились, для того что дѣти безпрестанно между собою разговаривали и воспоминали тѣ веселости, которыя онѣ тамъ имѣли, и всегда твердили: ахъ! какъ жаль, Тимоша, что тебя съ нами не было: что это за садъ! что за веселіе!

Случай этотъ и долговременная печаль Тимошина послужили однакожъ ему въ пользу. Испытавъ худыя слѣдствія неопрятности, онъ принялъ твердое намѣреніе всегда себя осматривать, и мало по малу такъ пріучился къ чистотѣ, что уже никому въ томъ не уступалъ.

Сперва ему нѣсколько трудно было къ тому привыкать; онъ часто забывался, однакожъ вскорѣ приводилъ себѣ на память какъ

скучное вязаніе снурковъ, такъ и пріятную для другихъ, а не для него, поѣздку въ гости; и чтобъ чаще напоминать себѣ о томъ, что вытвердилъ онъ слѣдующую пѣсню, которую бывало всегда пѣвалъ:

Дѣти, дѣти! неотмѣнно
Должно чисту быть всегда;
И каменье драгоцѣнно,
Естьли пылію покрыто,
Естьли грязи въ немъ набито,
Не годится никуда.

Чистота имѣетъ свойство
Въ насъ раждать веселый нравъ;
Легкость, здравіе, проворство,
Ловкость, вѣжливость вселяетъ;
Вялость, грубость отнимаетъ,
Тьму приноситъ намъ забавъ.

На источникъ вы взгляните
И съ болотною водой
Воду чистую сравните:
Та подъ тиной въ ямѣ плачетъ,
А сія бѣлѣясь скачетъ
По каменьямъ съ быстриной.

МОЖНО ИСПРАВИТЬСЯ, КОГДА ТВЕРДО ТОГО ЗАХОЧЕШЬ.

Вамъ, дѣти, впадшія по нещастію въ какую либо худую привычку, вамъ во утѣшеніе скажу я нѣчто, изъ чего бы вы увидѣли, что всякой порокъ исправить можно, когда только твердо того захочешь.

Маша, премилая дѣвочка, до шести лѣтъ возраста своего была утѣхою своихъ родителей.

Потомъ, не знаю какимъ образомъ, заняла она негодныя повадки, приличныя только тѣмъ собакамъ, которыхъ называемъ мы злыми и сердитыми.

Когда бывало услышитъ она, что ея за дурныя поступки не хвалятъ, то всегда надувала губы. А когда кто нибудь возметъ нѣчто изъ ея вещей, то она бросалась на того съ такою злостію, что рада была его укусить.

Естьли прикажутъ ей сдѣлать, чего она не хочетъ, или откажутъ въ томъ, чево ей хочется; то она или заворчитъ нахмурившись, или идучи съ сердцемъ изъ горницы хлопнетъ изо всей силы дверью.

Съ тѣхъ поръ отцу своему и матери наводила она великую печаль, и не было ни одного человѣка въ домѣ, которой бы ее любилъ.

Хотя часто приходила она въ раскаяніе, и сдѣлавши худо иногда горько о томъ плакала, однакожъ впередъ отъ того не воздерживалась.

Въ одинъ вечеръ (это было въ святки) вбѣжала она за матерью, которая въ покрытой корзинкѣ принесла нѣчто, въ другую комнату.

Мать не хотя, чтобъ она тутъ была, велѣла ей выдти вонъ: тутъ-то насупилась она и хлопнула дверью такъ сильно, что окна задрожали.

Спустя полчаса мать кликнула ее къ себѣ. Какъ удивилася она, когда вошедъ увидѣла, что вся комната освѣщена была, а по срединѣ стоялъ покрытой столъ и на немъ множество разныхъ игрушекъ лежало! Она не могла выговорить ни слова.

Подойди ближе, Маша! сказала мать, и прочитай вотъ эту бумажку, для ково все это сдѣлано.

Маша подошла и развернувъ бумажку, которая поверьхъ игрушекъ лежала, нашла въ ней сіи слова: *тихому дитяти въ награжденіе за его послушаніе.*—Она тотчасъ потупила глаза и не сказала ни слова.

Ну, Маша! спросила машь, для ковожъ эшо? — Не для меня, ошвѣчала Маша, и слезы навернулись у нее на глазахъ.

Вошъ здѣсь другая бумажка, сказала машь, посмошримъ, шушъ не о шебѣ ли сказано.

Маша прочишала: *упрямому и непослушному дитяти, которое признается въ своемъ порокѣ и захочетъ исправиться* — Эшо я, эшо я! вскричала она и бросилась съ горькими слезами къ машери своей на шею. Машь ея шакже заплакала и ошъ печали, чшо видѣла дочь свою къ худомъ поведеніи, и ошъ радосши, чшо привела ее къ раскаянію.

Ну шакъ возьми ихъ себѣ, когда они шврои, сказала она помолчавъ нѣсколько, и дай Богъ, чшобъ шы сдержала шврое шеперешнее обѣщаніе.

Нѣшъ машушка, ошвѣчала Маша, я не хочу ихъ прежде взяшь, покудова не буду шакова, какъ въ бумажкѣ написано. Возьмише вы ихъ къ себѣ, и шогда мнѣ пожалуйше, когда я подлинно шаковою сдѣлаюсь.

Сей ошвѣшъ весьма обрадовалъ машь; она убрала всѣ игрушки въ сундучокъ, и ошдавая ошъ него дочери ключъ, сказала: на, Машинька, держи ево у себя, и когда шы сама въ себѣ почувсшвуешь, чшо шы ничево худова

не дѣлаешь, то бери себѣ игрушекъ сколько хочешь.

Шесть недѣль прошло, какъ Маша ни одново проступка не сдѣлала, и вела себя весьма порядочно.

Послѣ того въ одинъ день приласкалась она къ матери и печальнымъ голоскомъ у нее спросила, можетъ ли она теперь взять нѣсколько игрушекъ.—Возьми, душа моя! сказала мать съ умиленіемъ и поцѣловала ее. Но скажи мнѣ, какимъ образомъ отстала ты отъ своихъ дурныхъ привычекъ?

Я всегда ихъ имѣла въ памяти, отвѣчала Маша, и всякое утро и вечеръ молилась Богу, чтобъ онъ помогъ мнѣ отъ нихъ отстать. Такимъ образомъ въ короткое время они мнѣ омерзѣли.

Мать пролила радостныя слезы, Маша получила назначенныя ей игрушки, и всѣ въ домѣ стали ее любить.

И такъ твердое намѣреніе и молитва могутъ и дѣтей избавлять отъ пороковъ.

Мать расказывала однажды сію щастливую перемѣну при нѣкоторой дѣвушкѣ, которая такимъже подвержена была порокамъ.

Она такъ этимъ была тронута, что

вознамѣрилась тотчасъ послѣдовать Машинькину примѣру, чтобъ столько же какъ она сдѣлаться любви достойною.

И сіе ей также удалось. — И такъ Маша не только сама исправилась и стала щастлива, но сдѣлала то, что и другія дѣти глядя на нее исправлялися.

Какоежъ дитя захочетъ самого себя и другихъ лишить себя радости?

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСЕНКА,

Которую поетъ мать качая маленькую свою дочку.

Спи малютка почивай,
Глазъ своихъ не открывай,
Во младенчествѣ своемъ
Ты не знаешь ни о чемъ:
Ни зелены что луга,
Ни песчаны что брега,
Ни что птички на кустахъ,
Ни что солнце въ небесахъ.

Время нынѣ почивать;
А какъ станешь выростать,
Мы пойдемъ среди луговъ,
Мы нарвемъ себѣ цвѣтовъ;
И въ пріятный лѣтній часъ,
Слыша птичекъ нѣжный гласъ,
Я къ груди тебя прижму,
Сладко, сладко воздохну.

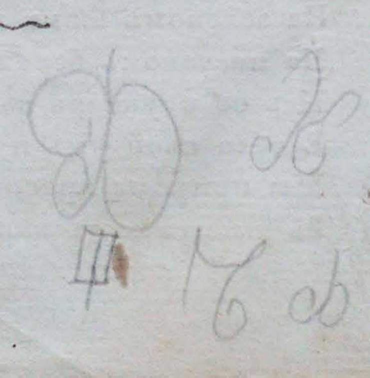
На зеленомъ тамъ лужку,
На песчаномъ бережку,
Иль съ крутыхъ высокихъ горъ,
Веселя свой умъ и взоръ
Мы природы красотой,
Въ умиленіи съ тобой,

Всей душей благодаря,
Воспоем небесъ Царя.

Ты теперь еще мала,
Равнодушна для всего;
Какъ дочь матери мила,
Ты не вѣдаешь того.
И тебѣ и мнѣ покой
Нуженъ намъ одинъ съ тобой,
Но тебѣ лишь для себя,
Мнѣжъ, мой свѣтъ, лишь для тебя.

Стану, стану ожидать
Съ нетерпѣніемъ тѣхъ лѣтъ,
Когда можешь ты узнать,
Что миляй тебя мнѣ нѣтъ:
Выростай, мое дитя,
Будто розачка цвѣтя,
И во мзду мово труда
Будь утѣхой мнѣ всегда.

НАДЛЕЖИТЪ БЫТЬ ДОВОЛЬНУ ВСЕМЪ ТѢМЪ, ЧТО УСТАВИЛА ПРИРОДА.

Ахъ! для чего такъ жарко! говорила Аннушка матери своей, утирая потъ съ разгорѣвшагося лица — (день тогда былъ весьма знойной). Я насилу могу дышать. —

„Для чего такъ жарко, душа моя, объ этомъ я тебѣ черезъ нѣсколько недѣль скажу лучше, нежели теперь, отвѣчала мать; а теперь только то напомню, что Богу такъ угодно, чтобъ было жарко, и что этотъ милосердой отецъ ничего не дѣлаетъ, что бы не клонилось къ нашей пользѣ.

Аннушка замолчала и повѣрила своей матери, потому что она ей всегда правду говорила.

Она старалась терпѣливо сносить жаръ, которой послѣ того еще нѣсколько времени продолжался.

Прошелъ мѣсяцъ Августъ, перестало быть жарко.

Прохладные вѣтерки и умѣренная теплота воздуха вызывали всякой день Аннушку въ садъ прогуливаться.

Всякой овощъ уже поспѣлъ и начиналась жатва.

Аннушка удивлялась приманчивому наливу яблоковъ, грушъ и персиковъ: ничто не превосходило сладости ихъ вкуса, и самый медъ былъ для нея не слаще.

„Ахъ, матушка! какіе плоды Богъ намъ пожаловалъ! какой онъ милостивой! какъ насъ любитъ! —„

Такъ, душа моя, сказала мать! а помнишь ли ты оногдась чуть было на него не подосадовала за то, что онъ намъ ихъ даруетъ.

Знай, что самый тотъ жаръ, на которой ты роптала, далъ пріятной румянецъ и сладкой вкусъ плодамъ.

И такъ научись, душа моя, быть довольною всемъ тѣмъ, что Богъ ни дѣлаетъ; ибо рано ли поздо ли, всегда ты узнаешь, что онъ это сдѣлалъ хорошо.

ибо рано ли поздно ли всегда
ты узнаешь что онъ
[illegible] вкусъ плодамъ
[illegible] научись [illegible]

ВАРИНЬКА и НИКОЛАША.

Николаша. *(прибѣжавъ къ Варинькѣ, которая сидѣла въ саду въ бесѣдкѣ).*

О чемъ ты такъ грустишь, Варинька? — все на свѣтѣ такъ хорошо! — У меня нѣтъ никакой печали, меня все веселитъ. — Батюшка и матушка насъ любятъ, игрушекъ у насъ много. —

Варинька.

Ахъ, братецъ! и ты станешь тужить, какъ услышишь. Вить всѣ мои любезныя игрушечки изломались! и восковая куколка упала; вонъ и рука ее отшибена лежитъ: какъ мнѣ не грустить!

Николаша.

Жаль мнѣ тебя, сестрица! — Да не все же объ этомъ сокрушаться. Пойдемъ со мною, я тебя развеселю; скажу тебѣ про свою охоту: теперь лишь шолъ я здѣсь по саду и вдругъ увидѣлъ — о какъ мнѣ было любо! — увидѣлъ бабочку. Ну ужъ бабочка! какая пестринькая, пригожинькая! ахъ сестрица! ты бы на нее загдядѣласъ. И какъ она летала? то кверьху подымется, то внизъ опустится, то на кусточкѣ сядетъ, то ко цвѣтку

прильнетъ; вонъ и на этой розочкѣ она сидѣла. Побѣжимъ туда, сестрица!

ВАРИНЬКА.

Побѣжимъ, братецъ. Постой:—Вонъ это не она ли сидитъ на гвоздичкѣ?

НИКОЛАША.

Она, она. Тихонько! Теперь уже ей отъ насъ не улетѣть. Постой ты тутъ, а я подкрадусь—Поймалъ! поймалъ, сестрица!

ВАРИНЬКА.

Покажи. Ахъ какая пригожинькая! она мнѣ милѣе моей куклы.

НИКОЛАША.

Посадимъ ее у тебя въ горницѣ, сдѣлаемъ ей изъ зеленыхъ листковъ постельку, и станемъ ее кормить ясминцами. На, сестрица, возьми ее себѣ.

ВАРИНЬКА.

О любо!

НИКОЛАША.

Видишь, что печаль и скука не долго продолжаются; Богъ сердце наше сотворилъ на радость.

КОШКА, МЫШЬ и МЫШОНОКЪ.

Кошка (*къ мышонку*).

Какой, о мышка, ты премиленькой звѣрочикъ!
Не льзя увидѣвши тебя не полюбить.
Поди ко мнѣ, мой другъ, приближся на часочикъ.

Мышь.

Дитя! я не совѣтую тебѣ ходить.

Кошка.

Пожалуй подойди. Я для твоей утѣхи,
Смотри, вотъ эти всѣ отдамъ тебѣ орѣхи.

Мышонокъ.

Какъ можно отъ такой мнѣ ласки отрещись?
Пойду я, матушка . . . .

Мышь.

Дитя, поберегись!

Кошка.

Вотъ сахаръ; я тебя сластями позабавлю,
И блюдо цѣлое конфетъ тебѣ поставлю.

Мышонокъ.

Вели мнѣ, матушка, на часъ сходить туда.

Мышь.

Пожалуй не ходи!

Мышонокъ.

Да что въ томъ за бѣда?

Кошка.

Подь, дурочка, не бось!

Мышонокъ.

Иду . . . ахъ пропадаю!
Она душитъ меня! . . . ой больно! . . умираю!

Мышь.

Ужъ поздо! по дѣламъ мученіе неси,
Совѣта не принявъ спасенья не проси.

ДИТЯ и НЯНЯ.

(Сперва одно дитя къ своей куклѣ.)

Такъ, сударыня! вы не хотите меня слушаться? не хотите голову держать прямо? доброжь! я на васъ осержусь, еще больше осержусь, нежели вчера осердилась на меня моя няня за то, что я ударила собачку.

Няня *(вошедъ и услыша ея послѣднія слова.)*

Нѣчто ты сердита, душа моя; не досадила ли тебѣ твоя кукла?

Дитя.

Да! она не хочетъ голову держать прямо.

Няня.

Какая упрямица! но ты что то ей говорила, какъ я сюда вошла?

Дитя.

Я . . . да . . . . а развѣ вы слышали, что я говорила?

Няня.

Положимъ я не слыхала, и прошу тебя пересказать мнѣ твои слова: не ужъ ли ты ихъ отъ меня потаишь?

Дитя.

Ахъ нѣтъ! я бы тогда сдѣлала очень худо: добрыя дѣти не должны ничего утаивать отъ своихъ родителей и нянюшекъ.

Няня.

Такъ, душинька! поди поцалуй меня и потомъ раскажи, что ты куклѣ своей говорила.

Дитя.

Она не хотѣла голову держать прямо, такъ я сказала ей, что естьли она меня не послушается, то я на нее еще больше осержусь, нежели вчера осердилась на меня моя няня за то, что я ударила собачку.

Няня.

Такъ ты думаешь, что я была на тебя сердита?

Дитя.

Вы мнѣ противъ обыкновеннаго показались очень невеселы, и потому я подумала, что вы на меня гнѣваетесь.

Няня.

Я не гнѣвалась, мой другъ, но была опечалена; мнѣ было непріятно видѣть въ тебѣ такое жестокосердіе, что ты не перестаешь бить бѣдную собачку, и сверьхъ того я опасалась, чтобъ она тебя не укусила. Для того я стала тебя увѣщавать; но видя тебя

непослушною, подумала, что ты сдѣлалась упряма, и это привело меня въ такую печаль, что я чуть было не заплакала. А ты между тѣмъ сочла меня сердитою.—Сердитою? нѣтъ, душа моя! ты сердилась на собачку, а я на тебя не сердилась.

Дитя.

Такъ вы и теперь на меня не сердиты за слова, которыя говорила я куклѣ?

Няня.

Не только не сердита, но еще радуюсь, что этотъ случай подалъ мнѣ способъ вывесть тебя изъ заблужденія. А ты этому рада ли?

Дитя.

О конечно! . . . Естьли бы только . . .

Няня.

Что такое?

Дитя.

Естьли бы впредь вы всегда мною были довольны.

Няня.

Я сама сердечно этова желаю; мнѣ весьма непріятно быть принужденною . . . но

для этова надобно сдѣлать маленькой договорецъ.

Дитя.

Какой?

Няня.

Чтобъ ты впредь, когда я буду тебя отъ чего нибудь худаго воздерживать, съ перваго слова тотчасъ меня послушалась; тогда ты можешь быть увѣрена . . .

Дитя.

Что вы всегда мною будете довольны?

Няня.

Да. Вотъ тебѣ моя рука! но ты должна непремѣнно исполнять свое обѣщаніе.

Дитя (*прыгая*).

О! я ужъ конечно буду его исполнять!

Дѣвушка сія сдержала свое слово. Когда она бывало начнетъ дѣлать что нибудь нехорошее, и Нянюшка на нее только посмотритъ, то она тотчасъ и перестанетъ. Иногда и нянюшки съ нею не было, однакожъ она ничево такова не дѣлала, въ чемъ не была совершенно увѣрена, что это хорошо. Ради того нянюшка никогда не имѣла причины на нее жаловаться, и такимъ образомъ обѣ онѣ, любя другъ друга сердечно, жили въ великомъ удовольствіи.

О ТЫКВѢ и ЖОЛУДѢ.

Дѣти! Богъ, всего творецъ,
Нашъ спаситель и отецъ,
Что ни создалъ въ свѣтѣ семъ,
Все премудро создалъ въ немъ;
Нѣту въ мірѣ ничего,
Что могло бы безъ его
На то воли всесвятой,
Само сдѣлаться собой.
Силой онъ своихъ словесъ
Солнцу стать среди Небесъ
И лучи велѣлъ простерть:
Жизнь въ его рукѣ и смерть.
Малый червь и страшный китъ
Имъ единымъ лишь дышитъ.
Въ мѣстѣ всяка вещь своемъ,
Онъ премудро правитъ всемъ.
Есть однакожъ мудрецы,
Или по просту глупцы,
Кои свой ничтожный умъ
Дерзостью высокихъ думъ
Выше Божескаго чтутъ.
Гордостью такой надутъ
Нѣкакой безумецъ былъ,
Имя я его забылъ;
Онъ однажды на травѣ

Тыквы взросшія узрѣлъ,
И въ безумной головѣ
Мысль такую тотчасъ сплелъ:
Не прилично имъ рости
На толь маленькой трости;
Я бы это премѣнилъ,
Тыквамъ рость опредѣлилъ,
По такой ихъ толстотѣ,
На дубу, на высотѣ.
Такъ помысля продолжалъ
Онъ по прежнему свой путь.
День былъ жарокъ, онъ усталъ,
Захотѣлось отдохнуть.
Дубъ увидя на пути,
Лишь успѣлъ къ нему придти,
Легъ подъ онымъ и уснулъ.
Вдругъ престрашный вѣтръ задулъ,
Воды всѣ смутилъ тотчасъ,
Вѣтьвями древесъ потрясъ:
Съ верьху дуба, какъ на смѣхъ,
Сорвался большой орѣхъ,
(Кои желудьми зовутъ)
И лежаща мужа тутъ
За его неправый толкъ
По носу всей силой щолкъ.
Вспрыгнулъ мудрый гоголькомъ.
Полно свѣтъ переправлять!

Онъ съ разбитымъ въ кровь носкомъ
Началъ тако размышлять:
Худо, худо я судилъ:
Естьлибъ тыквы дубъ носилъ,
И теперь изъ нихъ одна
Вдругъ упала на меня,
Былъ бы я безъ головы.
　　Кто себя поставитъ смѣлъ
Судiею Божьихъ дѣлъ,
Всѣ безумны таковы.

ИМЯНИНЫ.

Завтра, братецъ Ѳединька имянинникъ, говорила Катюша: я не знаю, чѣмъ его порадовать.

Не пожалуете ли вы мнѣ что нибудь, матушка, что бы я ему подарить могла?

„Пожаловать я тебѣ могу, душа моя, да могу также и сама его подарить: развѣ ты думаешь, что меня это меньше твоего веселить, когда я подарками своими другимъ дѣлаю радость?

„Да сверхъ того ежели я тебѣ дамъ, что ему подарить, такъ стало быть это я его подарю, а не ты.„

Правда ваша, матушка, да мнѣ хочется чѣмъ нибудь его подарить.

„Хорошо, душинька; такъ подумай, нѣтъ ли у тебя самой чего нибудь: на примѣръ миртовое твое деревцо?—„

Ахъ, я ево очень люблю! сказала вздохнувъ Катюша.

„Инъ овечку —„

О матушка! она мнѣ самой надобна.

„Инъ парочку мохноногихъ твоихъ голубковъ.—„

Ахъ матушка! они мнѣ всево дороже.

„Для чегожъ тебѣ не отдать ихъ брату? что для насъ дорого, тѣмъ то и надобно дарить тѣхъ, ково мы любимъ.

„Кошелекъ твой съ рѣдкими золотыми монетцами, которой подарила тебѣ недавно тетка, былъ бы ничего незначащій подарокъ, потому что ты его не употребляешь и не любишь, да и у него былъ бы онъ также безъ употребленія.

„Но то называется истиннымъ подаркомъ, когда мы съ охотою и съ радостію отдадимъ, что насъ самихъ, да и того, кому мы отдали, увеселяетъ.„

Не ужлижъ, матушка, отдать мнѣ братцу Ѳединькѣ все, что я люблю?

„Нѣтъ, душа моя, ты отдай ему что хочешь; это состоитъ въ твоей волѣ; хоть ни чѣмъ не подари: я тебя не принуждаю, а только хотѣла тебѣ истолковать, что значатъ подарки и съ какимъ намѣреніемъ ими дарятъ.„

Катюша подумала не много и потомъ сказала: — Такъ! я подарю ему милыхъ своихъ голубковъ, и еще нарву для него пучокъ цвѣтовъ изъ моего садику.

Мать обняла ее и сказала: ты ему великую радость сдѣлаешь.

И себѣ также, вскричала съ восторгомъ Катюша; я ужъ напередъ сердечно радуюсь.—

„А послѣ завтра ты еще больше будешь радоваться, потому что я позволяю тебѣ позвать брата твоего и со всѣми его гостьми въ маленькой твой садикъ, гдѣ ты можешь угощать ихъ свѣжимъ молокомъ и разными овощами.„

Катюша изъ благодарности поцаловала у матери руку и прыгая около нея повторяла: о кабы послѣзавтрешній день пришолъ поскорѣе!

ВОЗДЕРЖАНІЕ.

„Что такое воздержаніе?„ спросилъ Митюша отца своего, услыша, что онъ сіе слово упомянулъ въ разговорахъ.

Отецъ радовался такому вопросу; ибо хотя любезной его Митюша и хорошъ былъ, однакожъ имѣлъ за собою тотъ порокъ, что всегда былъ въ неудовольствіи, и плакалъ, когда бывало что нибудь по желанію его не исполнится.

А вить это не рѣдко бываетъ на свѣтѣ, что мы желаемаго не получаемъ; или имѣя у себя нѣчто пріятное, внезапу онаго лишаемся.

Для того отъ самой юности надобно пріучаться къ терпѣнію.

И такъ Митюшинъ отецъ на вопросъ его отвѣтствовалъ:

„Воздержаніе, мой сынъ, есть то, когда ты севодня и въ шабашные часы на любимую свою деревянную лошадку не сядешь.„

Для чево это? — спросилъ печально Митюша; вить вы мнѣ ее сами пожаловали, батюшка!

„Такъ душа моя, отвѣчалъ отецъ; я и не запрещаю тебѣ на нее садиться, а отдаю на волю, хочешь сядешь, хочешь нѣтъ.„

Митюшѣ вчера только подарили эту лошадку, и онъ такъ ее любилъ, что радъ былъ во всѣ шабашные часы безпрестанно на ней ѣздить.

Митюша.

Да къ чему мнѣ это послужитъ?

Отецъ.

Къ тому, чтобъ научиться самому надъ собою имѣть власть, и безъ труда отставать отъ любимой тебѣ вещи, когда того потребуетъ нужда.

Митюша.

Да въ этомъ теперь никакой нужды нѣтъ.

Отецъ.

Конечно нѣтъ; но когда придетъ нужда, тогда уже поздо будетъ себя къ тому приучать.

Тутъ Митюша умолкъ и задумался; хотя не все, однакожъ нѣчто понималъ онъ изъ разговору отца своего.

Отецъ.

Хочешь ли ты, я скажу тебѣ сказочку, изъ которой ты увидишь, какъ нужно пріучить себя не вдаваться своимъ желаніямъ.

Митюша.

Хочу батюшка.

Отецъ.

Нѣкотораго робенка глупая нянюшка кормила всегда сластями.

Чрезъ то такъ онъ привыкъ лакомиться, что ужъ и вырасти довольно великонекъ, о томъ только и помышлялъ, какъ бы гдѣ наѣсться сладкаго.

Тщетно старшая сестра увѣщевала его, и совѣтовала ему заранѣе отъ того отвыкать, потому что не всегда можно ему будетъ кормиться сластями. Онъ же напротивъ думалъ, что это время долго продолжится, и не старался ни мало себя воздерживать.

Напослѣдокъ отданъ онъ былъ къ одному Господину въ домъ, гдѣ его строго содержали, и гдѣ лакомство было не въ употребленіи.

Чтожъ онъ дѣлалъ?—покупалъ изюмъ, миндаль и конфекты, покудова всѣ свои денжонки издержалъ.

Между тѣмъ алчность къ лакомству отъ часу въ немъ усиливалась, такъ что ужъ не могъ онъ отъ того воздержаться.

И какъ уже денегъ у него больше не было то сперва сталъ онъ продавать свое платье, а какъ и то все промоталъ, тогда . . . . Я содрагаюсь разсказывая сіе! обокралъ онъ господина своего.

Но худое дѣло не можетъ быть скрыто, рано ли поздо ли оно выдетъ наружу: узнали о семъ; и чтобъ избѣжать наказанія, этотъ молодой человѣкъ сѣлъ на корабль и отправился далеко—въ Остъ-Индію.

Хотя избѣгнулъ онъ такимъ образомъ человѣческаго наказанія, однако не могъ избѣгнуть Божескаго: корабль, на которомъ онъ поплылъ, разбился о камень, и преступника поглотили волны.

Охъ! это страшно! сказалъ вздохнувъ Митюша.

Конечно страшно, отвѣчалъ отецъ: но все сіе произошло отъ того только, что робенокъ этотъ не научился заблаговременно воздерживаться отъ своихъ прихотей, которыя напослѣдокъ чрезвычайно въ немъ усилились.—Понимаешь ли ты теперь меня, мой другъ, для чего совѣтывалъ я тебѣ попытаться преодолѣть свою охоту и не садиться севодня на свою лошадку?

Митюша.

Понимаю, батюшка. Я не стану севодня ѣздить на лошадкѣ, и всякой день послѣ шабаша цѣлой часъ не буду на нее садиться, хотя бы мнѣ того и очень захотѣлось; надобно пріучить себя къ воздержанію.

Отецъ обнялъ его и радовался сему великодушному намѣренію; но онъ еще больше обрадованъ былъ, когда увидѣлъ, что сынъ его держитъ свое слово.

А между тѣмъ Митюша такъ привыкъ къ воздержанію, что онъ бывало никогда не осердится, естьли что противъ его желанія сдѣлается, и чрезъ то избавлялся онъ отъ многихъ печалей.

Щастливо то дитя, которое перейметъ у Митюши!

ФЕДЮША,

Которой спать не могъ.

Мать.

Что ты, душенька, такъ ворочаешься на постелькѣ; развѣ тебѣ спать не хочется?

Дитя.

Не спится, матушка.

Мать.

Не болитъ ли у тебя что нибудь?

Дитя.

Нѣтъ. Мнѣ ѣсть хочется.

Мать.

Да ты теперь лишь кушалъ, душа моя.

Дитя.

Не осердись на меня, маминька! сюда приходила бѣдная дѣвочка просить ради Христа; никто не слыхалъ какъ она просила. Я отдалъ ей свою булочку и пирожокъ: молись Богу, сказалъ я ей, Богъ тебѣ дастъ больше. Какъ она бѣдняшка обрадовалась! три раза сказала мнѣ: заплати тебѣ господи!

Мать.

Другъ мой любезной! умница моя! чево ты у меня ни попросишь, я тебѣ все дамъ. И ты этова не хотѣлъ мнѣ сказать?

Дитя.

Я съ радости и позабылъ о томъ, что самъ ничево не ѣлъ.

Мать.

Теперь ты знаешь, каково тѣмъ бѣднымъ дѣтямъ, которые безъ пищи спать ложатся.

Дитя.

Ахъ, маминька! пожалуйста давай имъ милостыню, когда они придутъ: тяжело сносить голодъ!

Щастливо преодоленное на злое дѣло покушеніе.

Бѣдному мальчику трубочисту досталось во дворцѣ чистить трубу того камина, который былъ въ уборной комнатѣ одной княгини.

Когда онъ сквозь трубу опустился въ каминъ, то нашелъ что въ комнатѣ ни кого не было; онъ остановился на минутку полюбоваться на прекрасныя вещи, которыя въ ней находились.

Больше всего полюбились ему осыпанные драгоцѣнными каменьями золотые часы, лежавшіе на столикѣ. Онъ не могъ воздержаться, чтобъ не взять ихъ въ руки, и тогда пришло къ нему желаніе: „ахъ ежели бы у тебя такіе часы были!“

Потомъ спустя минутку подумалъ онъ: „что, ежели я ихъ возьму?—но стало быть я ихъ украду и буду воръ.

„Да вить никто этова не узнаетъ,“ продолжалъ онъ думать. Но въ то самое мгновеніе услышалъ шумъ въ смежной съ этою горницѣ; тотчасъ оставилъ онъ часы и бросился назадъ въ трубу свою.

Когда онъ пришелъ домой, то не могъ изъ головы своей выкинуть этихъ часовъ: гдѣ ни былъ, куда ни ходилъ, вездѣ они были у него передъ глазами. Онъ покушался перестать объ нихъ думать, но нѣтъ! словно какъ бы кто насильно его къ тому тянулъ.

Онъ не могъ уснуть; и такъ вознамѣрился итти опять туда, и ихъ взять.

Вошедъ по прежнему въ комнату нашелъ онъ все такъ тихо, что ни какъ не могъ сомнѣваться, чтобъ онъ не одинъ въ ней былъ. При слабомъ лунномъ свѣтѣ тихонько подкрался онъ къ уборному столику, на которомъ лежали часы.

Уже простиралъ онъ руку взять ихъ, какъ вдругъ увидѣлъ подлѣ нихъ еще превосходнѣйшія сокровища: драгоцѣнныя серги, ожерелье, и другія тому подобныя вещи.

„Не ужъ ли мнѣ? сказалъ онъ весь съ головы до ногъ трясучись—не ужъ ли мнѣ?—„

„Но не буду ли я во всю мою жизнь самой скаредной человѣкъ? могу ли я послѣ этова когда нибудь спокойно спать? какими глазами стану я на людей смотрѣть?—

„Правда!„но ужъ за то однимъ разомъ сдѣлаюсь я богатой человѣкъ; у меня будутъ лошади и карета; платье стану прекрасное

носить, и всякой день буду ѣсть и пить сытно!„

„Ну да какъ это откроется?—полно какъ открыться? вишь никто этова не видитъ.—„

„Ни кто?—а развѣ Богъ, вездѣсущій, того не увидитъ?—можешь ли ты по прежнему молиться ему, когда сдѣлаешся воромъ? можешь ли ты умереть спокойно?„

При сей мысли волосы у него стали дыбомъ и холодной потъ пролился по всему его тѣлу. „Нѣтъ! сказалъ онъ, бросивъ отъ себя сокровищи, нѣтъ, лучше бѣденъ и чистъ совѣстью, нежели богатъ и оскверненъ злодѣйствомъ!„ вымолвивъ сіе спѣшилъ прежнимъ своимъ путемъ возвратиться назадъ.

Княгинина спальня была подлѣ самой этой комнаты, она еще не спала, все это слышала, и самого мальчика при свѣтѣ луны разсмотрѣть могла. На другой день приказала она позвать его къ себѣ.

„Послушай, мальчикъ, сказала она ему, когда онъ вошелъ къ ней въ комнату, для чего ты вчера ночью не взялъ этихъ часовъ и другихъ драгоцѣнныхъ вещей?„

Мальчикъ упалъ къ ней въ ноги и не могъ отъ страха ни слова промолвить.

„Я все слышала, продолжала Княгиня;

благодари Бога, дитя мое, что онъ помогъ тебѣ преодолѣть искушеніе, и старайся впредь непорочность свою сохранять.

„Отнынѣ ты у меня будешь жить; я велю тебя кормить и одѣвать. Но мнѣ хочется еще больше для тебя сдѣлать: я намѣрена тебя порядочно воспитать и обучить, дабы и впредь бѣдность и неразуміе не могли тебя подвигнуть на какое либо злое дѣло.„

У мальчика полились изъ глазъ горячія слезы; онъ хотѣлъ благодарить, но не могъ: онъ могъ только хлипать и утирать кулаками глаза свои.

Княгиня здержала данное ею слово: мальчикъ былъ преизрядно воспитанъ, выросъ великъ, и благодѣтельница его имѣла удовольствіе видѣть въ немъ скромнаго, добросовѣстнаго и честнаго человѣка.

МАТЬ И СЕМЬ ДОЧЕРЕЙ.

Мать благонравная, Наталья,
Съ семью своими дочерьми,
Прекрасными какъ майски розы,
Пошла по близости въ лѣсокъ,
И тамъ при ручейкѣ журчащемъ,
Пріятнымъ воздухомъ дыша,
Подъ тѣнію вѣтвистой липы
На мягкой сѣла муравѣ.
Какое зрѣлище прекрасно,
Благополучну видѣть мать,
Такою кучкой окруженну
Любезныхъ, милинькихъ дѣтей!—
Сей миръ обильный красотами,
Мнѣ мнится сотворенъ для нихъ:
Съ восторгомъ нѣкій мужъ вѣщаетъ,
Сѣдящій съ зади ихъ въ кустахъ.
Безмолвенъ, въ тишинѣ глубокой,
Онъ долго, ухо приклонивъ,
Съ сердечной радостью бесѣду
Сей нѣжной матери внималъ.
О естьли бы, любезны дѣти,
Теперь отецъ вашъ здѣсь,
Рекла она, былъ вмѣстѣ съ нами!
Коль много въ сей странѣ пріятствъ!

На всѣхъ вершинахъ древъ такъ тихо,
Какъ будто бъ нѣжны птички всѣ
Между собою согласились
Единый слушать соловья
Гласъ раздающійся по всюду.
Ахъ маминька! сказала тутъ
Вторая дочь ея Дуняша,
Я тотчасъ побѣгу домой,
На крыльяхъ къ батюшкѣ слетаю. —
Мой другъ! далеко онъ отъ насъ
За нѣкоторымъ посланъ дѣломъ;
Онъ тамъ пробудетъ семь недѣль,
И прежде къ намъ не возвратится.
Какъ? старшая сказала дочь,
На мать взглянувшая печально,
Его здѣсь нѣтъ? но какъ же онъ
Уѣхалъ съ нами не простяся? —
Свое родительское вамъ
Оставилъ онъ благословенье,
Боясь прощаніемъ своимъ
Повергнуть васъ въ печаль и скуку. —
Ахъ! папинька любезной нашъ,
Четвертая изъ дочерей вскричала,
Въ пути всещедрый Богъ его
Да сохранитъ благополучно!
Сіи усердныя слова,
Да сохранитъ благополучно,

Отъ благодарныхъ сихъ дѣтей,
Кругомъ Наталіи и древа,
Твердилися изъ устъ въ уста,
Съ такимъ усерднымъ восклицаньемъ,
Что на глазахъ у нихъ у всѣхъ
Пріятны слезы навернулись.
Какъ это можно? семь недѣль!
Вишь это очень, очень долго;
Нельзяль хоть намъ къ нему сходить?
Спросила пятая малюшка.
Шестая жъ чуть не плача,
Прижавшись къ материной груди
Сказала томно: боже мой!
Когда бъ назадъ онъ возвратился
И вдругъ теперь пришелъ сюда!
Дочь третья тотчасъ подхватила:
О какъ бы мы во кругъ его
Скакать и прыгать стали!
Анюта младшая изъ всѣхъ,
Къ сестрицѣ старшей на колѣни
Свою головку положа
Ни слова не сказавъ лежала.
Какъ нѣжный розовый цвѣтокъ
Ея краснѣлись пухлы щочки;
Казалось, что другихъ сестеръ
Она внимала рѣчь прилѣжно,
И только разговоръ лишь ихъ

На часъ объ этомъ перервался,
Она съ колѣней вдругъ скочивъ
На шею бросилась къ Натальи,
И крѣпко нѣжными ее
Обнявъ ручонками спросила:
А ты, ты маминька, отъ насъ
Не ѣдешь никуда? ты съ нами?
Нѣтъ, душинька, сказала мать,
Я никуда отъ васъ не ѣду.
Тогда сидящій мужъ въ кустахъ
Не могъ подслушивать ихъ болѣ,
Его и сердце и душа
Въ восторгѣ сладкомъ утопали.
Однакожъ дѣйствія страшась
Онъ радости крутой, безмѣрной,
Не смѣлъ нечаянно предстать;
Но вышедъ изъ кустовъ тихонько,
Находитъ друга своего,
И посылаетъ осторожно
Женѣ и дѣтямъ возвѣстить,
(сей самый мужъ былъ ихъ родитель),
Что отложенъ его поѣздъ.
Когда сей другъ ихъ приготовилъ,
Тогда то нѣжный самъ отецъ
Является предъ ихъ очами:
Какая жъ радость разлилась!
Мать бросилась къ нему на шею,

Всѣ дѣти прыгая, крича,
Сто разъ его цалуютъ руки.
Кто можетъ описать восторгъ
Сей матери благополучной,
Сего предобраго отца,
И сихъ дѣтей ихъ благонравныхъ!

О СОГЛАСІИ.

Наташа, Катюша, Аннушка и Машинька, имѣли у себя учительницу, которая ихъ какъ мать дочерей своихъ любила.

Я назову ее Теоною, для того что я не смѣю настоящаго имени ее здѣсь поставить.

Она имѣла усердное желаніе, чтобъ воспитанницы ея хорошо себя вели, и чрезъ то были бы щастливы; чтобъ онѣ взаимною другъ къ другу любовію услаждали дѣтскія свои утѣхи, и чтобъ каждое удовольствіе вкушали безпрепятственно.

Съ неописанною радостію взирала она на добрые успѣхи своего ученія и примѣра.

Малютки сіи начали быть щастливѣйшими дѣтьми. Онѣ поправляли другъ друга въ проступкахъ, извиняли охотно небольшія огорченія, дѣлили каждую радость, и не могли жить другъ безъ дружки.

Но какъ легко теряютъ дѣти способы къ щастію, хотя уже познаютъ оное, и какое благодѣяніе тотъ имъ дѣлаетъ, кто неусыпно за ними смотритъ!

Теона должна была отъ своихъ малютокъ на нѣкоторое время отлучиться; необходимость принудила ее отъ нихъ уѣхать;

но она спѣшила возвратиться какъ скоро могла.

Едва успѣлъ пройти одинъ мѣсяцъ, уже она летѣла къ нимъ обратно.

Онѣ встрѣтили ее съ великою радостію.

Но ахъ! Теона примѣтила между ими великую перемѣну.

Одна изъ нихъ съ сердцемъ требовала чего нибудь у другой, другая не хотѣла ей уступить; отъ сего рождались досадныя рѣчи, и все ихъ прежнее увеселеніе въ играхъ и въ дѣлѣ невѣсть куда дѣвалось.

Всякую минуту мѣшали онѣ другъ другу; той не нравилось тамъ, гдѣ другой нравилось.

Иная хотѣла играть въ саду, другая на противъ того въ горницѣ, третья на дворѣ, и сіе несогласіе часъ отъ часу умножалось.

Въ одинъ день, когда онѣ ни малѣйшей услуги другъ другу не хотѣли сдѣлать, и даже одна другой досаждать старалась, Теона глядя на нихъ заплакала.

Она пошла отъ нихъ прочь и заперлась въ своей комнатѣ.

Тамъ стала она размышлять, какъ бы малютокъ сихъ примирить и возобновить между ими взаимную дружбу.

Когда послѣ того опять она къ нимъ вышла, то всѣ онѣ бросились къ ней съ неудовольствіемъ и жаловались, что онѣ не находятъ больше прежняго веселія; каждая изъ нихъ обвиняла въ томъ другую и всѣ приступали къ своей учительницѣ, чтобъ она, какъ умѣвшая всегда установлять ихъ утѣхи, не отреклась и теперь тоже сдѣлать.

Теона взглянула на нихъ съ важностію и сказала: отъ сего времени запрещаю я вамъ мѣшать другъ другу въ играхъ, и чтобъ сего не было, то пусть каждая изъ васъ изберетъ себѣ особливой уголокъ въ этой комнатѣ, и тамъ сидя играетъ какъ хочетъ.

Сегодня послѣ обѣда позволяю я вамъ такимъ образомъ играть до самаго вечера.

Всѣ обрадовались сему позволенію; каждая взяла назначенный себѣ уголокъ, и стала тамъ играть особо отъ другихъ.

Машинька куклѣ своей сказывала сказки, однакожъ та не умѣла ничего ей отвѣчать и молчала, а другія всѣ играли каждая про себя.—

Аннушка играла мячикомъ, но никто не утѣшался глядя на проворство, съ какимъ она ево ловитъ, и никово не было, кто бы ей сказалъ хоть слово: другія всѣ играли каждая про себя.—

Наташа хотѣла играть въ любимую свою игорку въ гулючки, но кому было ее искать? другія всѣ играли каждая про себя.—

У Катюши, маленькой домовницы, было нѣсколько грушъ и яблоковъ, она хотѣла сдѣлать у себя пирушку и позвать гостей; но кому было къ ней пріѣхать? другія всѣ играли каждая про себя.—

И такимъ образомъ всѣ ихъ игры не ладились. Наконецъ прибѣжали онѣ къ Теонѣ, и со слезами просили ее найти способъ, чтобъ имъ опять было весело.

Я знаю только одно средство, сказала она имъ печально, и вы его прежде знали, но забыли: естьли хотите, я вамъ о немъ напомню.

Хотимъ! хотимъ! вскричали онѣ всѣ, и ожидали съ нетерпѣливостію перваго изъ устъ ея слова.

Это согласіе! это дружба! о мои любезныя! въ какое нещастіе ввергнули вы и меня и себя самихъ съ тѣхъ поръ, какъ его забыли!

Она умолкла, и горькія слезы по лицу у ней катились.

Тутъ всѣ малютки онѣмѣли передъ нею, и стояли потупя въ землю глаза отъ стыда

и раскаянія. — Потомъ бросились къ ней въ объятія, и обѣщали любить другъ друга по прежнему.

Онѣ сдрежали слово. Никогда не упрямились и не ссорились: ибо узнали какія слѣдствія раждаются отъ упрямства и несогласія.

Теона сама мнѣ это расказывала и говоритъ, что ужъ онѣ теперь всѣ четыре выросли великоньки и становятся прелюбезныя дѣвицы.

ДВА МАЛЬЧИКА.

Два мальчика пошли въ садъ прогуливаться. Садовникъ сказалъ имъ въ предосторожность: не подходите близко къ ульямъ, пчелы васъ ужалятъ.

Меня еще никогда пчела не ужаливала! сказалъ одинъ изъ нихъ мальчикъ, и пошелъ смѣло туда. Но лишь только ступилъ онъ нѣсколько шаговъ, то пчела его ужалила, и онъ долго былъ боленъ.

И такъ одинъ сдѣлался благоразуменъ чрезъ *испытанiе*, а другой чрезъ *наставленiе*: скажите которой изъ нихъ былъ умнѣе?

~~~~~~~~
~~~~~~~~

БОЛТУШКА.

Одна маленькая дѣвочка имѣла за собою тотъ порокъ, что молчать не умѣла.

Когда она свѣдаетъ какую тайну, то ужъ ей бывало не утерпится, чтобъ поскорѣе не расказать того всѣмъ своимъ знакомымъ.

А всего хуже, что услыша о чемъ нибудь худомъ, она это первому, кто ей на встрѣчу попадался, пересказывала, нимало не разсуждая, что могла этимъ навесть иному великую печаль, другому бѣду или нещастіе.

Черезъ короткое время маленькая эта болтушка сдѣлалась сущею язвою для людей того дому, гдѣ она жила, и для другихъ, съ которыми была знакома; ибо гдѣ ей только бывать случалось, тамъ вездѣ болтаньемъ своимъ сѣяла она сѣмена брани, раздора и несогласія.

Мудрено ли, что стали всѣ отъ нее бѣгать, всѣ ее ненавидѣть?—Въ короткое время не было у ней не только ни одной подруги, ниже такой пріятельницы, которая бы вмѣстѣ съ нею быть хотѣла.

Куда она сама приходила, тамъ затворяли отъ нее двери, или не сказывались дома; а когда она къ себѣ звала въ гости, то всѣ ей въ этомъ отказывали.

Напослѣдокъ это понудило ее примѣтить свой порокъ, и она вознамѣрилась отъ него исправиться.

Но горе тому, кто привыкъ и пристрастился къ чѣму нибудь худому! Трудно, трудно ему вовся отъ того отстать.

Барышня Калатухина (такъ называлась сія нещастная дѣвушка) въ цѣлыя десять лѣтъ насилу могла совершенно исправиться отъ своего порока: она стократно зарекалась впадать въ оной, и стократно опять впадала.

Наконецъ выросла она велика, но никто не хотѣлъ на ней жениться; ибо къ ... давно уже всѣ отъ нее убѣгали, то и не вѣдалъ никто, что она перестала быть болтуньею.

Такимъ образомъ всю жизнь свою долженствовала она проводить въ плачевномъ уединеніи, не вкуся утѣхъ добродѣтельнаго брака, и не познавъ никогда пріятностей дружбы.

Такъ то печальныя слѣдствія дѣтскихъ пороковъ часто принуждаютъ насъ страдать во всѣ дни нашего вѣка!

УМИРАЮЩЕЕ ДВѢНАТЦАТИ ЛѢТНЕЕ ДИТЯ.

Лиза бѣдная въ постелѣ
Отчаянно лежитъ больна;
Душа чуть держится ужъ въ тѣлѣ,
Страдаетъ и какъ тѣнь блѣдна.
Прегорькими надъ ней слезами
Нещастная рыдаетъ мать,
И устъ касаяся устами,
Ей хочетъ жизнь свою отдать.
Но тщетно бѣдная стенаетъ,
И громко къ небу вопіетъ:
Смерть сожалѣнія не знаетъ,
Кто долженъ умереть, умретъ.
Увидя Лиза мать стенящу
Послѣдни силы собрала,
И рѣчь простерши къ ней дрожащу
Прерывнымъ голосомъ рекла:
О чѣмъ ты слезы проливаешь,
Любезна матушка, о чѣмъ?
Куда меня ты отпускаешь?
Къ отцу всеобщему намъ всѣмъ.
Надежду на него претверду
Въ блаженствѣ я моемъ кладу,
Отселѣ къ Богу милосерду
Съ охотою моей иду.

Онъ тамо дастъ мнѣ жизнь блаженну,
Вселитъ меня въ свой домъ святой;
Тамъ буду радость совершенну
И вѣчной я вкушать покой;
Къ нему тамъ съ Ангелами купно
Я буду гласъ мой возносить,
И Господа повсяминутно
О вашемъ щастіи просить.
Сіе сказавъ она вздохнула,
Рукою сотворила крестъ,
На мать впослѣдніе взглянула
И отошла отъ здѣшнихъ мѣстъ.

ПРЕОДОЛЕННОЕ ВЛАСТОЛЮБІЕ.

Перестанешь ли ты? — Какъ бы нетакъ? — не хочу, я тебѣ говорю! — матушка, посмотрите что Петруша дѣлаетъ!..... Только рѣчей и слышно было отъ маленькой властолюбивой Параши, когда что нибудь не по ней дѣлалось.

Особливо надъ меньшимъ братомъ своимъ Петрушею господствовала она съ такою необузданностію, что тотъ не зналъ бѣдной какъ ему быть.

То не такъ, другое не такъ; за все про-все на него кричитъ, и всего чаще когда они играютъ вмѣстѣ.

Непремѣнно дѣлай онъ все то, что ей хочется; въ свое удовольствіе не выдумывай ничего, и ежели онъ желанія своего тотчасъ по ея требованію не перемѣнитъ, то она перестанетъ съ нимъ играть и тужъ минуту отъ него уйдетъ, оставя его одного въ скукѣ.

Кроткіе родители ея хотя часто увѣщевали ее и совѣтовали воздерживаться отъ сего порока, а особливо мать часто напоминала ей, что благоувѣтливую дѣвушку всѣ любятъ, а напротивъ того своенравную, которая все на своемъ поставить хочетъ, никто не терпитъ

и всякой отъ нее убѣгаетъ; однако слова ихъ были тщетны и ни мало не послужили къ ея исправленію; всѣ другія дѣти перестали имѣть съ нею дружеское обхожденіе и начали отъ нее удаляться, но и отъ этова она непришла сама въ себя.

Въ одинъ день въ домѣ у нихъ обѣдалъ мужъ весьма разумной и притомъ весьма чистосердечной.

Онъ часто съ удивленіемъ смотрѣлъ на Парашино грубое обращеніе съ маленькимъ ея братомъ, и наконецъ не вытерпя сказалъ:

„Ежели бы я былъ отецъ этой дѣвушки, я бы зналъ что съ нею сдѣлать!„

А чтожъ такое? спросила мать.

Я бы надѣлъ на нее муское платье, отвѣчалъ онъ, приклеилъ бы ей усы, и назвалъ бы ее драгуномъ; тогда бы поступки ея согласны были съ ея званіемъ, и неприличность видѣть въ дѣвушкѣ такую къ самовластію склонность покрайней мѣрѣ симъ одѣяніемъ была бы сколько нибудь прикрыта.

Параша оцѣпѣнела, краска показалась у нее въ лице и слезы покатились изъ глазъ.

Съ сей минуты почувствовала она непристойность поведенія своего, она вознамѣрилась исправиться отъ сего порока, и такъ

твердо это въ умѣ своемъ вкоренила, что дѣйствительно до того достигла.

Она конечно очень хорошо сдѣлала; но желать надлежитъ, чтобъ всякая другая дѣвушка, которая хоть нѣсколько этому пороку подвержена, лучше кроткихъ увѣщаній матери своей послушалась, нежели бъ дождалась того, чтобъ разумной человѣкъ пришелъ и въ глаза ей сказалъ, что она больше годится быть драгуномъ, нежели любви достойною дѣвицею.

ПЕТРУШИНЫ ВЕЧЕРНІЯ МЫСЛИ.

Ужъ смерклось на дворѣ, лучь солнечный со-
крылся,
Пора ложиться спать.
Прекрасной день! куда, куда ты укатился?
Приди скоряй опять.
Игралъ севодня я, и прыгалъ и смѣялся,
И тьму вкушалъ отрадъ;
Но что въ ученьи я прилѣжно упражнялся,
Тому я больше радъ:
Родителямъ моимъ я сдѣлалъ угожденье
Прилѣжностью своей,
За что подастъ мнѣ сонъ покой и услажденье
Въ ночи прекрасной сей.
Во снѣ увижу я робяточекъ блаженныхъ,
Которые въ раю;
Они проводятъ дни въ утѣхахъ совершенныхъ,
Я съ нимъ ихъ дѣлю.
Приди скорѣе сонъ и дай мнѣ насладиться,
И дай вкусить покой;
Но прежде надлежитъ мнѣ Богу помолиться;
Постой, о сонъ постой!
Ты, Боже, далъ мнѣ все, чѣмъ я ни утѣшаюсь,
На что я ни взгляну:
Учителей, отца, мать, домъ и чѣмъ питаюсь,
И всю сію страну,

И садъ прекрасный нашъ, гдѣ я всегда гуляю,
Когда урокъ скажу,
Малину, вишни ѣмъ, иль бабочекъ гоняю,
Иль просто такъ сижу;
И мало ли еще? съ пушистыми цвѣтами
Мой милой цвѣтничокъ,
Игрушечки мои, мой домикъ съ голубками,
И рѣчку и прудокъ,
И красные деньки, и жизнь сію безцѣнну,
И время поиграть,
И время для трудовъ, и солнце, и вселенну—
Но какъ перещитать
Всѣ милости твои, что ты мнѣ далъ, Владыко?
Я всей моей душой,
Сколь можетъ чувствъ моихъ усердье быть
велико,
Люблю тебя, Богъ мой!
Ахъ! даруй, чтобы я прилѣжно обучался
И не былъ шалуномъ,
Чтобъ доброе любилъ, отъ злаго отвращался,
Гнушалсябъ быть лгуномъ,
И ненавидя все, что худо, непристойно,
Хранилъ бы твой законъ,
Чтилъ матерь и отца, жилъ мирно и спо-
койно —
Приди теперь, о сонъ!

~~~~~~~~
~~~~~~~~

РАЗГОВОРЪ

У Вариньки съ Митюшею.

Варинька.

Черезъ восемь дней свяшки: башюшка и машушка опяшь насъ подаряшъ чѣмъ нибудь: прошлова году, помнишь шы, сколько они намъ пожаловали.

Мишюша.

Помню. Какъ мы пришли къ нимъ Хриспа славишь и поздравили ихъ съ праздникомъ, шакъ башюшка пожаловалъ намъ по двѣ игрушки, да машушка по сшольку же.

Варинька.

Съ какою радосшію они насъ дарили! казалось, имъ не меньше нашева было весело.

Мишюша.

Мы еще малы и у насъ ничего нѣшъ, а шо бы и мы могли эшимъ ушѣшашься—Ахъ, да знаешь ли что, сесшрица? черезъ восемъ дней Рождесшво—вишь у шебя есшь деньги?

Варинька.

Есшь цѣлой рубль. Ну да чшожъ?

Мишюша.

Завшра ярмонка. Вспанемка мы поушру

поранѣе и поучимся хорошенько, чтобъ насъ послѣ обѣда отпустили на ярмонку. У тебя рубль, у меня шесть гривенъ; купимъ на половину этихъ денегъ разныхъ сластей и игрушекъ, спрячемъ ихъ, и какъ придутъ святки, то выпросимся у матушки, возьмемъ съ собой дядьку Ивана, и пойдемъ раздадимъ ихъ садовника Якова маленькимъ дѣтямъ.

Варинька.

Да ужъ надобно и Ѳедошки повара робятишкамъ что нибудь удѣлить.

Мишюша.

Извѣдомо! я про тѣхъ чуть было не забылъ. Какъ они возрадуются! съ ними этова я чаю никогда не случалось.

Варинька.

Конечно не случалось. И мы, подумай, мы будемъ первые тѣ, которые такъ ихъ обрадуемъ.—

О голубчикъ мой братецъ! поцалуй меня.— Кабы поскорѣй пришли святки!

Мишюша.

Однако мнѣ вспало на умъ нѣчто — —

Баринька.

Ну что такое? скажи пожалуйста. Не ужъ ли тебѣ жаль стало! — А вить это наши деньги: мы можемъ ихъ употребить на что хотимъ, право можемъ.

Мишюша.

Я это знаю, да—

Вариньк а.

Ну чтожъ такое?

Мишюша.

Вить деньги, которыя теперь у насъ, пожаловали намъ батюшка съ матушкою. Коли мы ихъ станемъ давать бѣднымъ дѣтямъ — Ну, такъ стало быть не мы ихъ этимъ даримъ, а дарятъ батюшка съ матушкою.

Варинька.

Это правда; да у насъ нѣтъ ни какихъ другихъ денегъ.

Мишюша.

Знаешь ли что, Варинька? я умѣю вязать, да и ты также.

Вавинька.

Да; да много ли я умѣю?

Мишюша.

По крайней мѣрѣ ты можешь связать подвязки; а я ужъ двѣ недѣли какъ вяжу чулки для батюшки. Станемъ стараться чтобъ поспѣли къ святкамъ и мои чулки и твои подвязки.

Варинька.

На что?

Мишюша.

Экая ты! да мы продадимъ ихъ батюшкѣ: онъ намъ за нихъ втрое больше пожалуетъ, нежели чего они стоятъ.

Варинька.

Да; однакожъ ярмонка-та завтра, а мы къ завтрему этова не успѣемъ сдѣлать.

Мишюша.

Въ этомъ нѣтъ нужды. Мы теперь возмемъ будто взаймы изъ нашихъ денегъ сколько намъ завтра на покупку понадобится, а послѣ такоежъ число назадъ туда и положимъ. Тогда то ужъ подлинно можемъ мы о себѣ сказать, что мы сами—разумѣешь ли?—сами бѣдныхъ дѣтей обрадовали.

Варинька.

Разумѣю, разумѣю. О какъ это хорошо! какъ любо! кабы поскорѣй пришли святки!

Митюша.

Какъ мы щастливы, что ужъ собственными своими трудами умѣемъ доставлять себѣ такія утѣхи!

Варинька (*прыгая*).

О кабы поскорѣе пришли святки!

Митюша.

Еще восемъ деньковъ, сестрица; а завтра мы пойдемъ на ярмонку.

АЛЕКСАШИНА МОЛИТВА.

О ты, которой на дѣтей
Съ небесъ высокихъ призираешь,
И слогъ нескладной ихъ рѣчей
И лепетанье ихъ внимаешь,
Внемли мою молитву, Богъ!
И сердце даруй мнѣ такое,
Чтобъ мнѣ противно было злое,
Чтобъ доброе любить я могъ.

Въ проступки часто я впадаю
И тятю съ маминькой гнѣвлю;
Къ тебѣ, о Боже, прибѣгаю,
Исправь, исправь меня, молю!
Прилѣжно всякой день учиться
Во мнѣ желаніе всели,
И ахъ, не дай мнѣ ни коли
Кричать, упряму быть, сердиться.

Когда я голубковъ своихъ
Пшеницей накормить стараюсь,
(А у меня вить пара ихъ)
О какъ я ими утѣшаюсь!
Какъ тихо жизнь они ведутъ,
И какъ между собою дружны!
Какъ смирны! какъ всегда послушны!
Скажу гуль, гуль: они идутъ.

Досады я отъ нихъ не знаю,
Одну имѣю къ нимъ любовь;
Съ стыдомъ я часто разсуждаю
За чѣмъ я также не таковъ?
Какъ можетъ тварь со мной сравниться?
Ты, Господи, мнѣ разумъ далъ,
Чтобъ зло съ добромъ я разбиралъ . . .
Но ахъ, я долженъ ихъ стыдиться!

Когда я о своихъ дѣлахъ
Судить начну какъ должно строго,
Какимъ я быть желаю, ахъ!
Еще недостаетъ мнѣ много.
О Боже! благостью твоей
Содѣлай, чтобъ я былъ послушенъ,
Прилѣженъ, тихъ, великодушенъ,
И словомъ, лучшій изъ дѣтей!

ПРИМѢРЪ ВЕЛИКОДУШНАГО БЛАГОДѢТЕЛЬСТВА.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ одномъ изъ большихъ нѣмецкихъ городовъ хлѣбъ такъ былъ дорогъ, что многіе бѣдные люди помирали съ голоду.

Въ то время жилъ тамъ одинъ Герцогъ, человѣкъ предобрый и весьма жалостливый. Онъ утѣшался тѣмъ, что Богъ далъ ему великое богатство, коимъ можетъ онъ способствовать бѣднымъ, и щедроты его низливались на многихъ, о которыхъ доходило до его свѣденія.

Однимъ утромъ, одѣвшись въ простое платье, поѣхалъ онъ въ большой садъ, и оставя у воротъ онаго коляску и слугу своего пошелъ одинъ ходить по саду.

Едва отошелъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ изъ закуста выскочилъ человѣкъ, которой уставя ему пистолетъ въ грудь требовалъ у него десяти талеровъ (по нашему рублей). человѣкъ этотъ стоя передъ нимъ весь трясся и дрожалъ, и блѣденъ былъ какъ смерть.

Герцогъ взглянулъ на него съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, вынулъ изъ кармана ко-

шелекъ, отсчиталъ требуемое имъ число денегъ, отдалъ ему и сказалъ: ты видишь, что въ кошелькѣ у меня гораздо больше десяти талеровъ; судя по ремеслу твоему не очень честному кажется долженъ ты и этихъ отъ меня потребовать.

Разбойникъ не отвѣчалъ на это ни слова и удалился. Герцогъ держа кошелекъ свой въ рукахъ смотрѣлъ ему съ удивленіемъ въ слѣдъ, покуда онъ вышелъ изъ воротъ сада. Тогда Герцогъ кликнулъ своего слугу и велѣлъ ему идти за этимъ человѣкомъ и примѣчать, куда онъ пойдетъ.

Потомъ сѣлъ въ свою коляску, поѣхалъ спокойно домой, и никому о семъ приключеніи не сказывалъ.

Черезъ нѣсколько часовъ возвратился къ нему слуга его и увѣдомилъ, что человѣкъ этотъ прошелъ прямо къ хлѣбнику, заплатилъ ему пять рублей стараго долгу, и купя у него большую корзину ржаныхъ хлѣбовъ отнесъ ихъ домой; а живетъ онъ въ глухомъ переулкѣ въ одномъ старомъ домѣ на чердакѣ подъ самою кровлею.

Герцогъ сказалъ: хорошо! и отпустилъ слугу своего.

На другой день сѣлъ онъ въ коляску, взялъ

съ собою нѣсколько человѣкъ людей своихъ, и приказалъ себя везти туда, гдѣ этотъ разбойникъ живетъ.

Пріѣхавъ къ дому остановился, вышелъ изъ коляски, принужденъ былъ по многимъ безпокойнымъ лестницамъ вскарабкаться на самый верхъ, и постучался въ двери той малой горницы, въ которой по сказанію слуги его человѣкъ этотъ жилъ.

Разбойникъ самъ отворилъ ему дверь, и вдругъ, увидя его отступилъ назадъ съ такимъ ужасомъ, словно какъ бы громъ передъ нимъ упалъ.

Но Боже мой! какое зрѣлище! — больная жена и шестеро изнемогшихъ дѣтей валялись на голомъ полу! на лицахъ ихъ изображалась смертная блѣдность, и нѣсколько старыхъ лоскутьевъ едва прикрывали наготу худощавыхъ тѣлъ ихъ!

Долго нещастный отецъ сего пребѣднаго семейства не могъ выговорить ни слова; напослѣдокъ бросился къ ногамъ Герцога и дрожащимъ голосомъ, указывая на жену и дѣтей своихъ, сказалъ:

„Вотъ, государь мой, причина, для которой я васъ ограбилъ! уже трои сутки сіи нещастные не имѣли куска хлѣба во рту;

хлѣбникъ, которому я долженъ былъ, не хотѣлъ мнѣ больше вѣрить. Всего имѣнія оставалось у меня одинъ старой изломанной пистолетишка, котораго никто у меня не покупалъ; я отнесъ его къ хлѣбнику, но и онъ не давалъ мнѣ за него больше двухъ гривенъ, и то въ зачотъ долгу: тогда голодная и страшная смерть жены и шестерыхъ малыхъ дѣтей моихъ представилась мнѣ въ такомъ ужасномъ видѣ, что довела меня до отчаянія: безчувственъ побѣжалъ я самъ незная куда; вы первый со мною встрѣтились, и я не взирая на отвращеніе мое отъ гнуснѣйшаго изъ злодѣяній, приступилъ къ оному.

Предайте меня правосудію; я достоинъ смерти, и хочу умереть. Но о! государь мой!— (тутъ обнялъ онъ колѣна герцоговы)—Ежели есть въ васъ сострадание, сжальтесь надъ бѣдною женою моею и будьте отецъ моимъ злополучнымъ дѣтямъ!"

Больная мать подняла вопль и рыданіе, моля о пощадѣ мужа ея; малыя голодомъ изнуренныя дѣти ползли къ ногамъ Герцога, воя и прося о помилованіи нещастнаго ихъ отца.

Герцогъ прослезился; велѣлъ имъ успокоиться, и увѣщавалъ мужа сего съ кротостію и безъ гнѣва.

Потомъ вынувъ изъ кармана кошелекъ далъ ему нѣсколько денегъ, и приказалъ, по искупленіи на оныя нужныхъ для бѣднаго семейства его съѣстныхъ припасовъ, придти къ нему во дворецъ.

Тутъ узнали нещастные, что это самъ Герцогъ, и чуть не умерли отъ страха.

Бѣдный сей преступникъ хотѣлъ промолвить еще нѣчто къ своему оправданію, но добродушный Герцогъ успокоилъ его, и повторилъ приказаніе свое, чтобъ онъ пришелъ къ нему.

Когда сей по повелѣнію его исполнилъ и къ нему явился, тогда Герцогъ на содержаніе семейства его опредѣлилъ ежемѣсячно нѣкоторое число денегъ, а самому велѣлъ ему ходить къ себѣ во дворъ, для исправленія работъ, за которыя ему особливо платить будетъ.

Мужъ сей обливался радостными и благодарными слезами, и съ того времени не проходило ни одного дня, въ которой бы онъ съ женою и дѣтьми своими, стоя на колѣняхъ предъ Богомъ, не проливалъ теплыхъ и усердныхъ молитвъ о здравіи и долгоденствіи сего великодушнаго ихъ благодѣтеля.

ЛѢТНЯЯ ПО УТРУ ПѢСЕНКА.

Трудолюбивый Николаша живучи лѣтомъ въ деревнѣ никогда не просыпалъ солнечнаго всхода: отъ того всегда былъ бодръ и веселъ. Часто по утрамъ выходилъ онъ на лежащій не подалеку отъ жилища его пригорокъ, на которомъ стоя любовался пріятностями окружающей его страны, и нерѣдко въ удовольствіи сердца своего такъ пѣвалъ:

По краткой и пріятной ночи
Мои отверзлись снова очи,
Се паки пѣсенку свою,
Природы красотамъ дивяся,
Умомъ и сердцемъ веселяся,
Въ восторгѣ сладкомъ я пою.

Покрыты здѣсь листки росою;
Съ цвѣтами лугъ передомною;
Все въ полѣ спѣетъ и растетъ:
Вонъ тамъ качается пшеничка,
А тамъ краснѣетъ земленичка:
О боже! какъ хорошъ твой свѣтъ!

Синѣютъ тамъ бугры лѣсисты;
А небеса—какъ свѣтлы, чисты!
Лазурь въ нихъ смѣшенъ съ хрусталемъ
Журчаніе тамъ рѣчекъ слышно;

А тамъ какъ величаво, пышно,
Блистаетъ солнышко лучемъ!

Куда я взоръ ни обращаю,
Повсюду вкругъ себя срѣтаю
Людей спѣшащихъ изъ домовъ,
Чтобъ, красной веселясь погодой,
Разсыпанныхъ вездѣ природой
Сбирать обиліе даровъ.

На холмѣ стоя семъ высокомъ
И я, смотря веселымъ окомъ
На общіе труды сіи,
Готовъ сегодня дѣлать тоже:
Услышь мою молитву, Боже,
Благослови дѣла мои!

Да день въ трудахъ препровождая,
Тебѣ, Владыко, угождая,
Доволенъ буду самъ собой,
И тихой ночи подъ крилами,
Подъ маковыми сна цвѣтами,
Вкушу пріятнѣйшій покой.

ЕСТЬЛИ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЪ ИГРА ТЕБЯ ВЕСЕЛИЛА, ТАКЪ ИГРАЙ УМѢРЕННО И СТАРАЙСЯ БЫТЬ ПРИЛѢЖЕНЪ.

Я бы севодня весь день все играла, матушка! говорила маленькая Анюта.

Весь день?

Да, сударыня!

Пускай будетъ по твоему, сказала пристрастная мать, которая не могла дѣтямъ своимъ ни въ чемъ отказывать; только я думаю, ты послѣ сама жалѣть станешь.

Нѣтъ, нѣтъ, матушка! — и съ сими словами побѣжала Анюта забрать всѣ свои игрушки. Но она была одна; братцы и сестрицы ее сидѣли всѣ за ученьемъ. (Это былъ день непраздничной).

Она сперьва веселилась по волѣ какъ умѣла, и играла долгое время, но напослѣдокъ удовольствіе ея мало по малу стало уменьшаться.

Она играла во всѣ тѣ игры, которыя знала, такъ что не могла ихъ больше выдумать, а повторять старыя было уже для нее скучно.

Она пришла къ матери и просила ее сказать ей новыя игры, и чтобъ она пришла вмѣстѣ съ нею поиграть, однакожъ матери

было недосугъ и она принуждена была въ этотъ разъ ей отказать, хотя и неохотно сіе сдѣлала.

Тогда малютка нахмурившись сѣла и ожидала, какъ бы поскорѣе насталъ часъ, въ которой братцы ея и сестрицы перестанутъ учиться и придутъ играть всѣ вмѣстѣ.

Она побѣжала къ нимъ на встрѣчу, лишь только ихъ увидѣла, и жаловалась на свою скуку, и расказывала какъ она нетерпѣливо ихъ ожидала.

Они обошлись съ нею ласково, и чтобъ развеселить ее, стали играть во всѣ лучшія игры, въ какія они только по праздникамъ играли.

Однакожъ всѣ ихъ усердныя старанія были безполезны: Анюта опять жаловалась, что это для нее не новыя игры, и что ужъ онѣ ей наскучили. Никакъ всѣ сговорились, чтобъ ничево такова не дѣлать, что бы ее увеселяло!

Тогда Катюша, старшая изъ дочерей и разумная дѣвушка одиннатцати лѣтъ отъ роду, взяла ее за руку и съ ласкою сказала:

„Послушай Анютушка! ежели ты не осер-„дишься то я тебѣ скажу, кто причиною „твоей скуки.—Ты сама, ты видишь, мы всѣ

„веселы, хотя и чаще тебя играли этими „играми.

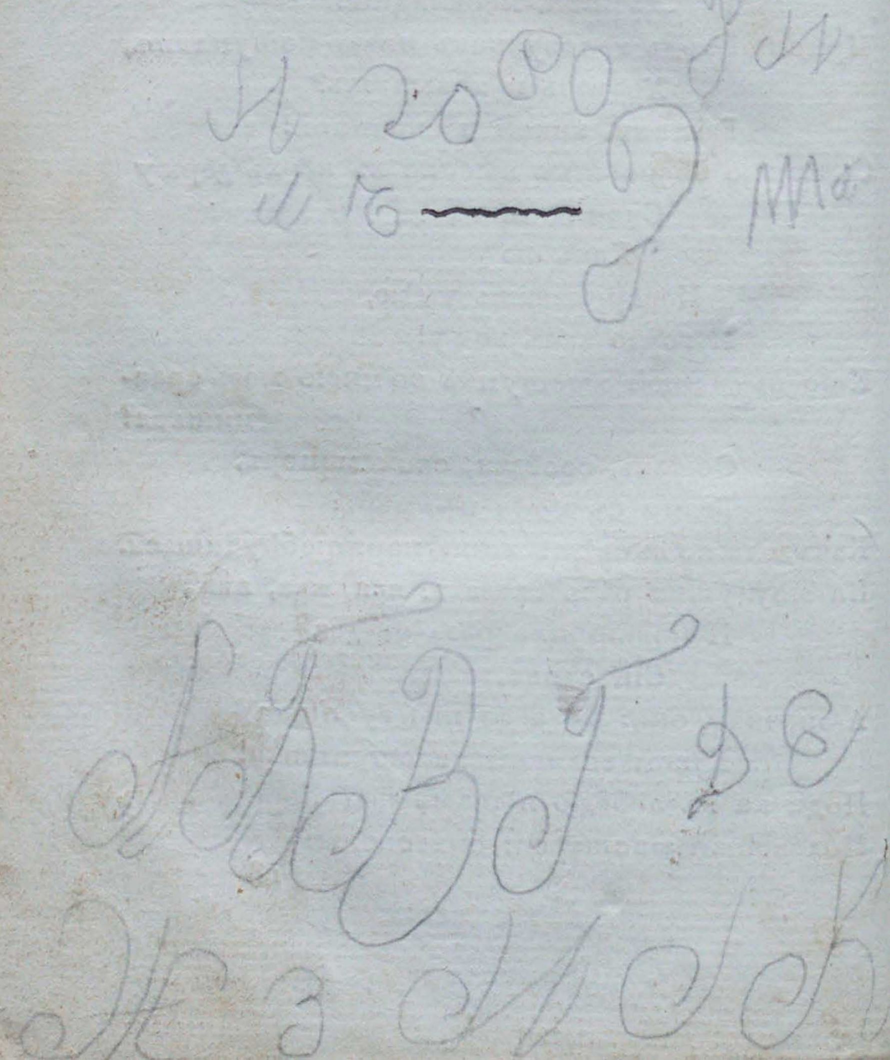
„Но мы учились и дѣлали себѣ пользу; отъ „того мы въ играхъ находимъ больше удовольствія. Ежели бы ты сперва по прилѣжнѣе „поучилась, то бы вѣрно онѣ тебѣ столько „же пріятны показались сколько и намъ.

Мать пришла и услыша слова Катюшины; увѣряла Анюту, что она ей говоритъ правду.

ГУСЬ И УТКА.

Гусь уткѣ говорилъ:
Куда ты, утка,
Имѣешь мало у себя разсудка!
И кто тебя такой походкѣ научилъ
Дурной, нескладной?
Пристойноль голову такъ низко потуплять,
Ходить и ковылять?
Взгляни, какой я статной!
Съ какою бодростью высоко въ верхъ держу
Свою я шею,
Какъ ею
Повертывать умѣю,
И гордо какъ хожу!
Кто въ важной выступкѣ со мною могъ сравниться?
Оставь, сосѣдка, свой манеръ,
Возми съ меня примѣръ:
Какъ должно въ свѣтѣ жить, пора тебѣ учиться.
На эту утка рѣчь сказала: ква, ква, ква,
И повторила раза съ два
Сіи слова,
А значили они: куда де ты гусишка
Какой великой хвастунишка!
Поди ка къ лебедю и тамъ ты передъ нимъ
Похвастай мастерствомъ своимъ,

Изобличи его передъ собой пороки,
И послѣ приходи давать ко мнѣ уроки.
Не полюбился складъ
Утиной гусю шутки,
Пошелъ нахмурившись назадъ
И говорилъ: ума ни крошки нѣтъ у утки!

ЧИСТОСЕРДЕЧНЫЯ ДѢТИ.

Однажды послѣ обѣда въ ясную погоду Митюша съ Палагеюшкой получили отъ матушки своей позволеніе итти однимъ поиграть въ саду.—(Сію вольность заслужили они хорошимъ поведеніемъ своимъ въ то утро).

Долгое время играли они весело и хорошо, какъ добрымъ дѣтямъ играть должно.

Въ саду стояли съ плодами различныя деревья, между которыми было одно молодое персиковое дерево, въ первый разъ плодъ принесшее. На немъ не много было персиковъ, но они тѣмъ пріятнѣе казались.

Мать не сорвала еще ни одного изъ сихъ персиковъ, хотя уже они довольно были зрѣлы: она берегла ихъ къ пріѣзду отца, которой куда то отъѣзжалъ.

И какъ она однажды на всегда запретила дѣтямъ своимъ, чтобъ они безъ ея позволенія плодовъ въ саду не рвали, спадшихъ же не поднимали и не кушали, а притомъ привыкла видѣть ихъ всегда послушными; то на этотъ разъ ничего имъ о персикахъ не сказала.

Когда сіи малютки довольно наигрались, то побѣжали кругомъ, осматривали прекрасные плоды на деревьяхъ и любовались глядя на нихъ.

Напослѣдокъ прибѣжали они и къ персиковому дереву, подлѣ котораго вѣтромъ сшибены лежали два прекрасные персика. Митюша первый ихъ увидѣлъ, забылъ о матушкиномъ запрещенiи, поднялъ одинъ персикъ и скушалъ, а другой отдалъ Палашѣ, у которой онъ также не долго былъ цѣлъ.

Когда персики были съѣдены, тогда Палаша вспомнила о матушкиномъ приказанiи, чтобъ не показавъ ей не кушать ни какихъ плодовъ.

Ахъ, братецъ! сказала она, мы не послушались матушки, она теперь на насъ прогнѣвается; какъ намъ быть?

МИТЮША.

И! да она не свѣдаетъ.

ПАЛАША.

Какъ не свѣдать? братецъ! а развѣ вотъ какъ мы сдѣлаемъ: ты знаешь, что она и большие проступки иногда намъ прощала, когда мы ей чистосердечно въ нихъ признавались....

МИТЮША.

Да, однакожъ мы ее ослушались, а ты знаешь что она за ослушанiе всегда наказываетъ.

ПАЛАША.

Пусть инъ накажетъ; но вить это она любя насъ сдѣлаетъ, а мы впредь не будемъ забывать тово, что она приказываетъ намъ или запрещаетъ.

МИТЮША.

Правда твоя, сестрица! но это, что она принуждена будетъ насъ наказать, сдѣлаетъ ей опять немалую печаль.—А я не могу видѣть ее печальною.

ПАЛАША.

И я также, братецъ! Ну, да какъ она еще печальнѣе будетъ, когда узнаетъ, что мы отъ нее проступокъ свой потаили? а хотя бы и не узнала, но съ какимъ сердцемъ станемъ мы на нее смотрѣть, знавши за собою такую вину? не стыдно ли намъ будетъ, когда она приласкаетъ насъ и назоветъ любезными дѣтьми, а мы этова не заслуживаемъ?

МИТЮША.

Ахъ, голубушка сестрица! я вижу, что ты лучше меня разсуждаешь. Пойдемъ, пойдемъ къ ней, и признаемся въ нашемъ непослушаніи.

Тутъ обнялись они и взявшись рука за руку пошли.

Матушка сударыня! сказала пришедъ Палаша, мы тебя не послушались! накажи насъ, мы того стоимъ. Только не гнѣвайся, не будь печальна: мы забыли о твоемъ запрещеніи.

Потомъ расказалъ Митюша, что они сдѣлали, расказалъ подробно всю правду.

Добрая мать такъ тронута была чистосердечіемъ своихъ дѣтей, что она прослезилась. Она не наказала ихъ за ослушаніе и на сей разъ охотно имъ простила, ибо думала, что они раскаяніемъ своимъ довольно наказаны, и чрезъ то научились впредь остерегаться отъ непослушанія.

Милостивой государь [illegible]

[illegible] Андреичъ

[illegible]

[illegible]

ВЕСЕННЯЯ ПѢСЕНКА.

Взгляньте, какъ ясно лучь солнца блистаетъ;
Зѣлень пріятна луга украшаетъ;
Хладный растаялъ и снѣгъ ужъ и ледъ;
Въ полѣ цвѣточикъ и травка растетъ.

Съ шумнымъ жужжаніемъ кучкой не малой
Пчелки толпятся вкругъ розочки алой;
Пестрая бабочка, въ бархатѣ вся,
Смотритъ любуясь сама на себя.

Жаворонки къ верху высоко віются;
Пѣсенки птичекъ въ лѣску раздаются;
Громки ихъ гласы, но всѣхъ ихъ громчей
Нѣжный малютко поетъ соловей.

Взоры куда я свои ни кидаю,
Всюду веселье, утѣхи встрѣчаю;
Бьется отъ радости сердце мое!
Господи! славно будь имя твое.

ВЕЛИКОДУШНОЕ ДИТЯ.

Мальчишка былъ и выросъ великонекъ,
Малчишка неплохонекъ,
Да только изъ избы не выступалъ ногой.
Не знаю для чего содержанъ былъ такъ строго,
Да мнѣ и знать о томъ потребности не много;
Довольно, что мальчишка мой,
Окромѣ печи,
На коей грѣлъ онъ плечи,
Другова ничево на свѣтѣ не видалъ:
Онъ можетъ быть хворалъ,
Такъ за болѣзнію все дома оставался.
Пришла пора
Мальчишкѣ ѣхать со двора;
Отецъ его куда то собирался;
Не вѣдаю о томъ,
То лѣтомъ было иль весною,
Но ѣхалъ онъ верхомъ
И сына взялъ съ собою.
Мальчишка вырвавшись изъ долгой заперти
Всему дивится:
Ему все чудо зрится,
Что онъ ни встрѣтитъ на пути:
Всѣ холмики ему казалися горами,
Всѣ лужицы морями;

Вопросамъ не было конца,
Замучилъ ими онъ отца.
Впослѣдокъ путь свой продолжая
Они въѣзжаютъ въ лѣсъ,
А къ нимъ бѣжитъ на встрѣчу песъ,
Иль попросту сказать собака злая,
Хохлатая, большая.
Мальчишка мой кричитъ:
Скажи мнѣ батюшка, вонъ это что бѣжитъ?
Отецъ отвѣтствуетъ, мальчишку искушая:
О другъ мой, знаешь ли? вить это злой медвѣдь,
Онъ хочетъ насъ сожрать, намъ должно умереть!
Мальчишка мой отнюдь того не испугался,
И говоритъ отцу: столкни меня
Съ коня,
Чтобъ въ зубы я къ нему попался,
А какъ меня онъ станетъ жрать,
Ты можешь, батюшка, отселѣ ускакать.

~~~~~~~
~~~~~~~

ХУДО БЫТЬ НЕПОСЛУШЛИВЫМЪ

Четыре маленькія дѣвушки, окончавъ часы своего ученія, играли въ саду:

Учительница и купно пріятельница ихъ, которая никогда отъ нихъ не отлучалась, была и на этотъ разъ съ ними.

Это было въ то время, когда плоды начинаютъ поспѣвать, и естьли изъ нихъ которой упадалъ съ дерева, то дѣти прибѣгали къ ней и спрашивали, поспѣлъ ли онъ и можно ли его кушать.

Нѣкакое дѣло принудило учительницу пойти изъ саду и оставить на часокъ своихъ малютокъ.

Не срывайте, любезныя дѣти, и не кушайте до меня ни какихъ плодовъ, сказала она, и пошла отъ нихъ; а онѣ обѣщались быть послушными.

Между тѣмъ, какъ дѣти сидѣли подъ однимъ деревомъ и играли, упала передъ ними на землю прекрасная груша:

По своему обыкновенію бросились было онѣ всѣ за нею, но скоро вспомнили, что учительница имъ запретила, и что не хорошо бы было ее ослушаться.

Одна Аннушка, младшая изъ всѣхъ, не хо-

шя воспрошивиться своему желанію, побѣжала къ грушѣ, подняла ее и сказала сестрицамъ: я ее благополучно скушаю, а вы будшо не видите!

Послѣ сего идетъ учительница: малютки всѣ побѣжали къ ней на встрѣчу, и она стала ихъ спрашивать, были ли онѣ послушны.

Три старшія увѣряли ее безъ всякаго смущенія, потому что онѣ были правы, а праваго человѣка совѣсть не укоряетъ; но Аннушка стояла покраснѣвъ какъ нѣмая.

Хорошо, сказала учительница, вамъ тремъ позволяю я идти вонъ въ этотъ уголокъ сада и кушать тамъ вишни и малину; на васъ можно положиться, что вы ничего незрѣлаго или запрещенаго кушать не станете. Я между тѣмъ пойду и буду сидѣть въ бесѣдкѣ.

Но ты, Аннушка, не можешь участвовать въ ихъ удовольствіи, потому что ты безъ меня запрещенныхъ плодовъ накушаешся, или отъ многаго объяденія занеможешь, а я еще имѣю столько къ тебѣ любви, что не хочу тебя до того допустить.

Аннушкѣ было весьма чувствительно, она сожалѣла о своемъ непослушаніи; но сія чувствительность послужила ей къ великой пользѣ.

А именно, она подала ей поводъ одуматься и узнать, въ какую опасность каждую минуту вдается дитя подверженное сему пороку, и для того Аннушка съ тогожъ часа твердо вознамѣрилась всегда быть послушною.

Она сіе исполнила и наслаждалась, какъ и прочія ея сестрицы, любовію всѣхъ тѣхъ, которые ее знали, и могла уже во всѣхъ забавахъ позволяемыхъ тѣмъ, безъ всякаго опасенія брать равное съ ними участіе.

СЛОВА БѢДНАГО НИКОЛКИ, КОГДА ОНЪ УСЛЫШАЛЪ О БОЛѢЗНИ БОГАТАГО ПЕТРУШИ:

Петруша нездоровъ? Петруша захворалъ?
Которой такъ вчера былъ веселъ и игралъ?
По этому, хоть кто богатъ и всѣмъ доволенъ,
Но съ бѣднымъ наровнѣ быть можетъ также
болень?

Я этова не зналъ.

Любимый сынъ отца, отъстолькаго достатку
Петрушаль жизнь свою не могъ содѣлать
сладку?
Ни въ чѣмъ и никогда онъ нужды не имѣлъ,
Одѣтъ былъ хорошо, со вкусомъ пилъ и ѣлъ,
А терпитъ лихорадку!

Мы съ братомъ Ѳединькой безъ нужды ни на
часъ,
Ѣдимъ лишь чорствой хлѣбъ и пьемъ за рѣд-
кость квасъ;
Однако дни свои не худо провождаемъ:
Мы веселы, поемъ, мы рѣзвимся, играемъ,
И нѣтъ здоровѣй насъ.

Не всходятъ и на умъ намъ мысли прихот-
ливы,

Не ѣвши съ роду сливъ для насъ рябина сливы.
Благодарю тебя всѣмъ сердцемъ и умомъ,
О Творче! что меня не сдѣлалъ ты Петромъ:
Не онъ, а мы щасливы.

ДАМЕТЪ И ДОРИСА.

ДАМЕТЪ.

Ахъ! что мнѣ дѣлать? боюсь показаться батюшкѣ. Какъ будетъ онъ тужить о васъ, бѣдныя козы!—Нѣтъ! Я не могу видѣть слезъ его; лучше пойду.....пойду, куда глаза глядятъ. Бѣдной я!

ДОРИСА.

О чѣмъ ты плачешь, Даметъ?

ДАМЕТЪ.

Ахъ, Дориса! кабы ты знала каково мнѣ! подумай только: двѣ козы, которыхъ мнѣ батюшка велѣлъ пасти, спрыгнули съ горы и убились до смерти! У бѣднаго старика только и всего имѣнія было; мы питались ихъ молокомъ. Теперь что намъ осталось? Чѣмъ мы будемъ жить? Бѣдныя козочки! какъ я ихъ любилъ! Онѣ часто играли со мною на травѣ; часто лежали смирнехонько у ногъ моихъ, когда я подъ тѣнію древесъ сидѣлъ. Я нарочно ходилъ выбирать любимую имъ травку, кормилъ ихъ изъ своихъ рукъ, водилъ всегда къ чистому источнику, холилъ ихъ, мылъ, и прежде самъ не ложился спать, покуда ихъ не отводилъ въ хлѣвокъ. Теперь ужъ ихъ нѣтъ! ахъ ахъ!

ДОРИСА.

Но какимъ образомъ это сдѣлалось? Для чево ты за ними не смотрѣль?

ДАМЕТЪ.

Я на часокъ предъ тѣмъ сошелъ съ горы въ долину, и искалъ тамъ цвѣтовъ, чтобъ сплести себѣ вѣнокъ. Между тѣмъ какъ я хожу и рву цвѣтки, Тирсисова большая собака съ другой стороны горы бѣжитъ во всю мочь и лаетъ: бѣдныя мои козочки испугавшись бросились съ горы безъ памяти! я кричу, бѣгу; но прибѣжалъ уже тогда, когда онѣ мертвыя у ногъ моихъ лежали!

ДОРИСА.

Бѣдной ты!

ДАМЕТЪ.

Ахъ! не тужи о мнѣ, тужи лучше о моемъ отцѣ: ты знаешь какъ онъ бѣденъ, а теперь я его еще бѣднѣе сдѣлалъ, лишилъ послѣдняго: О Дориса! утѣшь его безъ меня: я во вѣки ему не покажусь, уйду куда глаза глядятъ.

ДОРИСА.

Ты безумствуешь, Даметъ; развѣ ты хочешь больше его опечалить? ты знаешь, какой онъ доброй, тотчасъ тебя проститъ.

ДАМЕТЪ.

Такъ, Дориса; но сіе то самое, что я его люблю и онъ меня любитъ, пуще меня сокрушаетъ: я не могу на горесть его смотрѣть.

ДОРИСА.

Послушай, Даметушка; останься съ нами. Какъ можешь ты любить отца и наводить ему такую жестокую печаль? Останься и только молчи! Ты вѣдаеть, какъ я богата, и что на здѣшнихъ поляхъ стадо мое всѣхъ больше: какую розницу могутъ мнѣ сдѣлать двѣ козы? Пойдемъ, мой другъ, я тебѣ ихъ съ радостію подарю.

ДАМЕТЪ.

О Дориса! — О любезная! — Ахъ ты мнѣ жизнь возвращаешь!

ДОРИСА.

Какъ щасливъ тотъ, кто можетъ дѣлать добро другимъ!

ДАМЕТЪ.

Теперь пойду я къ батюшкѣ. Какъ бѣдный старикъ обрадуется! Какъ будетъ онъ тебѣ благодаренъ! пойдемъ—Но нѣтъ! возьмемъ козъ и приведемъ къ нему сами—ОДориса! скажи,

какъ мнѣ тебя любить? какъ оказать тебѣ свою благодарность?

ДОРИСА.

Молчи!—Двѣ козы прежде были у тебя, а теперь, чтобъ больше обрадовать твоего отца, я тебѣ даю трехъ овецъ матокъ и съ ягнятками.

ДАМЕТЪ.

О небо!—Я умру отъ радости! Дориса! любезная Дориса! нѣтъ! этова много!

ДОРИСА.

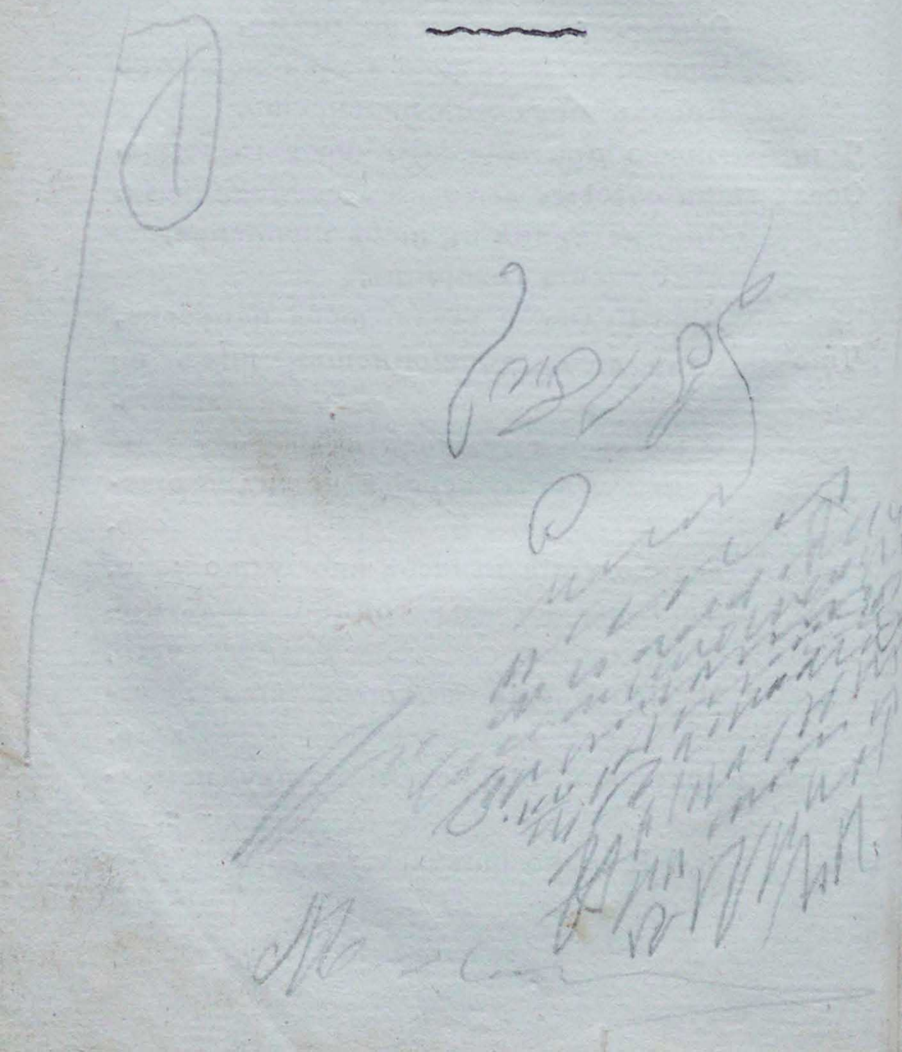
Пойдемъ, возьми изъ моего стада козъ твоихъ и овецъ.

О люди! есть ли что сладостнѣе удовольствія благодѣтельствовать себѣ подобнымъ?

ЛИСИЦА И ЛѢВЪ.

Лисица льва на единѣ узрѣвъ,
Поджавши хвостъ пришла къ нему смиренно
И говоритъ уничиженно:
Высокомочный лѣвъ!
Осмѣлюсь донести не ложно,
Что по моей къ тебѣ любви не можно
Никакъ того мнѣ перенесть,
Что бы твою при мнѣ кто трогалъ честь.
Оселъ меня совсѣмъ выводитъ изъ терпѣнья:
Онъ, не храня къ тебѣ почтенья,
Мнѣ часто говоритъ,
Что будто я хвалю тебя напрасно,
Что онъ въ тебѣ достоинствъ тѣхъ не зритъ,
О коихъ я ему толкую ежечасно;
Что будто мужества не видно твоего,
Великодушія въ тебѣ что будто мало,
Что ты похвальнаго не сдѣлалъ ничего,
И Правосудія въ тебѣ что небывало.
Лѣвъ, выслушавъ сіе, съ минутку помолчалъ,
И тако отвѣчалъ:

Равны мнѣ ваши лицы,
На гнусну лесть лисицы,
И на Ослову брань и гнѣвъ
Не смотритъ лѣвъ.

ВИТТИНГТОНЪ.

Въ Лондонѣ (вы я думаю знаете, гдѣ этотъ городъ лежитъ?) богатой нѣкто купецъ принялъ къ себѣ въ домъ одного пребѣднаго сироту, у котораго отецъ и мать умерли.

Мальчикъ этотъ назывался Рихардъ Виттингтонъ. Съ начала, для того что онъ еще очень малъ былъ, не употребляли его ни къ какому дѣлу: и такъ онъ бѣгалъ только вездѣ въ домѣ.

Но онъ нашелъ самъ себѣ дѣло: сталъ прилѣжно сбирать и прятать потерянныя булавки и брошенныя голландскія нитки, которыми купцы увязываютъ свои товары. Когда онъ дюжины двѣ булавокъ и довольно толстой пучокъ голландскихъ нитокъ собралъ, то принесъ ихъ къ господину своему въ кабинетъ.

Господину его это понравилось: мальчикъ этотъ, подумалъ онъ, можетъ со временемъ быть вѣрный и бережливый смотритель за домомъ. Съ того времени онъ больше занимался имъ и полюбилъ его.

Однажды окотилась кошка: одинъ изъ людей того дома взялъ маленькихъ котятъ и понесъ ихъ бросить въ рѣку; мальчикъ выпросилъ себѣ одного котенка съ тѣмъ, чтобъ его вскормить и послѣ продать. Дали ему, онъ кормилъ его, котенокъ выросъ и сталъ прекраснѣйшій котъ.

Спустя нѣкоторое время купецъ отправлялъ въ далекую землю большой корабль съ товарами для продажи тамъ оныхъ. Когда онъ шелъ на него посмотрѣть, все ли порядочно укладено, мальчикъ встрѣтился съ нимъ, и котъ у него на рукахъ.

Рихардъ, сказалъ ему купецъ, нѣтъ ли у тебя чего отправить за море на продажу?—Ахъ сударь, отвѣчалъ мальчикъ, вы знаете, что я бѣденъ и ничего не имѣю, кромѣ этова кота.

Ну такъ пошли кота, сказалъ купецъ. Рихардъ пошелъ за нимъ на корабль, оставилъ тамъ своего кота, и просилъ чтобъ его продали. Корабль поплылъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ корабельщикъ присталъ къ одному острову, которой до того времени со всемъ не извѣстенъ былъ. Вышли

на берегъ и услышали, что на этомъ острову владѣетъ Король.

Король лишь только узналъ о прибытіи въ землю его чужестранцовъ, то велѣлъ ихъ позвать къ себѣ обѣдать. Кушанья на столѣ было много, но почти ничего ѣсть не льзя.

Въ горницѣ такая пропасть была мышей и крысъ, и такихъ смѣлыхъ, что онѣ стадами по столу бѣгали, пожирали кушанья, и даже изъ рукъ у гостей куски хватали.

Не могли найти никакова способа къ избавленію отъ нихъ, хотя Король тому, кто этотъ способъ сыщетъ, обѣщалъ дать кучу золота въ награду.

Чужестранцы услышавъ сіе сказали Королю, что они привезли съ собою звѣря, которой всѣхъ мышей и крысъ передавитъ; и велѣли принесть кота.

Тутъ-то было чего посмотрѣть, какъ онъ началъ всѣхъ мышей пырять! черезъ полъ часа ни одна крыса не смѣла показать носу.

Король такъ этому обрадовался, словно какъ бы кто ему другое царство подарилъ; и

какъ онъ имѣлъ неизчерпаемое богатство, то и далъ за кота цѣлую бочку золота. Корабль поплылъ назадъ.

Купецъ лишь только услышалъ, сколько за кота денегъ дали, то позвалъ къ себѣ мальчика, расказалъ ему о его щастіи, увѣрилъ его, что все это золото ему одному принадлежать будетъ.

Потомъ обучилъ онъ его торговымъ дѣламъ, и какъ увидѣлъ, что сей молодой человѣкъ продолжаетъ быть трудолюбивъ, вѣренъ и бережливъ, то по пришествіи его въ совершенный возрастъ, выдалъ за него за мужъ единородную дочь свою, и сдѣлалъ его наслѣдникомъ всего своего имѣнія.

ИСТИННЫЙ БРАТЪ.

Преставился отецъ, осталися три сына:
Они имѣніе дѣлятъ между собой,
И всякъ изъ нихъ потомъ въ удѣлъ отходитъ свой.
По нѣсколькихъ годахъ жестокая судьбина
Послала въ ту страну
Кровавую войну:
Отъ непріятельскихъ орудій обнаженныхъ,
Изъ селъ и изъ домовъ своихъ возженныхъ
Всѣ жители бѣгутъ,
И страхъ одинъ съ собой бѣгущіе несутъ.
Два брата изъ троихъ, которы раздѣлились,
При общей пагубѣ людей
Всего имѣнія, всѣхъ благъ своихъ лишились,
А съ ними и надежды всей.
Но третій братъ изъ нихъ остался невредимо,
Гроза сія его прошла по щастью мимо.
Услышавъ о своихъ онъ братьяхъ, что они
Всего лишенны,
Проводятъ въ бѣдствѣ дни,
Свирѣпаго врага рукою разоренны,
Вѣщаетъ самъ себѣ: такъ я одинъ богатъ,
А братья будутъ нищи,
Шататься день и ночь безъ пищи? . .
Какой я буду братъ!

Сіе сказавъ тотчасъ письмо приготовляетъ,
Немедлѣнно гонца по братьевъ посылаетъ:
Они пріѣхали . . . Се братская любовь!
Онъ съ ними часть свою дѣлитъ по равну
вновь.

РАЗГОВОРЪ ВЪ САДУ.

Дѣйствующія лица:
Доброумъ, надзиратель.
Графъ Николай, семи лѣтъ.
Иванъ, работникъ двенатцати лѣтъ.
Графъ Андрей, осми лѣтъ.
Фока, рыбакъ.

Гр. Николай.

Какъ этотъ малой (*указывая на Ивана*) въ грязи роется! посмотрите, господинъ Доброумъ, какъ онъ весь замаранъ! фуй! гадко на него смотрѣть!

Доброумъ.

Такъ, это правда; но за чемъ онъ это дѣлаетъ?

Гр. Николай.

Какъ за чемъ? онъ копаетъ гряду подъ спаржу и выбрасываетъ изъ нее худую траву.

Доброумъ.

Да на что это?

Гр. Николай.

Чтобъ спаржа лучше росла.

Доброумъ.

А!... такъ онъ это для насъ работаетъ?

Гр. Николай.

Иведомо. Не ужлижъ ему самому обжираться спаржею.

Доброумъ. (*постоявъ нѣсколько и смотря съ ласкою на Ивана.*)

Бѣдной малой! какъ онъ трудится! посмотри онъ замаранною рукою потъ съ лица своего отираетъ. Я дивлюсь, что онъ не броситъ работу и не уйдетъ.

Гр Николай.

О! этова онъ сдѣлать не смѣетъ,

Доброумъ.

Не смѣетъ?—для чего?

Гр. Николай.

Развѣ вы не знаете, что онъ сынъ нашева Петра, которой живетъ тамъ вонъ близко житницъ?

Доброумъ.

Онъ сынъ ево? этова толстова мужика, которой, какъ мы были на сѣнокосѣ, такъ былъ прилѣженъ и веселъ?

Гр. Николай.

Такъ, такъ; и которой хотѣлъ еще изъ своей кружки меня напоить.

Доброумъ.

Предоброй человѣкъ! а самъ имѣлъ въ томъ такую нужду, потому что тогда было очень жарко!

Гр. Николай.

Да кто бы изъ ево кружки пить сталъ? фуй! подлинно что подлые люди иногда бываютъ въ тягость: грубый рыбакъ нашъ, Фока, всегда подаетъ мнѣ руку, а она у него такая мерзкая!

Доброумъ.

Конечно, кожа на его рукахъ отъ работы сдѣлалась толстою, а учтивостямъ свѣтскимъ онъ не научонъ. — Чтобы ты сказалъ, Графъ, естьли бы батюшка твой всѣхъ этихъ людей изъ своей деревни выгналъ, а на мѣсто ихъ набралъ бы все чистоплотныхъ и опрятныхъ?

Гр. Николай.

То-то бы было хорошо!

Доброумъ.

Чтобъ это все такіе люди были, съ которыми могли бы мы прогуливаться, ходить къ нимъ въ гости; они бы хорошо были одѣты, имѣли у себя чистинькія ручки, и слѣдственно не были бы такъ гнусны и отвратительны какъ сіи?

Гр. Николай.

Ахъ! кали бы батюшка это сдѣлалъ!

Доброумъ.

Попробуемъ, станемъ говорить ему, можетъ быть онъ на это и согласится. Хочешь ли?

Гр. Николай.

Хочу, очень хочу!

Доброумъ.

Но—одно мнѣ на умъ приходитъ.

Гр. Николай.

Что такое?

Доброумъ.

Я думаю, ктожъ въ будущую осень намолотитъ намъ хлѣба? Вить сіи люди въ чистинькихъ платьицахъ и съ бѣлинькими ручками сдѣлать этова не могутъ!

Гр. Николай.

О! хлѣба мы можемъ купить сколько намъ надобно.

Доброумъ.

Купить?—да то, на что покупаютъ, деньги то откуда мы возьмемъ? Вить ты знаешь, что прикащикъ всегда къ батюшкѣ твоему приноситъ большой мѣшокъ, когда продастъ хлѣбъ.

Гр. Николай.

Да, это правда.

Доброумъ.

А запачканой рыбакъ, когда отнесетъ нѣсколько карповъ на рынокъ, не приноситъ ли также съ собою денегъ?

Гр. Николай.

Да, онъ это дѣлаетъ.

Доброумъ.

А другой запачканой мужикъ, которой всегда на скотномъ дворѣ навозъ нюхаетъ, когда онъ накопитъ нѣсколько кадокъ жолтова масла, не достаетъ ли чрезъ то деньги?

Гр Николай.

Такъ, это правда.

Доброумъ.

И чтобы мы стали дѣлать, естьли бы у насъ денегъ не было? намъ бы надлежало или умереть съ голоду, или милостину просить. Кому мы тѣмъ обязаны, что не имѣемъ въ этомъ нужды?

Гр. Николай.

Тѣмъ, которые достаютъ намъ деньги.

Доброумъ

Слѣдственно этимъ чорнымъ мужикамъ

и работникамъ, этому скотнику и этому рыбаку съ жосткими руками и въ запачканомъ платьѣ! Могли ли бы сіи бѣлоручки, которыхъ бы мы на мѣсто ихъ набрали, доставать намъ столько какъ они? могли ли бы тѣ работать?

Гр. Николай.

О, нѣтъ! они бы этова не могли.

Доброумъ.

Конечно нѣтъ; ибо ежели бы имъ надлежало ворочать такія глыбы земли, какія вонъ этотъ Иванъ ворочаетъ, то бы они скоро отказались. Помнишь ты, братецъ твой Андрей не успѣлъ три раза ударить молотилкою, какъ уже весь вспотѣлъ и усталъ.

Гр. Николай.

Да, да, это правда, и я не понимаю, какъ простолюдинцы могутъ цѣлой день сносить такую работу.

Доброумъ.

Имъ также не легко, и для того должны мы имъ всячески благодѣтельствовать; однакожъ имъ и не такъ трудно, какъ бы это было намъ, потому что члены ихъ отъ работы сдѣлались тверже нашихъ, да и пища ихъ тому соотвѣтствуетъ.

Гр. Николай.

О какая худая ветчина со ржавщиною и какой чорной хлѣбъ!

Доброумъ.

Такъ! но притомъ доброй послѣ трудовъ голодъ, которой дѣлаетъ то, что грубая ихъ пища гораздо для нихъ вкуснѣе, нежели для насъ лакомыя наши яства.

Гр. Николай.

Будто!

Доброумъ.

А вотъ ты тотчасъ услышишь. Иванъ рѣшитъ это дѣло. (*Они возвращаются назадъ по дорогѣ, а Иванъ работаетъ*). Богъ помочь, Иванъ!

Иванъ. (*Взглянувъ на нихъ и потомъ опять продолжая работать*)

Спасибо!

Доброумъ.

Чай трудно тебѣ, Иванъ?

Иванъ. (*смотритъ на него и усмѣхается*).

Трудно?—Нѣтъ, не трудно. (*Продолжаетъ работать.*)

Доброумъ.

Нѣтъ? — Но не лучше ли бы ты желалъ

быть на мѣстѣ Графа Николая и по саду прогуливаться?

Иванъ. (*Не смотря на него*).

Нѣтъ, не хочу.

Доброумъ.

А хотѣлъ либъ ты носить такія прекрасныя платья, какъ у маленькаго Графа?

Иванъ.

Нѣтъ, што мнѣ въ нихъ.

Гр. Николай. (*тихо ко Доброуму*).

Какъ онъ простъ!

Доброумъ.

Ты бы тогда съ Графомъ вмѣстѣ садился за однимъ столомъ, и ужь бы вѣрно тамъ сытнѣе наѣдался, нежели здѣсь твоею ветчиною и чорствымъ хлѣбомъ.

Иванъ. (*не переставая работать*).

Сытнѣе? нѣтъ.

Гр. Николай.

Какъ онъ глупъ!

Доброумъ.

Ты бы тогда и работать не сталъ.

Иванъ.

Нѣтъ? а штожъ бы мнѣ дѣлать?

Доброумъ.

Ты бы сталъ то дѣлать, что ты видишь дѣлаетъ Графь и другіе знатные люди. (*Иванъ смѣется сквозь зубы*) Какъ? ты и этова не хочешь?

Иванъ.

Нѣтъ, я не хочу быть бояриномъ.

Г. Николай. (*вынувъ свои часы.*)

Не ужъ ли бы ты и этакихъ хорошихъ часовъ не хотѣлъ у себя имѣть.

Иванъ. (*смотря на нихъ.*)

На што мнѣ это?

Гр. Николай.

Узнавать какое на дворѣ время.

Иванъ.

И! да какъ я выду изъ избы, да взгляну на солнышко, такъ все и узнаю.

Доброумъ. (*примѣтя Графа въ нѣкоторомъ смущеніи*).

Такъ ты думаешь, что тебѣ также хорошо жить у твоего отца какъ бы и у Графа въ домѣ?

Иванъ.

Мнѣ дома лучше.

Доброумъ.

И ты по этому всегда хочешь оставаться тѣмъ же Иваномъ?

Иванъ.

Да.

Доброумъ.

И отецъ твой также разсуждаетъ?

Иванъ.

Такъ; онъ баитъ: бѣдной человѣкъ да доброй, кали боится Бога да хорошо работаетъ, такъ онъ лучше лихова Царя.

Доброумъ.

Правда твоя, Иванушко; оставайся ты таковымъ съ Богомъ. (*Они съ Графомъ идутъ далѣе*) Видишь ли, любезной Графъ, какъ довольны и добросердечны сіи бѣдные люди. Не сказалъ ли я тебѣ, что онъ худую пищу свою не промѣняетъ на наши соусы и паштеты? (*Они оглядываются еще на Ивана, которой въ то время поднявъ съ земли ветчину свою и хлѣбъ начинаетъ ѣсть*). Видишь ли, какъ онъ алчно кушаетъ!

Иванъ. (*услыша на дворѣ шумъ бѣжитъ тотчасъ туда.*)

Цицъ! волкибъ тя зарѣзали! — (*А имянно онъ увидя сквозь вороты, что большая на цѣпи привязанная собака облапила старшаго Графа Андрюшу, которой ее дразнилъ, бросился туда сломя голову, кинулъ ей хлѣбъ свой съ ветчи-*

ною, и собака пустила Графа.) Не укусилаль она тебя, бояринъ?

Гр. Андрей.

Нѣтъ, нѣтъ; только пожалуй тише, чтобъ никто этова не видалъ.

Доброумъ. (*пришедъ*).

А для чего бы это, любезной Графъ? — По крайней мѣрѣ будь доволенъ, что Иванъ на этотъ разъ увидѣлъ; ибо между многими можетъ быть никто бы тебѣ такой услуги не оказалъ какъ онъ, хлѣбомъ своимъ и ветчиною. Спасибо тебѣ доброй малой!

Иванъ.

Незачто——Впередъ бояринъ не дразни, она съѣстъ.

Гр. Андрей.

Правда твоя, Иванъ, правда. (*Отрясываетъ свое платье*).

Гр. Николай. (*обнимая его*).

Полно не укусила ли она тебя, братецъ?

Гр. Андрей.

Нѣтъ, нѣтъ, будь спокоенъ и не дѣлай по моему. Господинъ Доброумъ, я тотчасъ приду къ вамъ назадъ, только слово скажу Ивану. (*Идетъ къ нему въ садъ*).

Доброумъ. (*съ меньшимъ Графомъ стоя на дворѣ.*)

Ну, Графъ! что ты теперь скажешь о Иванѣ? еще ли онъ тебѣ кажется такъ простъ и гнусенъ, что нельзя на него безъ омерзѣнія смотрѣть?

Гр. Николай.

Ахъ, нѣтъ! я ево очень полюбилъ.

Доброумъ.

Онъ это и заслуживаетъ, а съ нимъ вообще всѣ люди, которые обыкновенно также какъ онъ неутомимы въ трудахъ, довольны своимъ состояніемъ, добросердечны и съ охотою всякому помогаютъ, какъ скоро имѣютъ къ тому случай. Пречестные люди! не больше ли они для насъ трудятся, нежели для самихъ себя?

Гр. Николай.

Ахъ! такъ, это правда.

Доброумъ,

И не должны ли мы за то быть къ нимъ доброжелательны, стараться облегчать ихъ труды и благодарить Бога, что онъ такихъ намъ далъ помощниковъ, которые для насъ больше дѣлаютъ, нежели мы сами?—Конечно, кто презираетъ мужика, или еще дѣлаетъ ему

зло, тотъ долженъ быть весьма глупый или весьма злой человѣкъ; глупый, потому что не знаетъ, сколь полезно и достопочтенно сіе состояніе; злой, по тому что собственному благодѣтелю своему вредитъ. — Или не назовемъ мы благодѣтелемъ того, кто намъ благо дѣлаетъ? а сіи добрые и трудолюбивые люди не дѣлаютъ ли намъ ежедневно много добра своими трудами?

Гр. Николай.

Такъ, это подлинно правда. Отнынѣ я ихъ всегда любить буду. (*Между тѣмъ увидя рыбака бѣжитъ къ нему на встрѣчу и подаетъ ему руку*). Здорово, Фока, здорово!

Фока.

Дай тебѣ Господь много лѣтъ здравствовать, кормилецъ мой! — (*Графъ Николаи ведетъ его за руку къ надзирателю*).

ВЕСНА.

Сталъ воздухъ синь и теплъ, долина зелена,
Лилеи разцвѣтаютъ,
Струи въ брегахъ играютъ.
Пріятная весна,
Какъ дѣва красная ко браку разряженна,
Роскошствуя вездѣ блистаетъ изпещренна.

Желающій ея пріятности вкушать,
Въ поля идетъ избранны,
Въ луга благоуханны,
И сѣвши отдыхать
Подъ тѣнью тамъ древесъ, гордящихся ли-
стами,
Восхвалитъ Господа и сердцемъ и устами.

НАТАША.

Наташа всѣхъ превосходила
Чрезмѣрной рѣзвостью дѣтей,
И что ей мать ни говорила,
Безъ пользы было то для ней.

Играть однажды въ жмурки стала
И какъ мужикъ она блажной
По стульямъ, по столамъ скакала,
Кричала бѣгая: гей, гой!

Лице ея какъ угль горѣло
И потъ съ нее ручьями лилъ,
Въ ней сердце билось и кипѣло,
Дышать почти не стало силъ.

Тихонько такъ она уходитъ,
Оставя на часокъ игру,
И воду свѣжую находитъ,
Чемъ жажду утолить въ жару.

Сладка ей кажется водица!
Но братъ Петруша въ слѣдъ за ней
Бѣжитъ крича: постой сестрица!
Я матушкѣ скажу, не пей!

Она рукою погрозила,
И воду выпивъ всю со льдомъ,

Бѣда твоя, проговорила,
Коль скажешь ты кому о томъ.

Петруша самъ не вѣдалъ много,
За что бранитъ за это мать,
И не судя объ этомъ строго,
Направилъ ноги вновь скакать.

На завтра тотчасъ онъ приходитъ
Наташу видѣть по утру;
Но ахъ, въ коль жалостномъ находитъ
Онъ состояніи сестру!

Бѣдняшка вопитъ со слезами,
Ни сѣсть ни лечь ей не даетъ,
Какъ будто острыми иглами
Ее кто колетъ, такъ реветъ!

Петруша побѣжалъ стоная,
Тоску свою онъ въ садъ понесъ,
Тамъ руки къ верьху воздѣвая
Онъ проситъ помощи съ небесъ.

Межъ тѣмъ лѣкарство составляютъ,
Наташѣ въ ложкѣ подаютъ;
Къ нещастію не помогаютъ
Ни прозьбы ни угрозы тутъ:

Она ту ложку прочь толкая

Кричитъ лишь: горько! нѣтъ! ой нѣтъ!
Мать тщетно говоритъ лаская:
Принудь себя, прими, мой свѣтъ!

И лѣкарь какъ ни ублажаетъ,
То посулитъ здоровье ей,
То смертью злою угрожаетъ,
Не слушаетъ его рѣчей!

Болѣзнь межъ тѣмъ усугублялась,
И ахъ! на утренней зарѣ,
Наташа бѣдная скончалась
Лежала мертвая въ одрѣ!

Тогда Петруша вдругъ вбѣгаетъ;
Сестру зря блѣдну предъ собой,
На тѣло съ крикомъ упадаетъ,
И тутъ же вѣкъ кончаетъ свой.

Тѣла ихъ вмѣстѣ положили,
И надъ могилой сдѣланъ знакъ.
Сіе отъ Лейбцига съ полъ мили;
Кто ѣдетъ мимо, видитъ всякъ.

ДѢТСКІЕ РАЗГОВОРЫ,

Толкующіе о вещахъ, умствованіемъ постигаемыхъ, и служащіе пищею разуму.

РАЗГОВОРЪ I.

О томъ что такое тѣло.

Дитя.

Батюшка! я спросилъ севодни у дядюшки, что такое мѣсяцъ? а онъ мнѣ сказалъ тѣло. Я не могу этова понять. Мѣсяцъ совсѣмъ не похожъ на человѣка, а мнѣ кажется тѣло только у человѣка бываетъ.

Отецъ.

Нѣтъ, мой другъ; дядюшка правду сказалъ. Надобно только тебѣ выучишься разумѣть, что такое тѣло.

Дитя.

Да какъ же я это сдѣлаю?

Отецъ.

Послушай прилѣжно, такъ я тебѣ растолкую. Всѣ тѣ вещи называются тѣлами, которыя можно глазами видѣть, и рукою ощупать. Ты самъ себя можешь видѣть и щупать или осязать: и такъ ты—

Дитя.

Тѣло!

Отецъ.

Да, тѣло. А вонъ этотъ камень, которой тамъ лежитъ, тѣло ли онъ?

Дитя.

Я думаю.

Отецъ.

Можешь ли ты его видѣть?

Дитя.

Могу.

Отецъ.

А рукою осязать или пощупать?

Дитя.

И то могу.

Отецъ.

Итакъ камень есть тѣло. Далѣе: вонъ это дерево, которое тамъ стоитъ, можешь ли ты его видѣть?

Дитя.

Могу.

Отецъ.

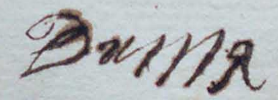
А щупать?

Дитя.

Также могу.

Отецъ.

Слѣдовательно и дерево также есть —

Дитя.

Тѣло.

Отецъ.

Теперь станемъ говорить о мѣсяцѣ. Можешь ли ты его видѣть?

Дитя.

Какъ же, я по ночамъ всегда его вижу на небѣ.

Отецъ.

А можешь ли ты осязать, пощупать, дотронутся до него рукою?

Дитя.

Нѣтъ, этова я не могу.

Отецъ.

Для чего не можешь? для того что онъ отъ насъ далекъ, такъ ли? но ежели бы ты могъ подойти къ нему близко, то бы и ощупать его могъ, точно также, какъ можешь ощупать землю, на которой ты стоишь.—вонъ, на примѣръ, этотъ домъ: ты видишь его, но можешь ли до него дотронуться?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Для чего нѣтъ?

Дитя:

Для того, что онъ далеко отселѣ.

Отецъ.

Чтожъ? не ужъли для этова ты не сочтешь его тѣломъ?

Дитя.

Сочту, потому что естьли бы я тамъ подлѣ него былъ, такъ могъ бы до него дотронуться.

Отецъ.

Такъ, ты справедливо разсуждаешь. Равнымъ образомъ естьли бы ты и подлѣ мѣсяца былъ, то также могъ бы до него дотронуться; но туда не можемъ мы взойти.

Дитя.

Для чегожъ не можемъ?

Отецъ.

Для того, что между нами и мѣсяцомъ ничего нѣтъ, кромѣ воздуху; а по воздуху мы летать не можемъ.

Дитя.

Какъ жаль; о кабы это можно было!—Но что такое воздухъ?

Отецъ.

Воздухъ есть также тѣло.

Дитя.

И! батюшка, вы надо мною шутите! вить я не могу видѣть воздуха.

Отецъ.

Правда; но ты можешь его осязать или ощущать.

Дитя.

Извините, батюшка сударь, я и этова не могу.

Отецъ.

Не можешь? дай мнѣ свою руку. *(Онъ дуетъ на нее)*. Ощущаешь ли ты что нибудь?

Дитя.

Ощущаю вѣтръ.

Отецъ.

Вѣтръ этотъ не иное что, какъ воздухъ, которой я изорту на твою руку пускаю: ты можешь его ощущать, а потому и онъ —

Дитя.

Долженъ быть тѣло.

Отецъ.

Но вотъ здѣсь тѣнь моя; видишь ли ты ее?

Дитя.

Вижу.

Отецъ.

А можешь ли осязать ее, взять руками?

Дитя.

Я посмотрю. *(Хватаетъ тѣнь)*. Нѣтъ, батюшка, я не могу ее осязать.

Отецъ.

Стало быть тѣнь не есть тѣло.

Дитя.

Чтожъ она такое?

Отецъ.

Тѣнь собственно есть ничто, одно только пятно или мѣсто, на которое свѣтъ не падаетъ, для того, что какое нибудь тѣло заслонетъ его отъ онаго. — Помниже: все то, что ты видѣть и ощупать, особливоже что ощупать можешь, когда ты стоишь подлѣ, все то есть тѣло. И такъ солнце, мѣсяцъ, звѣзды, птицы, деревья, камни и проч. все это тѣла, потому что ты всѣхъ ихъ видѣть, и коли близко стоишь, то и ощупать или осязать можешь.

Дитя.

Батюшка, я выдумалъ загадку!

Отецъ.

Какую? скажи.

Дитя.

Что такое, что мы видѣть можемъ, а ощупать нѣтъ, хоть бы подлѣ стояли?

Отецъ.

Очень хорошо! это должна быть тѣнь.

Дитя.

Ахъ, батюшка! вы отгадали. Ну теперь побѣгу я къ сестрицѣ Варинькѣ, и ей загадаю. Какъ она станетъ надъ этимъ голову ломать!

РАЗГОВОРЪ II.

О разности между словами человѣкъ и существо.

Отецъ.

Васинька, что ты такое?

Дитя.

Я человѣкъ, батюшка.

Отецъ.

А что такое человѣкъ?

Дитя.

Человѣкъ есть—человѣкъ есть—

Отецъ.

Чтожъ такое? я вижу ты не можешь найти приличнаго слова.

Дитя.

Человѣкъ есть—я право не знаю какъ бы это сказать.

Отецъ.

Ну ежели ты скажешь: человѣкъ есть дерево?

Дитя.

Извините, батюшка: человѣкъ не дерево.

Отецъ.

Или вещица—можно ли сказать: человѣкъ есть вещица?

Дитя.

Нѣтъ, батюшка; я человѣкъ, но я не вещица.

Отецъ.

Ну инъ вещъ?—человѣкъ есть вещъ? каково тебѣ это кажется.

Дитя.

И это кажется не хорошо.

Отецъ.

Такъ я тебѣ скажу слово, которое ты въ разговорахъ употреблять можешь: *существо*. Человѣкъ есть существо.

Дитя.

Существо—существо—я этова не разумѣю.

Отецъ.

Видишь, мой другъ, когда мы чему нибудь такому, что мы видимъ или слышимъ, не умѣемъ дать настоящаго имени, то называемъ это вещію. Напримѣръ ты бы увидѣлъ соху въ полѣ, и не зналъ какъ ее назвать, тогда бы ты спросилъ: какая это вещъ? также употребляется слово сіе для сокращенія разговоровъ: напримѣръ, естьли бы на столѣ у тебя лежали книги, яблоко, часы, перстень, карандашъ, ножичекъ и проч., и

ты бы захотѣлъ приказать все это спрятать; тогда, вмѣсто чтобъ каждую изъ сихъ вещей называть по имени, ты бы гораздо короче сказалъ дядькѣ своему: спрячь эти вещи. Но для того то, что все, даже и самое презрительное, можно называть вещію, слово сіе становится низко, и неприличествуетъ, чтобъ прилагать оное къ человѣку; и какъ слово существо тожъ самое означаетъ, что и вещъ, того ради лучше говорить: человѣкъ есть существо, нежели человѣкъ есть вещъ. Итакъ человѣкъ есть существо, но какое существо?

Дитя.

Живое.

Отецъ.

И кошка также жива; не ужъ ли же кошка человѣкъ?

Дитя.

И! батюшка.

Отецъ.

Почемужъ не такъ, мой другъ?

Дитя.

Она совсемъ не похожа на человѣка.

Отецъ.

Это правда; но и люди не точно одинъ на другаго похожи; и такъ одного вида для

различенія сего не довольно.—Какъ называется все то, что мы у человѣка видимъ—голова его, шея, грудь, брюхо, ноги, и однимъ словомъ все?

Дитя.

Тѣло человѣческое.

Отецъ.

А какъ называется то невидимое живое существо, которое въ этомъ тѣлѣ живетъ, и самое тѣло дѣлаетъ живымъ?

Дитя.

Душа.

Отецъ.

Чтожъ ежели мы скажемъ: человѣкъ есть существо животное, составленное изъ души и тѣла?

Дитя.

Будетъ очень хорошо.

Отецъ.

Но у кошки есть ли тѣло?

Дитя.

Есть.

Отецъ.

А душа?

Дитя.

Этова я не думаю.

Отецъ.

Для чегожъ нѣтъ? развѣ кошечье тѣло не такое же живое, какъ наше? и развѣ нѣтъ въ немъ также невидимаго живаго существа, или души, которая сіе тѣло ея дѣлаетъ живымъ?

Дитя.

Да, это правда.

Отецъ.

Стало быть кошка есть также живое существо, составленное изъ души и тѣла? стало быть все равно, что кошка, что человѣкъ? —ты онѣмѣлъ, мой другъ, Васинька! не знаешь что отвѣчать? послушай, я тебѣ скажу въ чемъ состоитъ разность. Какъ ты думаешь, въ состояніи ли кошка, подобно намъ, о чемъ нибудь разсуждать? можетъ ли она понять, какъ ты теперь понялъ, что такое существо?

Дитя.

Нѣтъ, этова она не можетъ.

Отецъ.

Сіе то самое дѣлаетъ, что она имѣетъ *неразумную*, а мы имѣемъ *разумную* душу.

Дитя.

Ахъ! теперь я знаю какъ сказать, когда у меня спросятъ: что такое человѣкъ?

Отецъ.

Какъ же ты скажешь?

Дитя.

Я скажу: человѣкъ есть животное существо, состоящее изъ тѣла и разумной души.

Отецъ.

Вотъ это такъ! тогда всякой различитъ человѣка отъ кошки.

Дитя.

Но бываютъ ли другія существа, кромѣ человѣка и кошки?

Отецъ.

Другъ мой, мы можемъ всѣ вещи называть существами, хотя бы онѣ нимало другъ на дружку непоходили. Напримѣръ, человѣкъ совсемъ не то, что дерево; а дерево совсемъ не то, что камень; однако всѣхъ ихъ можно называть существомъ, для того что все то есть существо, что въ свѣтѣ находится или существуетъ.

Дитя.

Стало и звѣрей можно также называть существами?

Отецъ.

Конечно можно.

Дитя.

А цвѣты?

Отецъ.

И ихъ также.

Дитя.

Хорошо, я этова не забуду, и когда какой вещи не буду умѣть назвать, то назову ее существомъ.

Отецъ.

Такъ, моя душа! поцѣлуй же за это меня, ты мое милое существо!

РАЗГОВОРЪ III.

О томъ что такое часть.

Отецъ.

Петруша? всѣ ли ты части тѣла своего знаешь?

Дитя.

Да я не знаю, батюшка, что такое часть.

Отецъ.

Я тебѣ тотчасъ это растолкую. Посмотри, вотъ яблоко: я разрѣжу его пополамъ.

Теперь ты видишь два куска, или двѣ половины: одинъ изъ сихъ кусковъ можно ли назвать цѣлымъ яблокомъ?

Дитя.

Нѣтъ оба они дѣлаютъ цѣлое яблоко.

Отецъ.

Хорошо. Сіи то самые куски и называются частями. На сколько частей я разрѣзалъ яблоко?

Дитя.

На двѣ части.

Отецъ.

Могу ли я сіи двѣ части разрѣзать еще на многія части? на примѣръ, ежели я каждой изъ сихъ двухъ кусковъ разрѣжу по поламъ, сколько будетъ кусковъ?

Дитя.

Четыре.

Отецъ.

Хорошо. Итакъ яблоко это, которое было цѣлое, разрѣзано теперь на четыре куска; каждой такой кусокъ называется часть, и всѣ четыре части, когда мы ихъ сложимъ вмѣстѣ, составятъ цѣлое яблоко. Примѣчай же, мой другъ, что такимъ образомъ всѣ тѣла дѣлить можно, и ты самъ, то есть твое тѣло, также имѣетъ части.

Дитя.

Какъ, батюшка? да естьли мое тѣло разрѣзать на части, такъ я умру.

Отецъ.

Для различенія сихъ частей нѣтъ никакой надобности въ самомъ дѣлѣ отдѣлять ихъ. Я для того разрѣзалъ яблоко, чтобъ яснѣе тебѣ растолковать, и дать увидѣть то глазами, что ты послѣ и умомъ понять можешь. Вотъ другое цѣлое яблоко; оно неразрѣзано; можемъ ли мы его также разрѣзать?

Дитя.

Конечно можемъ.

Отецъ.

Стало быть можемъ и не разрѣзывая его знать, что оно имѣетъ части, которыя бы мы тотчасъ глазами своими увидѣли, когдабъ разрѣзали оное.

Дитя.

Да, это правда.

Отецъ.

Сверхъ сего есть тѣла, у которыхъ нѣкоторыя части сами по себѣ отдѣляются и довольно примѣтны. Взгляни на меня: ты видишь голову мою, шею, руки, ноги: Это части

моего тѣла. Ни которая изъ сихъ частей, одна, особо отъ другихъ, не составляетъ цѣлаго тѣла моего, подобно какъ отрѣзанной отъ яблока кусокъ не составляетъ цѣлаго яблока. На примѣръ голова моя—составляетъ ли она все мое тѣло?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Однако она есть часть человѣческаго тѣла, потому что принадлежитъ къ оному. Могу ли я руку мою назвать всемъ моимъ тѣломъ?

Дитя.

Нѣтъ, но она принадлежитъ къ вашему тѣлу.

Отецъ.

Слѣдовательно она есть часть моего тѣла. Тожъ разумѣется и о другихъ частяхъ или членахъ онаго, какъ-то: голова, носъ, глаза, уши, плечи, грудь, брюхо, ноги и проч. Но какъ части нашего тѣла не всѣ одинаковы, того ради нѣкоторыя изъ нихъ называются *жидкими*, а другія *твердыми*: знаешь ли ты что жидкое, и что твердое тѣло?

Дитя.

Не знаю хорошенько.

Отецъ.

Послушай же. Я сказалъ тебѣ, что всѣ тѣла можно раздѣлять. Вотъ стоитъ блюдо съ водою. Смотри: я стану ножикомъ разрѣзывать воду, примѣчаешь ли ты, чтобъ она разрѣзалась на куски, какъ давишнее яблоко?

Дитя.

Нѣтъ! она все таковова же, какъ и была.

Отецъ.

Это отъ тово, что части, которыя отдѣляю я ножемъ, опять вмѣстѣ соединяются: вотъ по этому можешь ты узнать всякое жидкое тѣло. Что само собою опять соединяется, когда раздѣлено будетъ, то называется жидкимъ; а что будучи раздѣлено, остается раздѣленнымъ, то называется твердымъ. На примѣръ: ежели я возму кусокъ дерева, и разрѣжу или расколю его пополамъ, то будутъ два куска; они не сольются опять вмѣстѣ, какъ вода: вотъ почему познается твердое тѣло. Ну! теперь и о другихъ вещахъ можешь ты сказать, которая изъ нихъ твердая, и которая жидкая. Напримѣръ уксусъ жидкое или твердое тѣло?

Дитя.

Жидкое.

Отецъ.

Пиво?

Дитя.

Жидкое.

Отецъ.

Сахаръ?

Дитя.

Твердое.

Отецъ.

Кровь?

Дитя.

Жидкое.

Отецъ.

Кости?

Дитя.

Твердое.

Отецъ.

Слезы?

Дитя.

Жидкое.

Отецъ.

Кожа?

Дитя.

Твердое.

Отецъ.

Изъ какихъ же частей состоитъ тѣло твое? изъ твердыхъ или жидкихъ?

Дитя.

Изъ твердыхъ и жидкихъ.

Отецъ.

А можетъ ли одно и тожъ тѣло быть иногда жидкое, иногда твердое?

Дитя.

Мнѣ кажется нѣтъ.

Отецъ.

Для чего жъ нѣтъ, мой другъ, масло коровье когда оно растоплено, есть жидкое тѣло, а когда опять застынетъ, то и сдѣлается твердымъ. Золото, серебро, мѣдь, олово, свинецъ, и многiя другiя твердыя вещи, также разтопляться могутъ.

РАЗГОВОРЪ IV.

О словѣ признакѣ.

Дитя.

Батюшка, сударь! вы мнѣ говорите, чтобъ я привыкалъ всегда размышлять, когда что вижу или слышу; скажите, да о чемъ же я размышлять стану?

Отецъ.

Обо всемъ, мой другъ; малоли что тебѣ

узнать надобно! когда ты что нибудь видишь или слышишь, что для тебя ново, или чего ты не знаешь хорошенько, то и подумай самъ въ себѣ: что это такое? изъ чего это состоитъ? какую приноситъ это пользу? и такъ далѣе. До чего самъ добраться не можешь, о томъ спроси у тѣхъ, которые тебя постарѣе и посвѣдущее: любопытствомъ пріобрѣтаются знанія.

Дитя.

Вотъ я и этова хорошенько не знаю, что такое любопытство.

Отецъ.

Любопытствомъ называется склонность, охота добираться, доспрашиваться, узнавать все то, чего мы не знаемъ. Любопытствовать значитъ любить испытывать.

Дитя.

А что такое пріобрѣтать знанія? какимъ образомъ это дѣлается?

Отецъ.

Знанія или свѣденія пріобрѣтаются чрезъ подробное разсматриваніе вещей. Мы тогда только прямо знаемъ вещь, когда можемъ ее отъ всѣхъ другихъ вещей отличать. Напримѣръ, вотъ цѣлая корзина разныхъ плодовъ:

можешь ли ты изъ этой кучи выбрать яблоко, называемое барштапелемъ?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Это отъ тово, что ты не знаешь сего рода яблоковъ, то есть тебѣ неизвѣстны *признаки*, по которымъ бы ты ихъ отъ другихъ яблоковъ отличать могъ. Но между сими плодами есть также и груши: знаешь ли ты грушу?

Дитя.

Знаю.

Отецъ.

Покажи мнѣ ее.

Дитя.

Вотъ груша, вонъ и другая.

Отецъ.

Почему же ты знаешь, что это груша, а не яблоко?

Дитя.

Потому что она непохожа на яблоко.

Отецъ.

А мнѣ кажется похожа: яблоко зелено, и груша зелена.

Дитя.

Да! но яблоко кругло, а груша продолговата и къ концу остра.

Отецъ.

Хорошо! стало быть ты по нѣкоторому признаку, по нѣкоторой примѣтѣ, различаешь грушу отъ яблока, а именно по виду, или образу. Груши имѣютъ иной видъ, иной образъ, не такой какъ яблоко. Но когда бы груши положить вмѣстѣ съ фигами, тогда бы этотъ признакъ не годился, потому что фиги также продолговаты и остры къ концу, какъ груши. Въ такомъ случаѣ для различія ихъ надлежало бы тебѣ прибѣгнуть къ другому признаку, а именно къ цвѣту, для того что свѣжія фиги имѣютъ темный, а груши зеленой или желтый цвѣтъ. Сдѣлаемъ еще примѣрецъ: вотъ три лѣнты: пускай одна изъ нихъ будетъ твоя, другую я возму себѣ, а третья пусть принадлежитъ маленькому твоему братцу. Смотри я ихъ перемѣшалъ: узнаешь ли ты теперь свою?

Дитя.

Вотъ она.

Отецъ.

Почему ты узналъ?

Дитя.

Потому что она красная, а обѣ другія не красныя.

Отецъ.

Хорошо; стало быть красной цвѣтъ служилъ тебѣ примѣтою или признакомъ. Но возмемъ теперь три красныхъ лѣнты, одну я, другую ты, а третью дадимъ брату. Я перемѣшаю ихъ; выбери свою.

Дитя.

Вотъ она.

Отецъ.

Почему ты знаешь? вить онѣ всѣ три красныя.

Дитя.

Потому что моя длиннѣе.

Отецъ.

Изрядно; стало быть теперь длина послужила тебѣ примѣтою или признакомъ. Далѣе вотъ два лоскутка, оба равной величины и оба голубые; но этотъ шерстяной, а этотъ шолковой; погладь ихъ рукою, не примѣчаешь ли ты какой между ими розницы?

Дитя.

Примѣчаю.

Отецъ.

Дай же я ихъ перемѣшаю—на! узнай теперь, которой шерстяной, и которой шолковой.

Дитя.

Вотъ этотъ шолковой, а этотъ шерстяной.

Отецъ.

Какъ же ты это узналъ?

Дитя.

Шолковой мягче и глаже, а шерстяной суровѣе.

Отецъ.

Очень хорошо. И такъ мы не однимъ зрѣніемъ, но также и осязаніемъ можемъ замѣчать признаки, по которымъ распознается одна вещь отъ другой. Ну еще нѣчто: вотъ стоятъ три бутылки, въ одной изъ нихъ вино, а въ другой уксусъ, въ третій вода. Бутылки всѣ три, какъ ты видишь, величиною равны и цвѣтомъ одинаковы. Какова цвѣту въ нихъ напитокъ, этова ты сквозь бутылку примѣтишь не можешь. Какъ же ты узнаешь, въ которой изъ нихъ вино, въ которой уксусъ, и въ которой вода?

Дитя.

Я отвѣдаю.

Отецъ.

Такъ, мой другъ, ты по вкусу доберешся до этова; но знаешь ли ты какой вкусъ имѣетъ вино, и какой уксусъ?

Дитя.

Знаю: уксусъ всегда киселъ, а вино бываетъ иногда сладкое, иногда крѣпкое.

Отецъ.

Хорошо; и такъ ты отвѣдавъ, и зная вкусъ вина, уксуса и воды, по симъ признакамъ будешь умѣть различать ихъ одно отъ другаго. Но положимъ, что ты не смѣешь отвѣдать, а между тѣмъ хочешь узнать, что въ которой бутылкѣ налито: какъ же ты до этова доберешся?

Дитя.

Естьли отвѣдать не смѣю, такъ и узнать не могу.

Отецъ.

Я скажу тебѣ еще одинъ признакъ: ты можешь это узнать по обонянію: вино имѣетъ отмѣнной запахъ отъ уксуса, а вода ничемъ не пахнетъ. — Знаешь ли ты братца своего Митюшу?

Дитя. (смѣясь).

Какъ же не знать, батюшка.

Отецъ.

А почему же ты его узнаешь?

Дитя.

По лицу.

Отецъ.

Такъ, мой другъ, и хотя бы пятнатцать другихъ дѣтей стояли предъ тобою, ты ни одного изъ нихъ не примешь за братца твоего Митюшу, для того что ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ точно такова лица: стало быть въ лицѣ его находишь ты такіе примѣты или признаки, по которымъ можешь различать оное отъ лицъ другихъ дѣтей. Такимъ же образомъ и во всякой вещи должно искать признаковъ, отличающихъ ее отъ другихъ вещей. Когда ты какую вещь отъ всѣхъ другихъ отличать можешь, такъ это называется что ты имѣешь о ней хорошее понятіе, то есть хорошо ее знаешь. Теперь посмотримъ, умѣешь ли ты находить признаки: вотъ десять картъ, замѣть изъ нихъ одну, вотъ эту; сыщи признаки, по которымъ бы ты ее отъ прочихъ отличить могъ. Завт-

ра я у тебя спрошу какая это карта, и ты мнѣ ее изъ десяти выбери.

РАЗГОВОРЪ V.

О словѣ свойство.

Дитя.

Батюшка! я никогда невидывалъ свойствъ, а часто слыхалъ, что Богъ превосходныя и ни съ чемъ несравненныя свойства имѣетъ: желалъ бы я на нихъ посмотрѣть:

Отецъ.

Божьихъ свойствъ, мой другъ, видѣть не льзя, также какъ и самаго Бога, создателя нашего, потому что онъ не тѣло, а духъ. Однѣ только тѣла, и свойства тѣлъ видѣть можно,

Дитя.

Да что такое свойство?

Отецъ.

Я анагдась сказывалъ тебѣ, что ты при всякой вещи которую видишь, или о которой слышишь, долженъ стараться замѣчать въ ней то, чемъ бы ты ее отъ другихъ вещей различить могъ: помнишь ли ты это?

Дитя.

А! помню; признакъ.

Отецъ.

Хорошо, мой другъ, что ты помнишь:

итакъ когда ты въ какой нибудь вещи замѣтишь чемъ она отъ другихъ вещей отличается, то и старайся узнать, всегда ли это видимое тобою неразлучно, или только на время и случайно сопряжено съ нею. Естьли ты тожъ самое всегда въ ней находить будешь, такъ это ея свойство, и ты по этому признаку вѣрно узнавать ее можешь. А буде ты не всегда къ ней тожъ самое находить станешь, такъ это не есть ея свойство, и не такой вѣрной признакъ, на которой бы ты въ узнаванiи ее полагаться могъ. Я растолкую тебѣ это примѣрами. Вотъ два тѣла—ты знаешь, что тѣломъ называется то, что ты видѣть и осязать можешь—одно изъ нихъ есть кусокъ кожи, а другое кусокъ дерева, умѣешь ли ты различить ихъ? покажи, которое кожа, и которое дерево?

Дитя.

Вотъ это кожа, а это дерево.

Отецъ.

Почему ты это знаетъ?

Дитя.

Вы мнѣ сказали.

Отецъ.

Это негодится. По этому когда ты уви-

дишь гдѣ кожу вмѣстѣ съ деревомъ и никого не случится, кто бы тебѣ объ нихъ сказалъ, то ты и не будешь знать что кожа и что дерево? надобно самому въ каждомъ тѣлѣ отыскивать признаки, то есть примѣчать, въ чемъ оно отъ другихъ тѣлъ различествуетъ: такъ ли тебѣ кажется кожа какъ дерево, а дерево какъ кожа?

Дитя.

Нѣтъ: кожа сѣрая, а дерево бѣлое.

Отецъ.

Стало ты по цвѣту или краскѣ различаешь сіи два тѣла; но достаточенъ ли этотъ признакъ для всегдашняго различенія оныхъ? всякая ли кожа всегда бываетъ сѣрая, и всякое ли дерево всегда бываетъ бѣлое?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Ну такъ по этому признаку и не узнаешь ихъ. Отсюду заключить можешь, что сѣрой цвѣтъ не есть свойство кожи, и бѣлой цвѣтъ не есть свойство дерева, потому что тѣла сіи не всегда таковы бываютъ. Вотъ я тебѣ покажу другіе два кусочка: они оба бѣлые. Теперь ты и не узнаешь, которой изъ нихъ

кожа, которой дерево. Но возми ихъ въ руки, можетъ быть ты найдешь въ нихъ нѣчто такое, почему легко различать ихъ будешь. Ну чувствуешь ли ты между ими какую разность?

Дитя.

Да! дерево жостко, а кожа мягка.

Отецъ.

Вотъ этотъ признакъ лучше перваго; но я тебѣ еще нѣчто покажу: смотри, кожу могу я гнуть и мять, а дерево нѣтъ. Тожъ самое примѣчается почти во всѣхъ родахъ кожъ, и во всѣхъ родахъ деревъ: итакъ это есть свойство кожъ, что они гнутся, и свойство деревъ, что они не гнутся, какіебъ то нибыли, сѣрые или бѣлые, чорные или красные. Взгляни на бѣдняжку брата своего: онъ теперь не здоровъ и блѣденъ; но всегда ли онъ бываетъ блѣденъ?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Стало быть это не свойство его, потому что не всегда съ нимъ бываетъ. Итакъ блѣдность брата твоего не есть такое обстоятельство, которое бы тебѣ къ узнаванію его

всегда вѣрнымъ признакомъ служить могло. Но какіе у него волосы?

Дитя.

Чорные.

Отецъ.

Всегда ли они черны?

Дитя.

Всегда.

Отецъ.

Стало быть это есть свойство его волосъ, и признакъ, по которому ты его отъ всѣхъ, по крайней мѣрѣ въ домѣ у насъ живущихъ людей, отличать можешь, потому что нѣтъ ни у ково такихъ чорныхъ волосъ, какъ у него. Еще одно: братъ твой всегда веселъ: слѣдовательно веселый нравъ есть свойство его, потому что онъ всегда, почти во всякое время, веселъ бываетъ. Такимъ образомъ всякая вещь имѣетъ свои свойства. Человѣкъ имѣетъ тѣлесныя и душевныя свойства: онъ прекрасенъ, онъ силенъ или крѣпокъ, онъ толстъ и прочее: это его тѣлесныя свойства. Онъ разуменъ, онъ прилѣженъ, онъ милосердъ и прочее: это его душевныя свойства. Богъ имѣетъ также свойства: онъ благъ премудръ, онъ всевѣдущъ, тоесть все вѣдаетъ;

онъ всемогущъ, то есть все можетъ, что хочетъ; онъ всѣхъ на свѣтѣ вещей творецъ, господь и обладатель. Всякая вещь и существо имѣетъ хорошія и худыя свойства. Богъ одинъ совершенно благъ, совершенно щедръ, совершенно милосердъ, совершенно премудръ, и такъ далѣе. О сихъ то свойствахъ божіихъ слышалъ ты, что онѣ превосходны и ни съ чемъ несравненны.

РАЗГОВОРЪ VI.

О сходствѣ и несходствѣ, или о подобіи и различіи.

Дитя.

Батюшка! позвольте мнѣ у васъ нѣчто спросить.

Отецъ.

Спроси, мой другъ, и всегда, когда захочешь, спрашивай: мнѣ очень пріятно видѣть въ тебѣ охоту узнавать то, чего ты еще не знаешь.

Дитя.

Что такое *различіе*?

Отецъ.

Напередъ скажи мнѣ, знаешь ли ты что такое *сходство* или *подобіе*?

Дитя.

Нѣтъ; и этова я не знаю.

Отецъ.

Ну такъ покрайней мѣрѣ знаешь ты, что такое *свойство*?

Дитя.

Да, это я знаю: вы вчера мнѣ объ этомъ толковали.

Отецъ.

Примѣчай же: когда одна вещь имѣетъ одинакія свойства съ другою, тогда сіи вещи называются сходными или подобными между собою; а когда одна вещь имѣетъ свойства не такія, какъ другая, тогда сіи вещи называются несходными или различными.

Дитя.

А, а!

Отецъ.

Вотъ здѣсь въ горницѣ шесть стульевъ возмемъ изъ нихъ два, и чтобъ тебѣ лучше видѣть, поставимъ ихъ рядомъ. Ну скажи: точно ли похожи они одинъ на другаго?

Дитя.

Мнѣ кажется точно похожи.

Отецъ.

И я тожъ думаю: смотри, этотъ изъ краснова дерева, и этотъ также: у этова чорная подушка, и у этова также; какъ этотъ высокъ, такъ и этотъ: однимъ словомъ каковъ одинъ, таковъ и другой. Что же ты примѣчаешь въ сихъ стульяхъ, *сходство* или *различіе*?

Дитя.

Сходство.

Отецъ.

Хорошо. Теперь я принесу скамейку и поставлю подлѣ стула: похожь ли стулъ на скамейку?

Дитя.

Совсѣмъ нѣтъ!

Отецъ.

Почему?

Дитя.

Потому что у стула есть спинка и подушка, а у скамейки этова нѣтъ.

Отецъ.

Такъ, мой другъ, это дѣлаетъ различіе между стуломъ и скамейкою. Ну еще одно вотъ стоятъ два стола: какъ они тебѣ кажутся сходными или различными?

Дитя.

О батюшка, они очень между собою различны!

Отецъ.

Въ чомъ же?

Дитя.

Этотъ круглой, а тотъ четвероугольной.

Отецъ.

Очень хорошо; но въ тожъ время и не малое сходство примѣчаемъ мы между ими: оба они одинакой высоты, оба на четырехъ ножкахъ, оба деревянные, во всемъ этомъ они сходны, а только разнятся образомъ или видомъ досокъ, изъ которыхъ они сдѣланы. Такое же вмѣстѣ и сходство и различіе можемъ мы видѣть во многихъ вещахъ, напримѣръ въ деньгахъ: вотъ двѣ деньги, сходны ли онѣ, или различны между собою?

Дитя.

Различны.

Отецъ.

А мнѣ кажется сходны, для того что у этой такая же величина какъ у той, эта круглая и та круглая.

Дитя.

Да; но эта жолтая, а та бѣлая.

Отецъ.

Правда; итакъ онѣ различествуютъ цвѣтомъ своимъ, то есть цвѣтомъ состава или вещества своего. ты витъ знаешь какъ это желтое вещество называется?

Дитя.

Золото.

Отецъ.

А это бѣлое?

Дитя.

Серебро.

Отецъ.

Слѣдовательно сіи двѣ деньги образомъ и величиною подобны или сходны между собою, а краскою или цвѣтомъ?—

Дитя.

Несходны.

Отецъ.

Или, что тожъ самое, различны.

БѢДНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ И ЕГО СЫНЪ.

Былъ нѣкто добрый гражданинъ,
Но въ бѣдности ему велѣла жить судьбина;
Лишась жены остался онъ одинъ,
Имѣя маленькаго сына.
Надежды нѣтъ у нихъ и ни кого родни;
Отецъ недуженъ, старъ, слабѣетъ,
Сынъ малъ еще и силъ работать не имѣетъ:
Въ такомъ нещастіи текутъ ихъ злые дни.
Отколь ждать помощи, какъ только не отъ неба?
Нещастный сей отецъ
Увидя наконецъ,
Что до послѣдняго уже доходитъ хлѣба,
Проливши слезный токъ,
Въ дрожащи хлѣбъ сей принялъ руки,
И сокрывая стонъ и муки,
Отрѣзалъ сыну ломотокъ.
Дитя хоть голодъ ощущаетъ,
Но скорбь отцову примѣчаетъ:
Великодушіе и въ дѣтяхъ есть:
Сей мальчикъ самъ себя превозмогаетъ
И говоритъ отцу, что онъ не хочетъ ѣсть.
Сыновняго къ себѣ почтенія свидѣтель,
И видя въ младости такую добродѣтель,

Чтобъ, будучи отцемъ, и въ бѣдности своей
Не пролилъ радостныхъ слезъ токи изъ очей?
Возьми, мой другъ, возьми, отецъ ему вѣщаетъ
И рѣжетъ для себя отъ хлѣба ломтъ другой....
Но кое зрѣлище ихъ очи поражаетъ!
Какое чудо видятъ предъ собой!
Изъ хлѣба сыплются вдругъ деньги.—И какія?
Большою частью золотыя.
Отецъ оцѣпенѣлъ,
Когда сіе узрѣлъ;
Что это! вопіетъ смущенно,
Не трогай денегъ сихъ,
Мой сынъ! Останься здѣсь и стереги ты ихъ,
А я ко хлѣбнику схожу мгновенно:
Конечно этотъ человѣкъ
Незапно какъ нибудь въ семъ хлѣбѣ ихъ запекъ,
Но въ цѣлости ему то будетъ возвращенно;
Долгъ требуетъ сего.
Пошелъ, и сына онъ хранителемъ оставилъ.
О какъ сей бѣдный стражъ на злато очи пялилъ!
Однако же отнюдь не тронулъ ничего.
Впослѣдокъ хлѣбникъ входитъ,
На деньги взоры онъ возводитъ
И говоритъ: друзья мои,
Не слѣдуетъ отъ васъ мнѣ деньги взять сіи;
Но вашей радости сорадуясь душою,
Я тайну эту вамъ охотно объясню:

Богатой нѣкто, какъ я мню,
Желая щедрою избавить васъ рукою
Отъ нищеты толь злой,
Прислалъ ко мнѣ сей хлѣбъ златой,
И клятву взялъ съ меня предъ небомъ,
Что естьли кто изъ васъ придетъ ко мнѣ за хлѣбомъ,
То хлѣбъ сей вамъ отдать;
А имя я его ни какъ не могъ узнать.
Конечно Богъ, въ награду
Благихъ и честныхъ вашихъ дѣлъ,
Чрезъ мужа праведна послати къ вамъ хотѣлъ
Сію отраду.
Какимъ веселіемъ восхитились сердца,
По сихъ словахъ, и сына и отца!
Ихъ руки къ небу вознесенны,
Ихъ очи радостной слезою окропленны,
Ихъ мысли къ Богу устремленны,
Тобою щастливыхъ являютъ чувство душъ,
О ты, почтенный нѣкто мужъ!

ПОВѢСТЬ

О двухъ вѣрныхъ друзьяхъ.

Любочестъ и Добросердъ, два вѣрные друга, отправились путешествовать, дабы научиться всему, что можетъ ихъ сдѣлать лучшими и благоразумнѣйшими.

Они по долгомъ путешествіи прибыли напослѣдокъ въ Мекинецъ, столичной городъ Марокскаго Императора.

Оттуда хотѣли они еще далѣе продолжать свой путь, и увидѣть тѣ земли Африканскія, въ которыхъ никто почти изъ Европейцевъ не бывалъ.

Но Любочесту сдѣлался нѣкакой припадокъ: за тѣмъ принужденъ онъ былъ остаться въ городѣ, а другъ его поѣхалъ одинъ въ назначенный путь.

Между тѣмъ Любочестовъ служитель познакомился съ нѣкоторыми живущими тамъ, которыхъ онъ почиталъ за честныхъ людей, но которые послѣ оказали себя бездѣльниками.

Сіи люди отдали ему на сохраненіе нѣкакія краденыя вещи, о которыхъ онъ не зналъ, что они были украдены.

Хозяинъ вещей увидя ихъ нечаянно въ

домѣ у Любочеста, заключилъ, что онъ ихъ укралъ, и просилъ правительство чтобъ посадили его въ темницу.

Всѣ его оправданія были тщетны; онъ не могъ защитить своей невинности.

Уже нѣсколько мѣсяцовъ страдалъ сей нещастной въ крѣпкомъ заточеніи, какъ возвратился другъ его Добросердъ изъ путешествія.

Едва свѣдалъ онъ о семъ нещастіи, приключившемся его товарищу, какъ исполненъ ужаса бросился въ темницу. По неотступнымъ прозьбамъ его позволили ему съ нимъ увидѣться.

Безпамятенъ почти упалъ онъ къ нему въ объятія, и блѣдное его лице оросилъ слезами.

Но какою горестію поразился онъ, когда узналъ обстоятельнѣе о его состояніи, и увидѣлъ, что онъ почти нагъ лежитъ на гнилой соломѣ, ибо одежда его истлѣла на немъ отъ сырости, которою зараженъ былъ воздухъ въ семъ тѣсномъ и мрачномъ жилицѣ.

Тотчасъ накинулъ онъ ему на плечи епанчу свою, и отдалъ все свое платье, оставя у себя только необходимо нужное чтобъ не нагому отшоль выйти.

По нещастію былъ онъ самъ ограбленъ во время своего путешествія, и не осталось у него ни платья, ни денегъ, которыми бы могъ онъ хотя нѣсколько усладить горестное состояніе своего пріятеля.

Но все препятства преодолѣвающая дружба скоро научила его изобрѣсти къ тому способъ.

Онъ вырвался изъ объятій своего друга, пошелъ и въ городѣ записался въ работники, гдѣ тяжкими и необыкновенными ему трудами доставалъ столько денегъ, что въ вечеру, по окончаніи многотрудной своей работы, могъ страждущему другу своему относить нѣкоторое пропитаніе.

Сей часто просилъ его со слезами, чтобъ онъ умѣрилъ свое великодушіе, и о самомъ себѣ старался: но тщетны были всѣ прозьбы.

Добросердъ не чувствовалъ ничего, кромѣ бѣдности своего пріятеля, и всякой трудъ для него понесенной казался ему легокъ и сладокъ.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько мѣсяцовъ, какъ вдругъ запретили Добросерду ходить въ темницу.

Онъ отъ страха оледенѣлъ, когда о семъ услышалъ.

Ни прозьба его, ни слезы, ни обниманіе колѣнъ темничнаго стража, не могли пособить: велѣно было ему итти прочь.

Въ горестномъ отчаяніи побѣжалъ онъ къ судьѣ, назвалъ себя участникомъ мнимаго воровства, и просилъ, чтобъ посадили его въ тужъ темницу.

По желанію его было исполнено.

Радостныя слезы потекли изъ глазъ Любочеста, когда онъ нечаянно увидѣлъ его паки въ темницу къ себѣ вшедшаго.

Но сія радость скоро перемѣнилась въ ужасъ и печаль, когда онъ свѣдалъ, какою цѣною купилъ ее великодушной другъ его.

Между тѣмъ, какъ уже дѣла сего перемѣнить было не возможно, и надежды къ освобожденію своему никакой они не имѣли, то вознамѣрились рука съ рукою взявшись ожидать мужественно смерти.

Въ той же темницѣ сидѣли другіе невольники.

Одному изъ сихъ удалосъ въ ночную пору разломать стѣну, такъ что онъ въ сіе отверзтіе пролѣзъ самъ, и увѣщевалъ другихъ невольниковъ послѣдовать его примѣру.

Всѣ они тожъ сдѣлали и освободились; одинъ Любочестъ и Добросердъ были столь-

ко честны, что хотѣли лучше невинно страдать, нежели непозволеннымъ образомъ получить свободу. И такъ они остались.

По разсвѣтѣ дня узнали о семь приключеніи.

Нѣкоторые верьховные судьи пошли въ темницу, чтобъ самимъ освидѣтельствовать сіе дѣло.

Какъ они удивились, когда спросивъ Любочеста и Добросерда о причинѣ, для чего они вмѣстѣ съ тѣми не ушли, въ отвѣтъ отъ нихъ слѣдующее услышали:

„Мы воспитаны въ такомъ законѣ, ко„торой учитъ насъ властямъ повиноватъ„ся, хотя бы онѣ что и несправедливо дѣла„ли: для того мы хотѣли лучше умереть, не„жели употребить непозволенное средство „къ спасенію нашей жизни.“

Судьи пришли въ жалость.

Они увѣрились въ невинности сихъ добрыхъ людей, тотчасъ освободили ихъ и сдѣлали имъ изъ государственной казны такой подарокъ, съ которымъ они безъ нужды могли возвратиться въ свое отечество.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Въ день рожденія одной супруга, другой отца.

Дочь.

Веселіе неся съ собою
Къ тебѣ я, маминька, лечу,
И радость раздѣлишь хочу
Сей день намъ общую съ тобою.

Машь.

Бѣги, любезная, спѣши,
Въ моихъ объятіяхъ пребуди,
Прижатая къ моей ты груди
Дѣли со мной восторгъ души!

Обѣ.

О день утѣхъ неизреченныхъ,
Источникъ нашихъ дней блаженныхъ!

Машь.

Севодня онъ на свѣтъ рожденъ!

Дочь.

Онъ намъ севодня подаренъ!

Машь.

Мнѣ мой возлюбленной сожитель.

Дочь.

А мнѣ дражайшій мой родитель.

Машь.

Онъ сосланъ отъ небесныхъ силъ,
Чтобъ образъ ихъ въ себѣ явилъ,

Дочь.

Разуменъ, вѣренъ, тихъ, незлобенъ,
Онъ имъ во всѣхъ дѣлахъ подобенъ:

Мать.

О коль благословенъ вѣнецъ,
Давъ мнѣ супруга толь драгова!

Дочь.

О коль всевышній щедръ Творецъ,
Давъ мнѣ родителя такова!

Обѣ.

Внемли, о Боже нашъ, внемли
Отъ чистыхъ душъ благодаренье,
И теплое къ тебѣ моленье:
Продли его ты вѣкъ, продли!

ВѢРНАЯ СЛУЖАНКА.

Недавно жила вдова—гдѣ? этова я не могъ провѣдать—которая почти всего доставшагося ей послѣ мужа своего довольно достаточнаго имѣнія нещастнымъ образомъ лишилась. Осталось у ней маленькое иждивеніе: она отдала его въ рость, и тѣмъ кое какъ себя содержала.

Купецъ, которому она деньги свои повѣрила, и котораго всѣ почитали богатымъ и благонадежнымъ человѣкомъ, вдругъ обанкрутился, то есть проторговался, разорился. Бѣдная вдова потеряла и послѣдній свой прожитокъ. Обстоятельства ея сдѣлались весьма тѣсны: старость и недуги не позволяли ей работать; и такъ надлежало ей одно изъ двухъ избрать: или записаться въ сиротской домъ, или ходить помиру.

Правда не подалеку отъ ней въ одномъ большомъ городѣ жилъ родственникъ ея, человѣкъ довольно достаточной, которой могъ бы ее прокормить; но по нещастію этотъ человѣкъ былъ изъ числа тѣхъ жестокосердыхъ людей, которые чужой нужды не чувствуютъ. Онъ отрекся ей помогать.

Въ семъ крайнемъ ея злополучіи, простая

дѣвка, работница, изъ найму ей служившая, и которую теперь, по причинѣ совершенной бѣдности своей, хотѣла она отъ себя отпустить, сдѣлалась ея благотворительницею. Помня ласковое и кроткое обращеніе госпожи своей, когда она была еще въ хорошемъ состояніи, сердце доброй этой дѣвки восхотѣло оказать ей свою благодарность.

Нѣтъ, сказала она (когда госпожа стала ее отпускать): я не оставлю васъ покуда жива; вы до меня были добры, и мнѣ часто жаль было, что я ничего, кромѣ вѣрной службы моей, не могла для васъ сдѣлать.

„Никакой не надобно мнѣ платы: по прежнимъ милостямъ вашимъ есть у меня довольно и одежды и обуви. Сверьхъ сего накопила я нѣсколько деньжонокъ, которые отдала въ займы сосѣду. Я умѣю шить и чулки вязать; коли Богъ дастъ мнѣ здоровье, то и вамъ и себѣ кусокъ хлѣба достану.“

Бѣдная вдова, по неотступной прозбѣ доброй этой дѣвки, съ благодарными слезами приняла наконецъ великодушное ея предложеніе.

Дѣвка сдержала слово, и три года цѣлыхъ работою рукъ своихъ кормила госпожу

Напослѣдокъ родственникъ сей вдовы у-

мираетъ, и все его имѣніе достается ей по наслѣдству.

Но сія помощь была уже ей не нужна; ибо она сама лежала тогда при послѣднемъ издыханіи, и скоро послѣ того умерла, не успѣвъ новопріобрѣтенному имуществу своему никакова сдѣлать распоряженія.

Наслѣдниковъ послѣ нее никого не осталось: и такъ надлежало имѣнію сему поступить въ казну; но по щастію Государь узналъ о благодарномъ съ нею поступкѣ доброй этой дѣвки.

,,Такое честное дѣло, сказалъ онъ, не доженствуетъ остаться безъ возмездія: да будетъ она имѣнія сего наслѣдницею.“

Дѣвка получила имѣніе, и всякъ, кто слышалъ о томъ, прославлялъ щедроту Государя, и радовался, что вѣрная служанка сія достоино была награждена.

СИЛА ДѢТСКОЙ ЛЮБВИ.

Крезъ, царь Лидійскій, имѣлъ у себя единороднаго сына. Сынъ этотъ былъ нѣмъ. Крезъ взялъ его съ собой на войну, которую велъ онъ противъ Кира, Царя Персидскаго.

Однажды, во время сраженія, наскакалъ на Креза непріятельской воинъ и вознесъ на него мечъ свой, чтобъ отрубить ему голову: сила устрашенной любви сыновней была такъ велика, что вдругъ отверзла гортань его и онъ провозгласилъ:—„воинъ! что ты дѣлаешь? это Крезъ!“

Воинъ испугался: Царь спасенъ былъ, и сынъ его престалъ быть нѣмъ.

УТРЕННЯЯ НИКОЛАШИНА ПѢСЕНКА.

Солнца съ первыми лучами
Бодръ и веселъ я возсталъ:
Свѣтъ пріятный, воздухъ чистый,
Жизнь утѣшну, радость многу,
Новы силы мнѣ даютъ.

Пѣть хочу; мой духъ взлетаетъ
Вмѣстѣ съ утренней зарей,
Вмѣстѣ съ жаворонка пѣсньми,
И цвѣтовъ съ благоуханьемъ,
Въ радостномъ восторгѣ въ верьхъ.

Все вокругъ меня въ веселье,
Все, мое что око зритъ;
Тамо въ воздухѣ высоко,
Тамъ въ морской глубокой безднѣ,
Все дышитъ и все живетъ.

Обитатели земные,
Существующи со мной,
Птицы, гады, рыбы, звѣри,
Горы, лѣсь, луга, долины,
Я сорадуюся вамъ.

Но безъ зависти взираю
На блаженство вашихъ дней:
Ты прекрасна нѣжна роза,
Ты пригожъ павлинъ спесивый,
Всѣ вы милы, всякъ хорошъ.

Но моя судьба всѣхъ лучше,
Я предъ вами предпочтенъ:
Разумъ, слово, добродѣтель,
Преимущества большія
Мнѣ творецъ вселенной далъ.

Ими, ими одаренный,
Силенъ, крѣпокъ человѣкъ! —
Вы, со мною всѣ созданны,
Твари, жители земные,
Рцыте, рцыте, гдѣ Господь?

Благолѣпный, вѣнценосный,
Кроткій духомъ, всеблагій,
Милосердія источникъ,
Общій нашъ отецъ, Создатель,
Рцыте, рцыте гдѣ есть Онъ?

Онъ въ долинахъ, Онъ и въ рощахъ,
Онъ на небѣ, на земли,
И въ глубокихъ Онъ вертепахъ,
И гдѣ солнце свѣтитъ, тамо,
И со мной, гдѣ я спою.

Богъ вездѣ—вездѣ услышитъ
Гласъ молитвы Онъ моей:
Съ тихой утренней зарею,
И съ вечернимъ вѣтерочкомъ,
Я всегда Ему пою.

Чѣмъ воздамъ тебѣ, Владыко,
За Твою ко мнѣ любовь?
Ты мнѣ око далъ, да вижу;
Ты мнѣ ухо далъ, да слышу;
Солнце и луна, твой даръ.

Но на долголь?—вянетъ роза,
Исчезаетъ свѣтъ и день;
Все, что красно и любезно,
Жизнь и радость, все преходитъ,
Все минется, протечетъ!

Нѣжный на щекахъ румянецъ,
Младость, живость, бѣлизна,
Пестрота полей, луговъ,
Зѣлень древъ, исчезнуть могутъ,
Завтра, днесь, въ единый мигъ.

Но невинность, добродѣтель,
Мудрость, правда, кротость, честь,
Чувство дружбы, благодарность,
Духъ любви и состр734данья—
Нѣтъ, не могутъ умереть!

Естьлижъ правый путь оставя,
Я порокамъ въ слѣдъ пойду;
Естьли зависть, гнѣвъ, гордыня,
Праздность, ложъ, лукавство, злоба,
Поселятся въ грудь мою:

Что въ моей тогда мнѣ жизни?
Пусть меня сокроетъ гробъ,
Пусть какъ роза я увяну,
Какъ листочикъ пожелтѣю,
Какъ былинка пропаду.

МАЛЕНЬКОЙ ПТИЦЕЛОВЪ.

Петруша (*прибѣжавъ къ матери.*)

Матушка! матушка! посмотрите что у меня.

Мать.

Что такое другъ мой?

Петруша.

Птичка, маленькая птичка.

Мать.

Право! да гдѣ ты ее взялъ?

Петруша.

Самъ, самъ я поймалъ, матушка.

Мать.

Гдѣ?

Петруша.

Въ саду, на гнѣздышкѣ. Тамъ осталось у ней много дѣтеньшиковъ; крошечные и всѣ еще голинькіе.

Мать.

Да куда же ты ее дѣнешь?

Петруша.

Посажу въ клетку и стану кормить. Она будетъ пѣть.

Мать.

А съ дѣтьми ея что ты сдѣлаешь?

Петруша.

Я и тѣхъ возму, посажу ихъ въ другую клетку, и стану также кормить. Дамъ имъ яичекъ, и молочка, и сахарцу, и всего, что они хотятъ.

Мать.

Другъ мой, ихъ кормитъ мать; безъ ея попеченія они не будутъ живы.

Петруша.

Какъ же мнѣ съ ними быть? куда ихъ дѣвать?

Мать.

Не знаю. Но послушай Петрушинька: теперь намъ не до того, чтобъ утѣшаться птичками. Съ нами великая бѣда случилась.

Петруша.

Какая, матушка?

Мать.

За мною скоро пришлютъ, и возмутъ меня отъ васъ прочъ.

Петруша.

И! маминька. На что вы меня пугаете?

Мать.

Чтожъ дѣлать, моя душа? меня велѣно взять и посадить въ темницу.

Петруша.

Что это такое темница?

Мать.

Подземная изба, въ которую меня запрутъ, и только что кормить будутъ, а никогда уже изъ ней невыпустятъ.

Петруша.

А мы гдѣжъ будемъ: я и братецъ, и маленькая сестрица въ колыбельки?

Мать.

Вы останетесь дома, или можетъ быть возмутъ васъ и запрутъ въ другую такую же избу, и богъ вѣдаетъ, что съ вами будетъ: я боюсь, чтобъ вы безъ меня не померли съ голоду.

Петруша. (*заплакавъ.*)

Ахъ! да кто это велѣлъ?

Мать.

Тотъ, кто имѣетъ надъ нами власть.

Петруша.

Какой онъ злой человѣкъ!

Мать.

Почему злой? онъ такой же доброй, какъ ты. Развѣ ты злой, что взялъ отъ дѣтей птичку, и хочешь ее посадить въ клетку, ко-

торая для ней тоже, что для меня темница. Какъ я, такъ и она, обѣ будемъ заперты, въ неволѣ. Съ дѣтьми ея тожъ самое сдѣлается, что съ вами: вы останетесь безъ матери, и они тоже; за вами нѣкому будетъ ходить, и за ними тоже.

Петруша.

Ахъ матушка! я пущу птичку.... (*выпускаетъ ее изъ рукъ*).

Мать.

Посмотри, съ какимъ она веселіемъ полетѣла! какъ обрадуются голодныя малютки, когда она къ нимъ прилѣтитъ и въ носикѣ своемъ принесетъ имъ кормъ!

Петруша.

Да.... А съ нами бѣдными что будетъ! (*плачетъ горько*).

Мать. (*цалуетъ его*)

Поди сюда, милое мое дитя, сядь ко мнѣ на колѣни. Ты утѣшилъ птичку, надобно и тебя утѣшить. Нѣтъ, мой другъ, никто не возметъ меня отъ васъ: я нарочно это сказала для твоей пользы. Теперь ты чувствуешь, какъ грусно было бѣднымъ птенцамъ въ гнѣздышкѣ, когда ты мать ихъ поймалъ, и хотѣлъ разлуча съ ними, запереть ее въ клетку. Ты прежде объ этомъ не думалъ?

Петруша.

Нѣтъ, маминька; а теперь вижу, что я худо дѣлалъ, такъ худо, что ежели бы эта птичка была здѣсь, я бы попросилъ у ней прощенія.

Мать.

Помни же всегда, что всѣхъ звѣрьковъ и птичекъ, равно какъ и насъ человѣковъ, создалъ общій нашъ отецъ, Богъ. Онъ далъ имъ жизнь, а съ нею не разлучны радость и печаль: и такъ кто безъ нужды мучитъ ихъ и поступаетъ съ ними безъ жалости, словно какъ съ безчувственными вещами, тотъ показывая худое сердце привыкаетъ къ жестокости, и недостоинъ того, чтобъ милосердый Богъ самому ему радостную даровалъ жизнь.

АНДРЮШИНА ПОХВАЛА ЗИМѢ.

Не тебя одну, весна,
Въ пѣсняхъ громко воспѣваю;
Хоть зима и холодна,
Я утѣхъ въ ней тьму вкушаю.

Хоть пріятной вѣтерокъ
Ужъ не рѣзвится съ листками,
Хоть не зеленъ сталъ лужокъ,
Не пестрѣетъ ужъ цвѣтами.

Хоть не видно какъ текутъ
По каменьямъ быстры рѣчки,
Соловьи хоть не поютъ,
Не пасутся ужъ овечки.

Но лишь я приду къ окну,
Веселящееся око,
Какъ по бѣлому сукну,
Простираетъ взоръ широко.

Снѣгъ я вижу на лугахъ,
Снѣгъ долины покрываетъ,
И при солнечныхъ лучахъ
Весь какъ искрами блистаетъ.

Хорошо въ поляхъ весной
Но не худо и зимою,
Не мѣшаетъ лѣсъ густой
Все мнѣ видѣть предъ собою.

Красно солнышко! и ты
Кротче къ намъ зимой сіяешь,
Прямо зрѣть на красоты
Намъ твои не возбраняешь.

Зимнихъ мало ли утѣхъ?
Тамъ вечернія бесѣды,
Тамъ веселье, пляски, смѣхъ,
Тамъ катанья и обѣды.

А ребята, пузыри,
Собираяся толпами,
Пишутъ разны цифири
По льду гладкому коньками.

Или съ горъ крутыхъ летятъ,
Иль снѣжками индѣ бьются,
Иль другъ друга повалятъ,
И хахочутъ и смѣются.

Часто право поутру,
Какъ на санкахъ я летаю,
Иль рѣзвлюсь по вечеру,
Я про лѣто забываю.

Пусть изнѣженно дитя
Толстой шубой давитъ тѣло,
Я не кутая себя
По снѣгамъ шагаю смѣло.

ЛУКАША И МАТЬ ЕГО.

Лукаша прибѣжалъ къ матери, хочочетъ и ей расказываетъ:

„Я шолъ подлѣ изгороды, а тамъ сидитъ вдовы Ѳосьи маленькой сынъ Андрюша, сидитъ и плачетъ.„

Мать.

Знать онъ голоденъ.

Лукаша.

И вѣдомо. Плачетъ да кричитъ: ѣсть хочется! ѣсть хочется! Ужъ я на нево хохоталъ, хохоталъ.

Мать.

А ты этому смѣешся?

Лукаша.

Какъ же не смѣяться? о чомъ онъ плачетъ; для чево къ намъ не придетъ поѣсть? у насъ такіе добрые щи!

Мать.

А! такъ ты этому-то смѣялся? обойми меня, ты доброй малой. — Побѣги же къ нему и приведи его сюда; онъ можетъ быть думаетъ, что мы ему ничего дать не хотимъ.

Лукаша.

Ничево дать не хошимъ? Вотъ тебѣ на! — Сказавъ сіе Лукаша побѣжалъ бѣгомъ.

КОНЬ И СЛѢПЕНЬ.

Слѣпень коня кусаетъ,
Конь бьется и брыкаетъ,
Хвостомъ и головой махаетъ,
Слѣпня сгоняетъ.
Слѣпень прильнулъ къ коневьему плечу,
Впустилъ глубоко жало,
И говоритъ: тебя я не боюсь ни мало,
И право не слечу;
Хоть сколько ты брыкать ни станешь,
Скорѣе самъ устанешь,
Какъ нежели ты конь меня достанешь.
Устали конскіе и хвостъ и голова,
И началъ конь смиренно
Слѣпня просить уничиженно:
Слѣпень скочилъ мгновенно,
И говоритъ: сдаюсь на ласковы слова.

ЛЮБОВЬ У БРАТА СЪ СЕСТРОЮ.

Братъ.

Сестрица! посмотри на этихъ голубковъ,
Какая въ нихъ видна другъ ко другу любовь!
Какъ свыклися они! какъ дружны межъ собою!
Веселье одного другаго веселитъ,
Коль тотъ нахмурится, и этотъ загруститъ.
Велика дружба ихъ: знать это братъ съ се-
строю.

Сестра.

И я такъ думаю: вить также какъ они,
Въ согласіи съ тобой и мы проводимъ дни.
Гдѣ нѣтъ тебя, тамъ нѣтъ веселья для Параши.
Все щастіе мое во щастьи Николаши;
Усерднѣе къ тебѣ никто не можетъ быть.
Ахъ! станемъ вѣчно такъ другъ друга мы лю-
бить.

Братъ.

Отгонимъ зависть прочь мы дружбою пылая;
Корыстолюбію затворимъ въ сердце путь;
Любовію союзъ мы кровный утверждая,
Чистосердечіемъ свою наполнимъ грудь.
Пусть щастье одного составитъ щастье наше:
Союзъ родства красенъ, но дружбою онъ краше.

КРОВОПУСКАНІЕ,

Зрѣлище для дѣтей.

Дѣйствующія лица.
Честнодумовъ, живописецъ.
Честнодумова, жена его.
Алексѣй, старшей сынъ ихъ 16 лѣтъ.
Софья, дочь ихъ 18 лѣтъ.
Алексаша, младшій сынъ 6 лѣтъ.
Дитя двухъ лѣтъ, въ колыбели.
Графъ Добросердъ.

Дѣйствіе происходитъ въ горницѣ въ Честнодумововомъ домѣ; въ ней видно нѣсколько худыхъ домашнихъ приборовъ, на стѣнѣ повѣшена картина еще недоконченная; въ сторонѣ стоитъ колыбель, въ которой лежитъ спящее дитя.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Честнодумова, Софья, Алексаша.

Честнодумова прядетъ, Алексаша стоя подлѣ нее треплетъ ленъ и часто останавливается, чтобъ нѣсколько отдохнуть; Софья сидитъ подлѣ колыбели и вяжетъ чулки.------ Время около трехъ часовъ после полудня.

Софья (*глядя на колыбель говорит тихо*).

Со вчерашняго дня ничего не ѣлъ, а такъ спокоенъ! Слава Богу, что ты спать можешь.

Честнодумова.

Спитъ онъ, Софья?

Софья.

Спитъ, матушка.

Честнодумова.

Дай Богъ, чтобы долѣе спалъ! — бѣдное дитя! я боюсь чтобъ онъ не проснулся — Что отецъ его нейдетъ такъ долго?

Софья.

Онъ сказалъ, что пойдетъ просить хоть маленькаго задатку за начатую имъ картину.

Честнодумова.

А еще назадъ не возвратился! — Боже! что съ нами будетъ, естьли онъ ничего не достанетъ?

Софья.

Этому быть не можно: человѣкъ, для котораго онъ работаетъ, очень богатъ.

Честнодумова.

Богатъ, но можетъ быть не жалостливъ.

Софья.

Батюшка не о подаркѣ проситъ его спа-

нетъ; но только о нѣкоторой части тѣхъ денегъ, которыя онъ послѣ трудами своими заслужитъ, и которыя тотъ долженъ будетъ ему заплатить.

Честнодумова.

Это правда, но его работа еще не готова, а деньги напередъ не всякой охотно платитъ.

(*Бьетъ три часа*)

Алексаша (*перёставъ трепать.*)

Ужъ три бьетъ, матушка; не ужь то намъ севодня вовся не ѣсть?

Честнодумова.

Ты видишь, Алексашинька, что ни отца твоего ни брата нѣтъ дома; развѣ ты безъ нихъ хочешь обѣдать?

Алексаша.

О, нѣтъ, маминька! Но можетъ быть они уже отобѣдали; мы не знаемъ гдѣ они------Да притомъ же.---

Честнодумова.

Ну, что такое?

Алексаша.

О матушка!----ужъ такъ поздо-----и можетъ быть—

Честнодумова.

Но можетъ также быть что они и не

обѣдали. Ты видишь, душинька, что ни я, ни сестра твоя, ни маленькой брать также какъ и ты ничего еще не ѣли, ты одинь хочешь быть нетерпѣливъ.

Алексаша. (*заплакавъ.*)

Да мнѣ очень ѣсть хочется!

Честнодумова. (*взявъ его къ себѣ на колѣни и обливая его слезами.*)

Другъ мой, милое мое дитя, успокойся, потерпи немножко; Богъ конечно пошлетъ намъ что нибудь на пищу. Повѣрь мнѣ, что я голодомъ твоимъ больше мучусь, нежели ты самъ.

Алексаша. (*обнимая ее и утирая свои слезы.*)

О! нѣтъ, любезная маминька, не крушись столько о моемъ голодѣ. Посмотри! ужъ прошло, я не плачу больше. — Я опять стану работать, чтобъ позабыть о томъ, что я голоденъ. (*Идетъ и съ великимъ прилѣжаніемъ принимается опять за работу*).

Честнодумова. (*въ сторону*)

Не ужъ ли страданіе мое еще не довольно велико? о Боже! доколѣ мнѣ сносить оное?

Софья.

Батюшка еще не возвращается: не сдѣлалось бы съ нимъ какова нещастія.

Честнодумова.

Я догадываюсь что тому причиною: конечно отказали ему въ его прозбѣ, и онъ не имѣетъ сердца съ пустыми руками къ намъ возвратиться. Но я дивлюсь брату твоему Алексѣю. Когда онъ отселѣ ушолъ?

Софья.

По утру въ десять часовъ.

Честнодумова.

Чудно это! онъ, которой всегда былъ такой доброй сынъ и братъ, оставляетъ насъ теперь, когда намъ помоцъ его такъ нужна: меня это весьма печалитъ.

Софья.

Не безпокойтесь матушка; онъ конечно пошелъ куда нибудь съ добрымъ намѣреніемъ: я знаю его сердце, знаю какъ бѣдность наша его сокрушаетъ. Онъ безсомнѣнія за тѣмъ пошолъ, чтобъ сыскать намъ какую помощъ.

Честнодумова.

Но какимъ образомъ можетъ онъ это сдѣлать?

Софья.

Нужда научитъ его найти къ тому какой нибудь способъ: онъ казался быть въ великомъ отчаяніи?

Честнодумова.

Что ты говоришь? ахъ Софья! Ну, есть ли онъ что либо безчестное предприметъ? меня это лишитъ жизни: все можно сносить, пока совѣсть наша чиста.

Софья.

Не опасайтесь, я знаю братца.

Честнодумова.

Отецъ твой возвратится ни съ чемъ, изнуренъ печалію и голодомъ. Увидя его въ семъ состояніи сердце мое разорвется. О мои любезные дѣти! мы должны къ послѣднему и весьма горестному средству прибѣгнуть.—О небо—другъ мой Алексашинька! хотѣлъ ли бы ты что нибудь для меня сдѣлать?

Алексаша.

Я, матушка? о скажи лишь что такое?

Честнодумова.

Обойми меня, душа моя—милой мой сынъ. —о нужда! —къ чему ты меня приводишь!— надобно тебѣ итти просить милостыни. Поди, старайся возбудить сожалѣніе, представь нашу бѣдность, и проси, чтобъ тебѣ что нибудь дали!

Алексаша. (*послѣ того какъ онъ сію рѣчь со вниманіемъ выслушалъ*)

Матушка, не это ли называютъ по міру ходить?

Честнодумова.

(Въ сторону) о Боже! — *(громко)* такъ, мой другъ.

Алексаша.

Этова бы мнѣ не хотѣлось. — Да у ковожъ мнѣ просить? у всякаго?

Честнодумова.

У всякаго, мой другъ, которой покажется тебѣ такимь, что можетъ нѣчто подарить.

Алексаша.

А коли они мнѣ откажутъ?

Честнодумова.

Богъ приведетъ тебя къ такимъ сердцамъ, которыя надъ тобою и надъ нами сжалятся.

Алексаша. *(печально)*

Ну хорошо! — такъ прощай же матушка!

Честнодумова *(цѣлуя его.)*

Прости, мое милое дитя! естьлибъ сіе не касалось до жизни твоего отца, братьевъ твоихъ и сестры, то бы я тебя къ этому не понудила. *(Алексаша плача отходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Честнодумова и Софья.

Софья. *(смотритъ въ слѣдъ брату и плачетъ)*

Бѣдное дитя! — ктобъ глядя на него не заплакалъ! — какъ ему этово не хотѣлось!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Честнодумова и Софья, *которыя хранятъ печальное безмолвіе, потомъ* Честнодумовъ.

Честнодумовъ (*входитъ съ великимъ унынiемъ, блѣденъ и утомленъ; одежда его изъявляетъ величайшую бѣдность.*)

О жена моя! о дочь! намъ должно умереть! (*бросается на стулъ и смотритъ кругомъ пылающими очами*) но гдѣ мой малютко? Алексѣй еще не возвратился?

Честнодумова.

Я предчувствовала, мой другъ, что ты ничего не получишь.

Честнодумовъ.

Нѣтъ жалости! нѣтъ соболѣзнованія!—

Честнодумова.

Онъ не хотѣлъ тебѣ дать задатку?

Честнодумовъ.

Ни полушки! я ужъ знаю, говорилъ онъ, каково давать напередъ деньги за работу еще неоконченную: обыкновенно позже получишь ту вещь; или еще совсѣмъ не получишь. Тщетно давалъ я честность свою порукою: я тебя не знаю, отвѣчалъ онъ, и ушолъ. О какая горесть овладѣла мною! —

Честнодумова.

Не безпокойся, другъ мой! есть Богъ, которой видитъ нашу бѣдность, и которой инымъ образомъ о насъ попечется. Я послала Алексашу — можетъ быть будетъ онъ столько щастливъ, что исходатайствуетъ намъ хотя малую помощь.

Честнодумовъ.

Не надѣйся мой свѣтъ: о человѣки, человѣки! — одна смерть намъ поможетъ. Но я не понимаю куда скрылся нашъ Алексѣй. На такое долгое время онъ никогда не отлучался; и надобно этому случиться севодня, когда намъ помощь его наиболѣе потребна! это непростительно!

Софья.

Я слышу кто-то идетъ; конечно это онъ (*она идетъ къ дверямъ.*)

Честнодумовъ.

Чтобъ онъ и на глаза ко мнѣ не ходилъ!

ЯВЛЕНIЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Честнодумовъ, Честнодумова, Софья, Алексѣй; (*сей послѣдний входитъ блѣденъ и слабъ съ завязанною и окровавленною рукою, неся съ собой два хлѣба.*)

Алексѣй. (*бросая хлѣбы на столъ*).

Вотъ, любезные родители! кушайте!

мнѣ дорого это стоитъ; я не могу больше— (*падаетъ безъ чувства на стоящей по близости его старой сундукъ.*)

Честнодумовъ.

Что это такое? не ужъ ли это плоды каково либо безчестнаго дѣла? А! нещастный!

Алексѣй. (*слабымъ голосомъ*).

Кушайте, не опасайтесь; я васъ еще достоинъ.

Честнодумовъ.

Но что значитъ сіе состояніе, въ которомъ я тебя вижу?

Честнодумова. (*примѣтя кровь на его рукѣ*).

О небо! кровь? скорѣе, Софья, сыщи какую нибудь тряпку. — Какъ? ты дрался съ кѣмъ нибудь?

Софья.

Ахъ, матушка!—посмотрите, у него скинулась перевязка; онъ конечно пускалъ кровь и жила опять растворилась!

Алексѣй (*съ великой слабостію*).

Батюшка!——Матушка!—— Сестрица!—— я сдѣлалъ это, чтобъ достать вамъ кусокъ хлѣба.

Честнодумовъ и Честнодумова. (*вдругъ.*)

О сынъ!

Софья.

Ахъ братецъ!

(*Отецъ и мать заключаютъ его въ свои обьятія: Софья старается перевязать у него руку*).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Прежніе, Графъ Добросердъ, Алексаша и служитель Графской, *которой несетъ корзину съ кушаньемъ.*

Графъ.

Гдѣ сіи нещастные? какъ могли они такъ долго отъ меня укрываться?

Алексаша.

Вотъ они, сударь! это мой батюшка и моя матушка; они умираютъ съ голоду.

Графъ. (*предлагая корзину*)

Вотъ вамъ, друзья мои, на севоднишней день пища: примите ее отъ моей руки.

Честнодумова.

Ахъ милостивой государь! коль чувствительно для насъ ваше великодушіе! но можемъ ли мы чѣмъ наслаждаться, пока сей нашъ любезный сынъ (*указывая на Алексѣя*)— сынъ добродѣтельнѣйшій — будетъ находить-

ся въ смертной опасности? — Ахъ! естьли бы вы знали——

Алексаша.

Братецъ голубчикъ, что съ тобою сдѣлалось? (*бѣжитъ къ нему.*)

Графъ. (*къ Алексѣю*).

Какъ? кто нибудь тебя поранилъ?

Алексѣй. (*Слабымъ и прерывнымъ голосомъ*).

Нѣтъ, государь —— Я не могъ сносить нещастнаго состоянія моихъ родныхъ—для того въ отчаяніи побѣжалъ сегодня по утру, вознамѣрясь твердо или обрѣсти имъ помощь или умереть. Со мною — ахъ!

Графъ.

Отдохни немного.

Алексѣй. (*по нѣкоторомъ молчаніи.*)

Со мною встрѣтился одинъ изъ моихъ пріятелей, такой же бѣдной и нещастной человѣкъ, какъ мы. Онъ, увидя меня въ отчаяніи, ужаснулся — куда ты идешъ? спросилъ меня; что съ тобою сдѣлалось? — ахъ, мой другъ! они со вчерашняго утра ничего не ѣли — мой бѣдный отецъ — моя бѣдная мать — я не знаю куда иду — не знаю гдѣ я — они

умрутъ съ голоду! (*падаетъ опять въ обморокъ*).

Графъ.

Воды немного, воды?

Алексѣй. (*пришедъ опять въ себя.*)

Ужъ прошло. — Тогда сказалъ онъ мнѣ: вотъ мой другъ, и сунулъ мнѣ десять копѣекъ въ руку, вотъ все, что я имѣю; но естьли ты нѣчто заслужить хочешь, я знаю къ тому способъ.—Ахъ! отвѣтствовалъ я, я все сдѣлаю охотно: конечно ужъ это непостыдной способъ.—Нѣтъ, повторилъ мой добродѣтельный другъ; тамъ въ угловомъ домѣ живетъ зажиточной молодой человѣкъ, которой обучается врачебному искусству, дабы въ своей деревнѣ помогать бѣднымъ людямъ, когда имъ случится нужда въ лѣкарѣ. Онъ упражняется въ кровопусканіи и даетъ тѣмъ деньги. — Я разумѣю тебя, сказалъ я, и побѣжалъ тотчасъ въ тотъ домъ, на которой онъ мнѣ указывалъ. Человѣкъ этотъ пустилъ мнѣ кровь, сперва изъ правой, потомъ изъ лѣвой руки, ибо я его о томъ просилъ для полученія двойной платы. По семъ далъ онъ мнѣ деньги, я побѣжалъ тотчасъ въ хлѣбню, и въ торопливости не

примѣтилъ, что перевязка у меня съ одной руки скочила. Послѣ того, хотя уже я и примѣтилъ сіе, но мнѣ не хотѣлось мѣшкать, вѣдая что любезные родители мои между тѣмъ истаеваютъ голодомъ.—И сіе-то меня такъ обезсилило — (*съ восторгомъ*). Но щасливъ, естьли смертію моею дражайшую жизнь ихъ хотя на одинъ день продолжу: (*подаетъ руку отцу и матери, которые въ слухъ рыдаютъ*).

Графъ. (*чувствуя великую жалость*)

Благодарной юноша! ты примѣръ добродѣтели; но имѣешь у себя брата, которой нѣкогда тебѣ уподобится. Этотъ нещастный мальчикъ (*указывая на Алексашу*) упалъ въ обморокъ предъ моими окнами. Къ щастію взглянулъ я на эту пору въ окошко и его увидѣлъ; по приказанію моему принесли его ко мнѣ и нѣсколько капель крѣпкаго спирту возвратили ему прежнія чувства. Я велѣлъ посадить его за столъ, но онъ не хотѣлъ ничего ѣсть, а просилъ меня со слезами, чтобъ я поставленную предъ него пищу позволилъ ему взять съ собою: батюшкѣ моему, матушкѣ моей, говорилъ онъ, надобно сперва сдѣлать помощь: могу

ли я ѣсть въ то время, какъ они умираютъ съ голоду?

Честнодумовъ. (*съ великимъ сердолюбіемъ.*)

О мои дѣти!—вы достойны лучшей участи!

Графъ.

Не печальтесь; отъ сего времени беру я на себя имѣть о васъ попеченіе. Доколѣ живъ, буду я благословлять щастливую минуту, которая подала мнѣ случай, столь же добродѣтельному, сколь нещастному семейству, услужить. Сынъ вашъ слава Богу только что слабъ; въ его лѣты скоро это пройдетъ. (*Положа на столъ кошелекъ съ деньгами*) Между тѣмъ вотъ нѣсколько, чѣмъ можете вы доставать все нужное какъ къ его укрѣпленію такъ и къ своей отрадѣ: чрезъ нѣмногіе дни услышите вы лучшія вѣсти: покамѣстъ прощайте. — (*Здѣсь Честнодумовъ со всей своей семьею бросается предъ нимъ на колѣни, но онъ ихъ удерживаетъ*). Благодарности я не требую, друзья мои! я уже собственнымъ моимъ чувствованіемъ награжденъ довольно. —

Алексѣй (*вскочивъ и хватая у него руку*).

Еще одна прозьба, милостивый государь!

Графъ.

Какая, мой другъ?

Алексѣй.

Чтобъ вѣрной пріятель мой, которой сегодня всѣмъ своимъ имѣніемъ мнѣ помогъ, въ благодѣяніяхъ къ намъ вашихъ имѣлъ равное участіе.

Графъ.

Пречестный юноша! знай, что у меня положено уже было на сердцѣ также и о немъ пещися. Завтра объ эту пору приду я опять къ вамъ; постарайся, чтобъ я здѣсь его нашелъ. (*Уходитъ*).

(*Всѣ долгое время въ безмолвномъ удивлени смотрятъ въ слѣдъ ему. Потомъ Честнодумовъ воздѣвъ на небо руки, бросается на колѣни и съ великимъ жаромъ говоритъ*):

Боже! Боже! пролей благодать твою святую на сего великодушнаго благодѣтеля, на сего Ангела, котораго ты къ намъ послалъ! и да буди вѣчно, вѣчно, вѣчно славимо имя твое, о ты источникъ любви и спасенія,

всемогущій Боже!—(*Вскочивъ*) Ну, дѣти! насытимся съ благодарностію даромъ небеснаго Творца, и возвеличимъ имя его во всю жизнь нашу! —

(*Они всѣ съ радостными въ очахъ слезами садятся за столъ.*)

СОБАКА СЪ КУСКОМЪ МЯСА.

На кухню къ повару, которой былъ зѣвака,
Зашла голодная собака,
Зашла не званая и по собачьи мнитъ:
Здѣсь много всякаго припаса,
И плохо все лежитъ,
Такъ я могу схватить любой кусочикъ мяса.
Схватила и бѣжитъ,
Бѣжитъ что мочи есть съ добычею такою
Неся ее въ зубахъ,
Мечтаетъ повара съ дубиной за собою,
Но то не поваръ былъ, а страхъ,
Преступниковъ гонитель,
И къ ихъ мученію въ сердцахъ ихъ вѣчный
житель.
Трусливая дрожитъ собака та ужасно,
Не знаетъ гдѣбъ найти ей мѣсто безопасно.
Случилась тутъ рѣка;
Собака думала: я плавать мастерица,
Не раздѣваться мнѣ,
И это не былица,
Чтобъ поваръ могъ найти на той меня странѣ;
Переплыву я вскорѣ,
И тамо скушаю кусокъ свой на просторѣ.
Отъ мысли сей по веселѣе ставъ,
Пускается собака вплавъ:

Шерсть распушилася у ней какъ юпка,
Ногами какъ весломъ гребетъ,
Плыветъ
Какъ шлюпка,
И держитъ голову высоко какъ олень,
Но въ гладкой тамъ водѣ свою вдругъ видитъ
тѣнь,
Такую же собаку,
Съ такимъ же, какъ она, во рту кускомъ;
Завидуетъ ей въ томъ,
Пуститься хочетъ въ драку,
Чтобъ тотъ кусокъ отнять у ней,
У зависти всегда желаніе такое:
Насущнаго ты хлѣба не имѣй.
А у нее всего бъ излишно было втрое.
Съ собакой мнимой сей она вступила въ бой,
Залаяла и заворчала.
О дура! то былъ видъ пустой;
Его ты не поймала,
А твой
Кусокъ упалъ, вода его умчала,
Простися съ нимъ и будь какъ прежде голодна.
Колико зависть ты безумна и черна!

~~~~~
~~~~~

ТРОЕ МОЛОДЫХЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ.

Три сына, богатыхъ родителей, скопили, отъ получаемыхъ ими на разныя бездѣлицы денегъ, триста рублей.

Они согласились, чтобъ имъ для своего удовольствія съѣздить за сіи деньги посмотрѣть нѣкоторыхъ городовъ, и получили на то позволеніе отъ своихъ родителей.

И такъ отправились они и радовались напередъ, что поѣдутъ черезъ многія хорошія мѣста и время проведутъ очень весело.

Но лишь отъѣхали нѣсколько верстъ, какъ увидѣли въ деревнѣ пожаръ.

Они поскакали туда и нашли нещастныхъ жителей сея деревни бѣгающихъ и старающихся тушить огонь, которой нѣсколько избъ обратилъ уже въ пепелъ.

Благородные сіи юноши не были простыми зрителями, но помогали сами тушить огонь, сколько могли. Напослѣдокъ пожаръ потухъ.

Стали ихъ благодарить за ихъ вспоможеніе; а они смигнувшись между собою и мысли другъ друга уразумѣвъ, пошли къ священнику и отдали ему всѣ триста рублей, которые проѣздить хотѣли.

Употребите сіи деньги; сказали они ему, на поправку состоянія сихъ бѣдныхъ погорѣлыхъ людей.

Мы намѣренія своего достигнули и теперь можемъ возвратиться назадъ, ибо мы хотѣли издержать сіи деньги въ свое удовольствіе, что уже и исполнилось.

По сихъ словахъ оставили они удивленнаго священника и возвратились въ городъ, сопровождаемы благодарностію и усердными о здравіи ихъ молитвами отъ сихъ земледѣльцевъ, и отъ всѣхъ тѣхъ, которые о семъ похвальномъ дѣлѣ узнали.

БРАТЪ И СЕСТРА.

Братъ.

Сестрица, душинька, посмотри какое у меня прекрасное яблочко! поди ко мнѣ скушаемъ его вмѣстѣ.

Сестра.

Братецъ, голубчикъ, у меня ничего нѣтъ, чемъ бы я могла тебя также попотчивать.

Братъ.

Меня? да на что? естьли я одинъ съѣмъ это яблоко, то оно мнѣ не такъ покажется вкусно, хотя бы оно и вдвое больше было; а когда съ тобою раздѣлю, сестрица, тогда и половинка будетъ для меня гораздо лучше цѣлаго яблока.

ЩАСТІЕ БЛАГОДѢТЕЛЬСТВА.

Красны какъ пришли деньочки,
Я гулялъ въ лугу весной;
Тамъ всѣ птички и звѣрьочки
Веселилися со мной.

И гдѣ рѣчка протекаетъ
По зеленому лужку,
Тамъ, я видѣлъ, отдыхаетъ
Старичокъ на бережку,

Хворъ и сѣдъ мое сердечко,
Жосткимъ рубищемъ покрытъ;
Отъ него тутъ не далечко
Посошокъ его лежитъ,

И кусочикъ чорства хлѣба
Положенъ въ его суму,
Убоясь знать кто-то неба
Христа ради далъ ему.

Онъ во снѣ поворотился,
И проснулся тотъ же часъ:
Слезъ источникъ покатился
Горькихъ у него изъ глазъ.

Отъ чего старикъ любезной,
Съ сожалѣньемъ я спросилъ,

Отъ чего потокъ сей слезной?
Развѣ свѣтъ тебѣ не милъ?

Онъ въ уныніи глубокомъ
На меня тогда взглянулъ,
Бѣдный, толь печальнымъ окомъ,
Что и самъ я воздохнулъ.

„О дитя мое любезно!
Томнымъ голосомъ онъ рекъ:
„Житіе веду я слезно,
„И не кончится мой вѣкъ!

„Изнуренъ печалью злою,
„Тяжкой старостью согбенъ,
„Нѣтъ ни пищи ни покою,
„А работать силъ лищенъ!

„Сынъ мой въ младости скончался,
„Сирыхъ мнѣ оставя чадъ,
„Я одинъ у нихъ остался.
„Малы всѣ и терпятъ гладъ.

„Испрошенный сей слезами
„Хлѣбецъ малый предъ тобой,
„Съ пятерыми я дѣтями
„Раздѣлю пришедъ домой.

„Се послѣдня можетъ пища,
„Что рука имъ дастъ моя:

„Завтра—Боже призри нища!—
„Можетъ мертвъ ужъ буду я!

Онъ умолкъ; но мукой злою
Взоръ его былъ помраченъ;
Я крушась его тоскою
Самъ былъ въ слезы приведенъ.

У меня тогда по щастью
Кошелекъ въ карманѣ былъ;
Огорченному напастью
Старцу я его вручилъ.

О коль жаръ благодаренья
Въ хладномъ сердцѣ былъ великъ!
О коликаго почтенья
Былъ достоинъ сей старикъ!

Сладость, помогать убогимъ,
Я впервые тутъ вкусилъ,
И съ веселіемъ премногимъ
Весь тотъ вечеръ проводилъ.

МОЛОДОЙ ОСЕЛЪ.

Знатностію породы своей надутый.

Молодой оселъ, по имени Длинноухъ, наслышался, что онъ отъ знатнаго и весьма древняго поколенія произходитъ.

Собесѣдница его, утка, великая грамотѣиха, часто раскасывала ему, какъ предки его славны въ лѣтописяхъ.

„Господа длинноухіе, говорила она, въ „старину были важныя въ свѣтѣ лица.

„Сказываютъ, на нихъ никто не ѣзжалъ, „кромѣ самыхъ первѣйшихъ особъ.

„Знатность муловъ уступаетъ имъ въ „древности, какъ то видно и по ушамъ ихъ, „которыя гораздо короче ослиныхъ; что ка-„сается до лошадей, они составляли про-„стой народъ, и господа ослы никогда съ „ними не обращались.

Молодой господчикъ нашъ не пропустилъ ни одного слова изъ ея рѣчей.

Какъ только выгонятъ его въ поле, и прежніе товарищи его, игривые жеребятки, захотятъ съ нимъ порѣзвиться; то онъ съ презрѣніемъ отъ нихъ отворотится и скажетъ, чтобъ они играли съ подобными себѣ.

Съ того времени вовся не хотѣлъ онъ учиться.

Вить я не изъ простова народу, размышлялъ онъ; за чѣмъ мнѣ боярскому сынку словно какъ простолюдинцу мучить себя наукою? довольно одной знатной породы моей, чтобъ притти у всѣхъ въ любовь и почтеніе.

Разсуждая такимъ образомъ, никогда не хаживалъ онъ въ манежъ, а всегда смотрѣлъ только изъ дали на обучающихся лошадей, и почиталъ себя щасливымъ, что не подверженъ такому какъ они муштрованью.

И такъ выросъ онъ и ни чему не выучился.

Въ одинъ день вмѣстѣ съ простородными товарищами своими, которые сдѣлались уже весьма добрыми конями, отведенъ онъ былъ въ городъ на ярмонку.

Онъ надѣялся, что конечно сыщется какой нибудь царевичь, которой за то, что у него такія длинныя уши, полюбитъ его и возметъ къ себѣ въ службу.

И подлинно былъ тамъ одинъ Князь.

Сей Князь лишь только увидѣлъ молодыхъ выученныхъ лошадей, тотчасъ онѣ ему полюбились: онъ подошелъ къ нимъ, сталъ гладить, купилъ ихъ и нарядилъ въ пребогатой конской уборъ.

А на господчика Длинноуха ниже взглянулъ кто нибудь.

Напослѣдокъ сыскался какой то мѣльникъ, которой купилъ его, чтобъ возить на немъ мѣшки съ мукою, и на первой случай сильнымъ ударомъ плѣти далъ ему разумѣть, что онъ долженъ съ нимъ идти.

Тогда то господчикъ нашъ заревѣлъ страшнымъ голосомъ.

Муа! муа! муа! зарычалъ онъ громко; а сіе значило:

„Не за твово меня принимаютъ: я боярской сынъ Длинноухъ, одинъ изъ моихъ „предковъ служилъ великому Силену! (*)

Вотъ я тебѣ дамъ муа! сказалъ мѣльникъ и погналъ его плѣтью.

(*) Старикъ въ баснословной исторіи, котораго изображаютъ всегда ѣдущимъ на ослѣ.

ФЕДЮШИНО УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНIЕ И МОЛИТВА.

Прiятный, теплый день насталъ,
Мракъ ночи хладной удалился:
Я здравъ и духомъ бодръ возсталъ,
Мой сонъ сладчайшiй прекратился.
Подобно такъ туманъ густой
Поля и нивы покрываетъ,
Но солнца красна лучъ златой,
Его мгновенно разсыпаетъ.

Земля изсохшая въ песокъ
Когда туманомъ напоится,
Отъ влажности сея листокъ
И травка на поле родится:
Полезенъ и туманъ для насъ;
Но солнечны лучи любезны,
Еще, еще того въ пять разъ,
Или и болѣе полезны.

Хотя намъ ночью сонъ и милъ;
Съ высотъ низпосланъ онъ небесныхъ,
Для укрѣпленья нашихъ силъ
Душевныхъ купно и тѣлесныхъ;
Но любо поутру возстать,
Какъ дневное взойдетъ свѣтило:
Всегда безпрестанно спать,
Кому бы то прiятно было?

Величественъ твой, солнце, зракъ,
Великолѣпно ты, прекрасно!
Ты расыпаешь ночи мракъ,
И все даешь намъ видѣть ясно.
Все нужное для насъ сбирать
Своими можемъ мы руками,
Пить, ѣсть, ходить вездѣ, гулять,
Твоими веселясь лучами.

Мнѣ кажется, что въ этотъ часъ,
Какъ солнца всходитъ лучь свѣтящій,
Отца чадолюбива гласъ
Съ небесъ я слышу низходящій:
Ну, дѣти, вотъ вамъ дневный свѣтъ,
Играйте, радуйтесь, скачите,
И что кому на умъ вспадетъ,
То дѣлая, меня любите!

Тогда всѣ съ радостью встаютъ,
По всюду люди шевелятся,
Творцу небесному поютъ,
Работаютъ и веселятся.
Твой свѣтъ, о боже! полнъ добротъ;
Онъ разумъ мой въ восторгъ приводитъ;
По истиннѣ безуменъ тотъ,
Кто въ немъ утѣхи не находитъ.

Хотя еще незрѣлый умъ
Мой мало въ свѣтѣ искусился,
Однако бы своихъ я думъ
Конечно крайне устыдился,
Когда бъ мнѣ въ голову пришло
Такое размышленье ложно,
Что все на свѣтѣ худо, зло,
Что въ немъ довольну быть не можно.

Тогдабъ мой страхомъ каждый шагъ
Средь рощъ густыхъ сопровождался;
Во всякомъ деревѣ мой врагъ,
Меня стерегущій, мнѣбъ мѣчтался;
Какъ будто бы со всѣхъ сторонъ
Меня злодѣи окружали,
И дикимъ голосомъ: вотъ онъ!
Вотъ онъ! отвсюду вопіяли.

Ахъ! естьли правду говорятъ,
Что будто люди есть такіе,
Которые Творца хулятъ:
Какіе же они слѣпые:
Какъ долженъ быть ихъ умъ легокъ!
Какая слабость, не терпѣнье!
Пыль, дождикъ, тучка, вѣтерокъ,
Уже ихъ вводитъ въ огорченье!

Нѣтъ, боже праведный, твою
Я чту премудрость безконечну,
Не умствую, но всю мою
Любовь и простоту сердечну
Тебѣ со вздохомъ приношу,
И лишь о томъ тя, милосердый,
Со умиленіемъ прошу:
Даждь, даждь, всегда мнѣ духъ сей твердый.

ВЕЛИКОДУШІЕ И БЛАГОДАРНОСТЬ.

Англинскаго корабельщика, именемъ Рихардсона, захватила неподалеку отъ Данцига жестокая буря. Съ великимъ трудомъ насилу могъ онъ войти въ гавань.

Другое судно, которое позади его слѣдовало, не было такъ щастливо: оно брошено было на мѣль, и шестнатцать человѣкъ бывшихъ на немъ ожидали ежеминутно, что судно ихъ проломится и они въ волнующемся морѣ потонутъ.

Рихардсонъ увидѣлъ ихъ бѣдствіе; но собственное судно его находилось въ такомъ худомъ состояніи, и люди его такъ были трудами и смертнымъ страхомъ умучены, что не возможно ему было ни какъ возвратиться назадъ для поданія помощи страждущимъ.

Не взирая на то, сердце его не давало ему покоя: не могъ онъ быть празднымъ смотрителемъ на злощастіе себѣ подобныхъ. Чтожъ онъ сдѣлалъ?

Онъ побѣжалъ къ корабельщику другаго судна, которое неподалеку отъ него стояло на якорѣ, и просилъ его исполнить долгъ

человѣчества, котораго онъ самъ исполнить не въ силахъ.

Но этотъ корабельщикъ былъ одинъ изъ тѣхъ хладнокровныхъ и малодушныхъ людей, которые, когда дойдетъ до нихъ дѣло оказать кому либо какую услугу, напередъ размышляютъ и сами себя спрашиваютъ: нѣтъ ли тутъ собственной моей опасности? будетъ ли мнѣ отъ того какая прибыль?

Гнусный образъ мыслей!

И такъ, какія добросердечный Рихардсонъ ни дѣлалъ представленія, не могъ сего малодушнаго корабельщика убѣдить, чтобъ онъ вдался самъ въ опасность для спасенія жизни другихъ.

Потомъ просилъ его Рихардсонъ, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ далъ ему своего ялика, по тому что Рихардсоновъ яликъ былъ не такъ великъ и крѣпокъ какъ его; однакожъ сей недоброхотный человѣкъ и въ томъ ему отказалъ, опасаясь чтобы въ такую великую бурю не лишиться своего ялика.

Праведнымъ огорченіемъ дышущь и кипя великодушною ревностью, побѣжалъ Рихардсонъ на корабль свой и къ утомлен-

нымъ матрозамъ возгласилъ: „други! есть ли въ васъ еще столько силы и мужества, чтобъ исполнить богоугодное и человѣколюбивое дѣло?

Видите вы сихъ нещастныхъ, которые стоятъ при концѣ жизни? въ комъ изъ васъ есть сердце, тотъ ступай за мною!,,

Сказавъ сіе вскочилъ въ яликъ, куда четыре человѣка сильныхъ матрозовъ за нимъ послѣдовали.

Мужественно гребли они поверхъ пѣнящихся валовъ, и напослѣдокъ привалили благополучно къ стоящему на мѣли судну. Но въ маленькой яликъ свой не могли они вдругъ больше шести человѣкъ посадить.

И такъ отвезши сперва сихъ на берегъ, два раза возвращались они потомъ для забранія всѣхъ остальныхъ.

Избавленные ими благодарили ихъ со слезами; сами же они плодами добраго дѣла своего услаждаясь, вкушали ни съ чемъ несравненное удовольствіе.

Между шестнатцатью человѣками, которыхъ жизнь они спасли, былъ одинъ богатой купецъ изъ Смирны. Сей на другой день пришелъ къ Рихардсону и принесъ ему

тысячу гиней, что сдѣлаетъ съ лишкомъ пять тысячь рублей на наши деньги.

На что это, спросилъ Рихардсонъ? — Это тебѣ, отвѣтствовалъ купецъ; прими ихъ пожалуй и поставь сіе за нѣкакой малой знакъ моей благодарности.

Чтобъ я ихъ принялъ? вскричалъ Рихардсонъ: сохрани меня Боже! развѣ я за тѣмъ спасъ твою жизнь, чтобъ взять съ тебя за то деньги?

Такимъ образомъ купецъ продолжалъ ему ихъ навязывать, а Рихардсонъ отъ нихъ отговариваться. Напослѣдокъ сей спросилъ:

Скажи пожалуй! ты которой хочешъ сдѣлать мнѣ такой великой подарокъ.—Развѣ ты такъ богатъ?

Такъ богатъ, отвѣтствовалъ купецъ, что я безъ разоренія себѣ могу сдѣлать тебя и всѣхъ твоихъ матрозовъ щасливыми

Когда такъ, повторилъ Рихардсонъ, то я подарокъ твой возму. По семъ взялъ онъ мѣшокъ съ деньгами, созвалъ матрозовъ своихъ на палубу и раздѣлилъ между ими все, не оставя себѣ ни полушки.

Между тѣмъ, какъ сіи отъ радости восклицали, Смирнской купецъ стоялъ и плакалъ.

Что съ тобою сдѣлалось? — Спросилъ у него Рихардсонъ.

Мнѣ досадно, отвѣчалъ купецъ, что человѣкъ, которому я обязанъ жизнію, столько гордъ, что не позволялъ мнѣ имѣть удовольствія оказать мою благодарность.

Божусь тебѣ, что ты обманываешься, вскричалъ Рихардсонъ: не изъ гордости раздѣлилъ я подарокъ твой между ими, но потому, что имъ гораздо нужнѣе нежели мнѣ, и что безъ ихъ помощи не могъ бы я тебя спасти.

Такъ ты думаешь, продолжалъ купецъ, что бы я ихъ забылъ? Вотъ что! — (вытащивъ кошелекъ съ деньгами) вотъ что я имъ назначалъ! — но ты, какъ я уже сказалъ, презрѣлъ мою благодарность!

Клянусь тебѣ всею святостію, что я ее не презираю! вскричалъ Рихардсонъ съ нѣкоторымъ жаромъ.

Такъ возьми по крайней мѣрѣ вотъ это, примолвилъ купецъ, подавая ему драгоцѣнный перстенъ, которой онъ снялъ у себя съ руки.

Рихардсонъ взялъ его.

Всѣ, слышавшіе сей почтенія достойный споръ, находились въ сомнѣніи, кому изъ двухъ должны они больше удивляться, вели-

кодушному ли корабельщику, или благодарному купцу; но всѣ согласны были въ томъ, что оба сіи мужи всякой чести и похвалы достойны.

ОСЕЛЪ И ЛОШАДЬ.

Въ какое то, не помню, время,
Оселъ претяжкое несъ бремя,
Удобное ему дать матъ.
Съ нимъ вмѣстѣ конь, незнаю что тому виною,
Съ порожней шелъ спиною.
Оселъ ему сказалъ: конь братъ!
Мой конь любезный!
Пожалуй сжалься ты на рокъ мой слезный
Ты видишь ношу на моей спинѣ,
Будь добръ и помоги ты мнѣ.—
Кто? я? я за тебя работать стану?
Лѣнтяй! такому я, какъ ты, болвану
Могу ли быть слугой?—
О конь мой дорогой!
Пищалъ оселъ, я умираю.
Ты силенъ: я передъ тобой дитя,
Полъ ноши ты моей снесешь шутя;
Спаси меня, я весь изнемогаю.
Нѣтъ, не хочу; конь гордо отвѣчалъ.
Оселъ бѣдняжка замолчалъ.
Въ унынiи глубокомъ,
Въ поту, въ жару жестокомъ,
Разъ пять еще ступилъ,
Упалъ и духъ свой испустилъ.
Тотчасъ сѣдло, подпруги, стремя,

Кульки, мѣшки и всякое беремя,
Съ осла долой,
Везти домой,
Взвалили на лошадь, на горду эту дуру,
И сверхъ того еще ослову шкуру.

МОЛОДОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Молодой скорохватъ, которой имѣлъ великую охоту путешествовать, отправился съ наставникомъ своимъ въ путь.

Лишь только успѣетъ онъ пріѣхать въ какое нибудь чужестранное мѣсто, то ужъ и спрашиваетъ: кудажъ мы отселѣ поѣдемъ? и никогда не хотѣлъ въ одномъ мѣстѣ пробыть столько времени, чтобъ осмотрѣть все, что было тамъ добраго и примѣчанія достойнаго.

Такую великую имѣлъ нетерпѣливость переѣзжать изъ мѣста въ мѣсто!

Наставникъ прашивалъ его иногда промѣшкать подолѣе, представляя, что путешествіе не принесетъ ему ни малой пользы, естьли онъ станетъ только что перелетать изъ одного мѣста въ другое.

Тщетно! онъ не могъ его убѣдить. Но что послѣдовало? Когда сей молодой человѣкъ возвратился домой, то не умѣлъ онъ ничего сказать о тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя пролеталъ, кромѣ одного ихъ имени.

Тогда позналъ онъ свою глупость, и долженъ былъ вознамѣриться вторично предпріять сіе путешествіе, когда хочетъ почерпнуть изъ того пользу.

Такъ точно бываетъ съ тѣми, которые не слушая хорошенько, что имъ учитель изъясняетъ, всегда только о томъ спрашиваютъ, что далѣе слѣдуетъ, и чрезъ то напослѣдокъ ничего не знаютъ.

Кто хочетъ чему твердо научиться, тотъ долженъ безъ всякой поспѣшности выслушивать, и не прежде за конецъ книги хвататься, какъ уже совершенно выразумѣвъ начало оной.

НЕТЕРПѢЛИВЫЙ МУЖИКЪ.

Съ однимъ уже немолодымъ мужикомъ, но которой въ молодости походилъ на скорохвата, подобное же случилось.

Онъ нанялъ плотника построить себѣ избу о трехъ срубахъ.

Между тѣмъ какъ плотникъ строилъ первой срубъ, мужикъ торопилъ его, чтобъ онъ поскорѣе принялся за другой.

Плотникъ увѣщевалъ его взять терпѣніе, покуда отдѣлается первой срубъ; но тотъ не давалъ ему ни на часъ покою, требуя отъ него, чтобъ онъ непремѣнно исполнилъ его волю и зачалъ строить второй срубъ не докончивая хорошенько перваго.

Потомъ когда второй срубъ началъ прихо-

дить къ окончанію, то сталъ онъ опять требовать, чтобъ приняться за послѣдній; ибо онъ въ крайней былъ нетерпѣливости домъ свой поскорѣе видѣть построеннымъ. Но что сдѣлалось?

Прежде нежели верьхъ дома былъ готовъ, все зданіе обрушилось, потому что срубы онаго не имѣли надлежащей между собою связи и укрѣпленія.

Власть надъ самимъ собою.

Горячъ Мишюша нравомъ былъ,
И хотъ отецъ ему твердилъ,
Чтобъ онъ себя воздерживать старался
И сердцу воли не давалъ;
Мишюша обѣщался,
Но въ словѣ не стоялъ;
За сущій вздоръ, за малость всяку,
Онъ часто шумъ и драку
Съ дѣтьми другими поднималъ,
И послѣ такъ передъ отцомъ
Съ слезами извинялся:
Я виноватъ, раскаиваюсь въ томъ,
Но братецъ разсердилъ , и я не воздержался.
Послушай Митинька! сказалъ отецъ,
Воздержность въ нашей власти,
Кто хочетъ съ твердостью, отъ всякой на конецъ,
Свободенъ будетъ страсти;
Тотъ лишъ ей рабъ,
Кто слабъ
Самъ управлять собою.
Поди ты въ садъ теперь, поди,
И тамъ покамѣстъ походи,
Я тотчасъ буду за тобою.
Мишюша побѣжалъ и долго ждетъ,

Отецъ нейдетъ:
Терпѣть Митюша не умѣетъ,
Досадуетъ и гнѣвенъ онъ,
Однако же изъ сада вонъ
Уйти не смѣетъ:
Уставъ такой у насъ въ сердцахъ,
Что гнѣва въ нихъ сильнѣе страхъ.
Въ послѣдокъ съ прочими пришелъ отецъ сынами.
Какъ ни былъ Митя разсерженъ,
Однако видъ казать веселый принужденъ,
Не льзя шутить съ отцами.
Съ начала онъ къ притворству прибѣгалъ,
А послѣ, какъ пришелъ къ нему умишко,
И какъ прошло его серчишко,
Такъ онъ и вподлинну повеселѣе сталъ.
Отецъ имъ говоритъ: ну дѣтки!
Во что хотите вы играть?
Кто въ жмурки, кто въ веревку, кто въ насѣдки;
Митюшѣ жъ змѣй хотѣлося спускать:
Въ играхъ, гдѣ бѣгаютъ, онъ былъ не очень совокъ;
Ловитъ другихъ неловокъ;
Однако же на этотъ разъ
Играть въ насѣдки былъ всеобщій гласъ.
Митюша внутренно хотя и побѣсился,

Но дѣлать нечего, сжавъ сердце согласился.
Пошла игра и бѣги чередой,
Бѣгутъ отъ коршуна, а коршунъ ихъ хватаетъ,
Митюша коршунъ былъ худой,
Изъ рѣзвыхъ ни кого цыплятокъ не поймаетъ;
Онъ сердится, но сердце вить не дастъ
Тому помоги,
Кто бѣгать не гораздъ,
Не сердце надобно тутъ, ноги.
Еще онъ побѣжалъ,
Споткнулся, на траву упалъ,
И ноги къ верьху у Митюши
Торчатъ какъ заичьи уши!
Упасть не грѣхъ,
Лишь только бъ не убиться;
Со всякимъ можетъ то случиться;
Однакожъ всѣхъ
Беретъ въ такомъ случаѣ смѣхъ.
Хохочутъ дѣти: Митя злится,
Серчишко въ немъ кипитъ:
Онъ радъ бы въ волосы вцѣпиться,
Да тутъ отецъ стоитъ!
И такъ, какъ ни было въ немъ сердце воспаленно,
Однакоже, тая свои грѣхи,
Тудаже съ прочими, хотя и принужденно,

Кусая губы,
Хи хи, хи хи,
Ворчишъ сквозь зубы.
Межъ тѣмъ не вѣченъ гнѣва пламень,
Вишь сердце въ насъ не камень,
Оно смягчается и простываетъ:
Кто сердится когда играетъ?
Прошолъ Митюшинъ жаръ и пылъ,
Игра другая началася,
Онъ бѣгая, рѣзвясь, смѣяся,
Всемъ сердцемъ веселъ былъ.
Тогда отецъ ему спокойно
И съ кротостью сказалъ:
Вотъ, Митинька! ты велъ себя благопристойно,
Рѣзвился и игралъ
Безъ всякой брани и безъ шуму;
Возмижъ себѣ ты крѣпко это въ думу
Что можемъ мы себя преодолѣть,
Лишь нада твердо захотѣть.
Когда бы прежде хорошенько
Подумалъ ты о семъ,
Давно бы велъ себя смирненько
И былъ любезенъ всѣмъ.
Севодни показалъ ты эту добродѣтель
За тѣмъ, что я былъ дѣлъ твоихъ свидѣтель;

Но ежели при мнѣ ты воздержаться могъ,
То какъ не разсуждаешь,
Что гдѣ ты ни бываешь,
И что ни дѣлаешь, всему свидѣтель Богъ?

У ДОБРАГО ГОСПОДИНА И СЛУГИ ДОБРЫЕ.

Изъ Кронона, что во Франціи, писали не давно слѣдующую пріятную вѣдомость:

Господинъ сего мѣста (которой конечно доброй человѣкъ, потому что любитъ добрыхъ людей) дѣлаетъ все что можетъ, дабы благодѣтельствовать своимъ домочадцамъ.

Онъ ежегодно удѣляетъ изъ своихъ доходовъ двѣсти талеровъ, и раздаетъ ихъ тѣмъ, которые хорошо себя ведутъ, взрослой ли то человѣкъ случится или мальчикъ, пожилая ли женщина или дѣвушка.

Онъ даетъ имъ сіи деньги всенародно въ церквѣ: тамъ объявляютъ при всемъ собраніи ихъ имена, и расказываютъ ихъ добрыя дѣла, по которымъ они удостоились сего награжденія.

Изъ награжденныхъ въ нынѣшнемъ году суть одинъ старикъ и одна дѣвица.

Старикъ объявленъ добрымъ потому, что онъ жилъ на свѣтѣ семдесятъ восемъ лѣтъ, и ни кого не было, кто бы про него сказалъ что нибудь худое, но напротивъ каждой утверждалъ, что онъ отъ самой юности своей всегда прилѣжно работалъ,

что всегда былъ услужливъ и благопріязненъ къ каждому, и что шестерыхъ дѣтей воспиталъ, которыми всякъ былъ доволенъ; сверхъ того имѣлъ онъ осмидесятилѣтнюю жену, изъ давнаго времени слѣпую, которая дряхлостію своею не малый трудъ ему наводила, и о которой однакожъ спокойствіи прилагалъ онъ всевозможное попеченіе, безъ всякаго притомъ роптанія, и ниже когда либо на нее или на судьбу свою жаловался.

Что касается до дѣвушки, то мы не можемъ лучшаго сдѣлать описанія, какъ скажемъ то, что говорилъ о ней священникъ. Вотъ его слова:

„Когда я пришелъ дѣвицѣ сей объявить, „что она есть та, которая назначается въ „нынѣшней годъ къ награжденію: то нашелъ „ее упражняющуюся въ шитьѣ плашка на „грудь больному своему отцу; и когда я сказалъ ей, что въ будущее Воскресеніе надѣнуть на нее вѣнокъ, и она всенародно получитъ отъ имени господина своего подарокъ „за извѣстныя уже всѣмъ ея добродѣтели, „то она отвѣтствовала: „я сего не заслу„живаю.

„Добродѣтель твоя это заслуживаетъ, „повторилъ я.

„Тогда взглянувъ на меня съ нѣкото-
„рымъ удивленiемъ молвила она: „я ни о ка-
„кой добродѣтели не знаю.

„Какъ? сказалъ я, развѣ мы ее не за ту
„принимаемъ? та ли это, которая на один-
„натцатомъ году возраста своего пошла слу-
„жить въ чужiе люди?

„Такъ говорила она, но я тогда не хо-
„тѣла у бѣдныхъ родителей моихъ понапрас-
„ну ѣсть хлѣбъ, а хотѣла его сама для себя
„доставать.

„И такъ, спрашивалъ я далѣе, это та
„самая, которою всѣ были довольны, кому
„она ни служила?

„Она повторила: „я старалась о томъ
„сколько могла, и сiе составляло все мое
„желанiе.

„Не правда ли, продолжалъ я спраши-
„вать, что она на пятнатцатомъ году воз-
„раста своего возвратилась назадъ и была
„безотлучно въ домѣ своего отца?

„На сiе она сказала: „такъ, это я. Ма-
„тушка моя тогда занемогла, и надобно
„было за нею ходить, а по смерти ея так-
„же и за батюшкою, которой, какъ вы ви-
„дите, старъ и хворъ.

„И такъ это та самая, продолжалъ я, „которая работою рукъ своихъ питала старика отца своего и маленькую сестру?

„Я старалась о семь сколько могла, отвѣтствовала она; но сіе было бы весьма „гнусно, естьли бы кто сего дѣлать не „сталь! онъ вишь мой отецъ, онъ меня воспиталъ, а сестра моя не могла бы сего „сдѣлать: она еще очень мала.

„Тутъ увидѣлъ я, что не ошибаюсь, и для „того сказалъ ей: будь спокойна, достойная „дѣвица! скоро труды твои уменьшатся.

„Сто талеровъ ты получишь, и чаятельно не умедлитъ найтиться доброй человѣкъ, которой на тебѣ женится. — Она „отвѣтствовала: дѣло это еще не такъ скоро сбудется! хотя мнѣ ужъ двадцать одинъ „годъ, но сестра моя мала еще и не можетъ „прокормить ни себя ни батюшку.„

Сіе разсказывалъ священникъ объ этой доброй дѣвицѣ: изъ сего видно, кого нашъ господинъ и наши люди признаютъ за добрыхъ.

